

Ф934433
А84
П75

ПРИАМУРЬЕ

2000

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Судья супруги
Судья супруги
Областной дубини

От амура

Минералов

В г. Иваново 20-11 лет,

Иваново.

13.09.2000.

А. А. А. А.

ОРК

А84 +
П75

Комитет по культуре администрации Амурской области
Амурская организация Союза писателей России

Редакционная
коллегия:

А.Н. Белоногов
В.В. Марценко
И.Д. Игнатенко
С.А. Борзунова
О.К. Маслов

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ПРИАМУРЬЕ
2000

№ 4 (22)

Редактор-
составитель -

В.Г. Лецик

Компьютерная
верстка -

Д.В. Львов

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Баш. Стихи.....	3
Галина Беляничева. ДНЕВНИК ХРОМОНОЖКИ. Повесть.....	6
Светлана Борзунова. Стихи.....	33
Виктор Рыльский. ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ, ИТАЛЬЯНСКИЙ ЗЯТЬ. Рассказы.....	35
Олег Маслов. О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ. Стихи.....	39
Валентина Телухова. РОДНЯ. Рассказ.....	40
Любовь Антонова. «МЕНЯ НЕ ПУГАЛИ НИ ХОЛОД, НИ ЗНОЙ...». Стихи.....	42
Женя Бутова. Стихи.....	46
Николай Фотьев. Стихи, басни.....	47
Григорий Шумейко. Стихи.....	49
Галина Тарасова. Рассказы.....	50
Светлана Шевченко. Стихи, проза.....	53
Виталий Останин. ОБИТЕЛЬ НЕРОЖДЕННЫХ. Рассказы.....	54
Инга Соколова. Стихи.....	57
Евгений Кольцов. Рассказы, стихи.....	58
Олег Горос. МОПС И КАРОЛИНА. Рассказ.....	61
Антон Геут. ЗАВИТОК. Рассказ.....	66
Яна Неизвестная. Стихи.....	73
Николай Лошманов. ДИМКИНЫ ИСТОРИИ. Детские рассказы для взрослых.....	75
Александр Бобошко. Стихи.....	76
МОЙ ПУШКИН	
Статьи и стихи амурских поэтов об А.С. Пушкине.....	78
Валентин Рассадин. Пародии.....	84
СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО	
Николай Рудковский. КРУГ ЖИЗНИ. Очерк.....	85

Приамурье. Литературно-
художественный
альманах,
№4 (22).
ООО Издательская
компания «РИО».
Благовещенск, 2000. - 88 с.

Благовещенск
2000

На обложке использованы рисунки благовещенского художника
Вадима Кондратьева

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

КОЛЛЕКЦИЯ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

АМУРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.Н. Муравьева-Амура

934433 12

МЕСТО редактора кондуктора

Ну что - поехали?..

Альманах наш, как автобус, битком набит, пришлось уплотняться. Шрифт мелковат, что и говорить. И корпус обложки не слишком расписан - на краску копеек не хватило. Ну да кому не нравится, тот пускай заказывает отдельную книжку для своих сочинений, а нам такси не по карману. Мы тут все льготники: едем на деньги областной администрации.

Пассажиры автобуса, то есть авторы альманаха, - люди самого разного возраста: от 11 до 90 лет. И манеры письма у всех разные, и уровни дарования. Но не будем пыжиться друг перед другом: кто гений, а кто не вполне. Мы едем в одном автобусе, но каждый сойдет на своей остановке и встретит своего читателя. Пусть эти встречи будут исполнены тепла и света.

Вообще, данная тема - относительно уровнем творческого дарования - необъятна и неисповедима. Я попытался завершить свою тронную кондукторскую речь какой-нибудь закругленной логической конструкцией в прозе. Но вместо этого - должно быть, от дорожной тряски - из меня выскочило два стишка. Это как две точки зрения на ценность и высоту творчества - из миллиарда возможных.

Ладно, что выскочило, то и выскочило.

* * *

Гений - тот, кто вдруг, спонтанно,
Мысль свою взметнув фонтанно,
Нам откроет Путь и Суть.
(Хоть порой такую муть
Наведет, что просто жуть.
Впрочем, путь, и суть, и муть
В чем-то схожи, как ни странно).

Но должны мы подчеркнуть,
Что обычного фонтана -
Там, на площади, фонтана,
Летом бьющего фонтана -
Никому, хоть кто он будь,
Столь спонтанно не взметнуть.

Тут все выглядит иначе.
Надо, чтоб не напортачить,
Со спецами посудачить,
Сильных мира озадачить -
Раздобыть финансы где б, -

А потом начать (иль начать -
Все одно) фонтан мастрячить:
И кайлить, и железачить...
Было б лишь чего заначить
И чего отдать жене б.

Пред потомством не маячить,
Ничего векам не значить,
Серым карлой проишачить,
Орошая потом хлеб,

Чтоб фонтан взметнулся в небо,
Расточительно хрустальный,
Стройный, словно хор венчальный,
Струйный вестель судеб.
Малышу - восторг купальный,
Старику - кивок прощальный,
И счастливый, и печальный,
Смех-и-слезы-растворяльный...

Хоть совсем не гениальный,
Как и всякий ширпотреб.

Лета к суровой прозе клонят.
Пушкин.

Скажу - пусть и не буду понят, -
Лета к суровой рифме клонят
И говорят: она сильнее
Тебя, надутый дуралей.

Ты окрылен: блеснула цель!
Вот он, шедевр, - и дверь открыта!
Но рифма рявкнула, как зверь:
Куда? То для титанов дверь!
Ты что - рифмуешь «дверь» и «цель»?
Так вот и лезь не в дверь, а в щель
Для тараканов. Пшел отсель...

И поползешь - пролить убито
Слезу в разбитое корыто.

Лета суровой тайной дразнят:
Тебе разгадки не видать, -
Истлей в мучительном соблазне,
Прими любые в мире казни -
В твой стих не снидет благодать!

Но ты был стоек и удал -
В тебе заноза на занозе,
На шраме шрам. Ты шел, страдал,
Немало ты дорог видал.
Да, ты в своей суровой прозе -
Седой и честный генерал.

Но как смущен твой бравый вид,
Когда поручик на дорогу
Выходит тихо, в ночь глядит.
Пред ним кремнистый путь блестит -
Путь к запредельному порогу.
И строчка, взмыв в ночной зенит,
Так со звездой говорит,
Что и пустыня внемлет Богу!

Лета к желанной рифме манят -
Но рифма блещет в горней мгле.
Все те ж лета мне взор туманят
И клонят голову к земле.

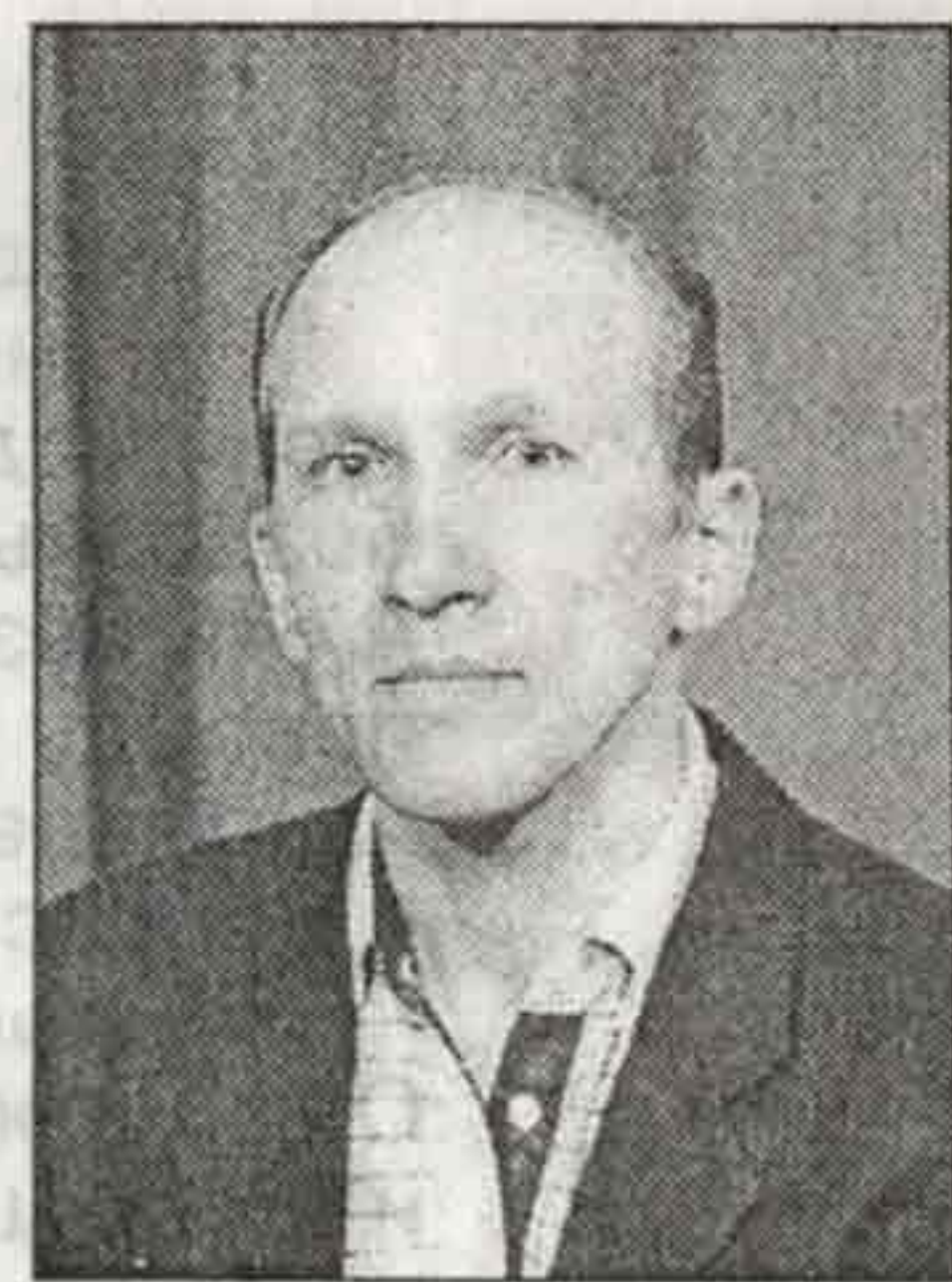
Владислав Лецик, кондуктор альманаха, или редактор автобуса.

Александр Баш

Александр Баш родился в 1955 году в Благовещенске. Окончил Дальневосточное высшее инженерное морское училище имени Невельского. Работал инженером-технологом на судоремонтном заводе в Петропавловске-Камчатском, а с 1979 года - инженером-конструктором на судостроительном заводе имени Октябрьской Революции в Благовещенске.

Стихи он конструировал для печати в приморских газетах, в «Амурской правде», в «Старой мельнице», в «Глаголе».

Мы ему сказали: «Саша, что ты все в газетах да в газетах? Давай так: ты нам подборочку стихов уступаешь - а мы за это твоей фамилией альманах откроем!» Так и договорились - баш на баш.

ВОТ И ВЕРЬ

Раз иду вдвоем с женой
вдоль по улице родной.
Из окна одна блондинка
странно машет мне рукой.

Вся почти что в неглиже,
на четвертом этаже.
«Ну, чего так громко машешь,
ведь жена заметит же!»

Мне скандалы не нужны,
отвлекаю взгляд жены:
- Посмотри-ка, дорогая,
как древа обнажены,

как затеплилась весна... -
Но заметила жена.
И, поставив руки в боки,
тормознула у окна:

- Я те древо покажу!
Лучше слушай, что скажу:
посмотри-ка на блондинку
на четвертом этаже!..

Вот попал, вот припекло!
Но взглянул - и отлегло.
Оказалось, что блондинка
моет тряпочкой стекло.

Как подснежник, я расцвел.
Лучше меньшее из зол.
А жена так сладко пилит,
чтоб принес ей нитхинол.

Вот и верь теперь весне!
Верь блондиночкам в окне...
До чего же все ж обидно:
и не машет, и не мне!

* * *

Вольюсь в людской водоворот,
туда, где все наоборот.

Своей тоской в него вольюсь
и беззаботно рассмеюсь.

Известно, что поток людской
не дружит с личной тоской.

ПРОГУЛКА В ПРОШЛОЕ

В том запущенном и старом
Благовещенске моем
по дощатым тротуарам
я пойду с тобой вдвоем.

Мальчугана взяв за руку,
поведу его туда,
где за долгую разлуку
не текла времен вода.

Где Амур не грыз бетона
в человеческом плену -
мимо насыпи зеленой
мчал зеленую волну,

мчал початые бутылки
с павильонов и ларьков,
мчал плоты до лесопилки,
нес куда-то вглубь веков.

Пусть несет. Ведь нам, признаться,
нынче дела нет до них.
Мы пломбир за девятнадцать
разделили на двоих:

из ларя, стакан - хрустящий -
лучше и не знает свет.
Я бы взял пломбира ящик,
да советских денег нет.

Нет и новых. Но базаром
мы пройти не преминем.
Супермаркет этот старый
добрым словом помянем.

Нет в продаже фруктов южных,
потому что было здесь
только то, что в жизни нужно.
И за столько, сколько есть.

Мелочь ходит здесь по кругу.
Худо-бедно все равны.
Здесь не тянут друг у друга
и не тянут из страны.

Ни Китая, ни Европы
здесь не вспомнят и не чтят.
...За копейку без сиропу
нас напоит автомат.

И двугривенный истратив
(сдал бутылку - весь доход), -
я с собой - сынишка с батеи -
завершаем свой поход.

СОНЕТ СВЕТЛАНЕ

Я мог воздвигнуть замок на песке,
прекрасный сад создать из пустыка, -
но был он зыбок, ведь моя тоска
была видна в любом его цветке.

Я счастлив был, когда перо в руке
дожди разлук пророчило... Пока
не появилась ты сквозь облака
тем светом, что не мыслит о тоске.

Войди в мой мир; как радуга, войди.
Пусть будут вечно рядом свет и дождь,
где два потока, слившихся в один,
где для печали места не найдешь.

Пусть даже светлой будет та печаль -
расстаться с ней нисколько мне не жаль.

ДЕТСТВО

1.

А очи мадонны
бездонны.
А очи бездомной мадонны
повсюду в скитаниях долгих
напоминают о Боге,
о доблести и о долге.

От долгого взгляда не деться, -
и в сердце всплывает детство...

2.

В багровом польском костеле
костер цветных одеяний.
И молятся христиане,
как у истоков истории.

Костел на востоке России.
Распятие, образа.
Старухи душой голосили,
слезой просветляя глаза,

подолгу поклоны стелили,
трясли старики бородой...
И втайне мальчишку крестили
холодной амурской водой.

3.

Небо - настезь.
Взвинчена земля.
На звенящем насте -
вензеля.

В зелени елок
белизна берез.
Паровозы волком
воют на мороз.

Иней на ресницах,
да искрится снег.
Нынче папке тридцать,
третий - мне.

И звенит в березах
звонкий смех.
И гудит под полозом,
будто бубен, снег.

4.

Как по шучьему веленью,
я лечу, поджав колени.
Между папою и мамой
я счастливый самый-самый.

В небе звезды хитро жмурятся,
и висит в шестом ряду моя.
Я лечу домой по улице,
ни о чем совсем не думая.

Звезды спеют, в лужи капают.
Я лечу, качаю здания.
Вместе с мамою и папою
раскачалась звезда моя.

И качаюсь я, и плаваю,
и до звезд огромных «скокаю»,
потому что папа с мамою
до моей звезды высокие.

5.

Много ли нужно для счастья? -
времени бег нарушив,
вдруг очутиться в царстве
сказок, больших деревьев
и елочных игрушек,
где все сугробы - огромны
и по колено лужи...

За кем-то след остался на этапе
сквозь всю Сибирь,
за кем-то - борозда.
Кого зовет труба,
кого-то - апекс,
кого-то - путеводная звезда.

Идем зачем-то или почему-то,
и тянемся вперед, и ждем толчка.
И дни и ночи,
дни и ночи мудро
ведет нас вверх незримая рука.

И пусть порой, как брызги из потока,
я отделюсь, сорвавшись с высоты, -
дай слиться, уклонившись от беды,
судьба моя; не будь ко мне жестока.

Постучали.
Я открылся.
Никого.
От печали,
сгоряча ли -
проворчал:
«Что за шуточки,
за штучки?
Для чего
открываться,
коль не видно,
кто стучал».

Отрываться
стали звезды
от холста,
неспроста
Создатель тонкой
сделал твердь.
Без конца
роняла звезды
высота.
Только звезды ли
стучали в мою дверь?

Я по воздуху
до звезд
не поспешу.
Я присяду
на завалинку
в тиши.
Я прохладой
беспечальной
подышу.
Постучали -
я открылся.
Для души.

У ОЗЕРА

И, вздрогнув, обернусь на всплеск,
но прозеваю миг.
Уже качнулся звездный блеск,
и первый круг возник.

Кто потревожить смел звезду,
прервал ее печаль?
Припишем рыбьему хвосту
начало тех начал.

Но есть загадочней круги.
И счастье - угадать:
дыхание каких глубин
идет через года.

И счастье, если знаешь, где
качнется звездный блеск.
...Стихи - кругами по воде.
Не прозевайте всплеск.

* * *

Все тает и тает.
И некуда деться
от света.
Испуганной стаей,
порывистым ветром
ударило в сердце.

Смятение и страхи,
влюбленности вёсны,
нервозность, -
а вовсе не тахи-
кардия, а вовсе не возраст.

И прелесть капли
с веселым стакато
витают.
И Музы запели
легко и бестактно.
И тает.

СОБИРАТЕЛИ

За солнцем - дождь, а за дождем - грибы,
а за грибами - я, куда деваться.
Ну, самая пора в процесс борьбы
за выживание личное вдаваться.

Вдаюсь я - в сосняки и в березняк.
То паутина мне в лицо, то хвоя.
Полно лукошко. В голове - сквозняк.
И синева чиста над головою.

Там самолет, оставив пенный след,
двадцатый век штурмует. Бога ради!
А лес - как лес, уже миллионы лет.
А я - как питекантроп-собиратель.

И тысячи таких же дикарей
в лесах Москвы, Полесья и Мещеры
прут ведра ягод, листьев и корней
в свои многоквартирные пещеры.

И это называется прогресс,
когда меня, познавшего компьютер,
как волка, от экрана тянет в лес?!
Ну, что за прелесть в том лесном уюте!

* * *

Усталость.
В тетради ни строчки не сделал.
Слова полыхнули тоской напоследок, -
и вот я свободен.
Скитаюсь
по белому
снегу.

Он медлит с паденьем.
Он может висеть,
бесшумною сферой сознание укутав.
Как белка, вращаюсь в его колесе:
Не знаю куда я, не помню откуда.

Забудусь...
И вдруг ошарашат, как взрыв,
восторги соседа, возникшего рядом.
Он рад чистоте.
Велика его радость,
ведь он наконец-то почистит ковры.

ГОСТЬ

Оборваны внешние связи.
В окне - девятнадцатый век,
дождит, и телега вязнет,
и что-то кричит человек.

Он машет, в окно стучится,
подожвы скоблит о порог.
И на половицы сочится
унылая грязь дорог.

Он крестится на Hitachi,
он окает, не скупясь.
Меня он не видит. И, значит,
оборвана внешняя связь.

Он руки греет за чаем,
пеняет на дождь в окне.
И кто-то ему отвечает,
Но кто? - не понятно мне.

От этой таинственной встречи
неясный, тревожный свет.
Погашены в зале свечи,
и вечер сошел на нет.

Мой гость - борода лопатой -
отклонялся, вышел прочь.
Экран - голубой лампадой.
Реклама пестрит всю ночь.

А я разбираю фото,
которым немало лет.
Из прадедов это кто-то.
Я помню его портрет.

Зачем это было надо,
на кой, извините, ляд
я встретился с предком взглядом,
и что означал тот взгляд?

Чего он хотел?... Но связи
оборваны неспроста...
В углу, против сохнувшей грязи,
Hitachi вместо Христа.

* * *

Весна! А я - женатый...
Завидую пернатым!
Они летят на север.
И вот что очень важно:
не потому что вместе,
а потому что каждый...
Когда б идти по жизни
нам удавалось так же!

ДВОЕ

А. Афанасьевой

Друг другу ничего не обещали,
легко шутили и легко прощали.
И легкий треп - о чувстве без названья -
казалось, не обязывал к признаньям.

*А между тем на краешке земли
две скрипки две мелодии вели.
Два голоса - сближаясь, расходясь -
сплетались в удивительную связь.*

А мы, мы не играли, а текли,
куда два русла две реки влекли.
И слиться вместе - к счастью ли, к беде? -
отвесных скал мешал водораздел.

*Две скрипки, два смычка, два скрипача
ль
сплавляли две мелодии в печаль.*

А мы с тобой не ведали печали,
не чувствуя полжизни за плечами,
мы не желали ничего желать:
быть может, жизни рядом прожить?
Но те полжизни, что промчали ране,
мешали балансировать на грани.

*И потому, сойдясь до полутона,
смычки втянулись в жалобы и стоны.
Секунда длилась вечность, без преград.
Мир позабыл, какой из звуков - лад,
где тоника, который будет вводным?*

И мы с тобой в падении свободном
уже летим - ревущий водопад!
И вместе мы. И больше нет преград.

Галина Беляничева

Слыхали новость? Галина Беляничева переехала из поселка Аэропорт в Благовещенск!

Шутка. К сожалению, по-прежнему приходится Галине Петровне почти час пилить автобусом из родного аэропорта в центр города, чтобы посмотреть в глаза редакторам «Приамурья» с неммым укором, в котором читается вопрос: ну когда же вы, наконец, найдете деньги на издание альманаха?

А доля правды, присущая всякой уважающей себя шутке, заключается вот в чем. Действие большинства повестей и рассказов Галины Беляничевой происходит в поселке Аэропорт. А предлагаемый вам «Дневник Хромоножки» завязан на самый что ни на есть исторический центр города Благовещенска - с выходом на столетние тайны, хранимые старыми купеческими домами...

Повесть

ДНЕВНИК ХРОМОНОЖКИ

13 мая 1997 года

Папа сказал, что в потолке нашей нынешней квартиры когда-то было окно. С годами рама рассохлась, в дождь пропускала воду, и прежние жильцы раму вынули, крышу закрыли, а дыру в потолке заложили досками. Окно это было в моей комнате: в потолке остался прямоугольник наличника - как раз над моей кроватью. Если бы оно сохранилось, то, лежа ночью в постели, я видела бы над собой звезды, лунный свет сочился бы на меня сверху, а днем сюда заплескивало бы солнце, и моя комната, с окном, глядящим на глухую кирпичную стену соседнего дома, была бы веселее.

Интересно, для чего было врезано окно в потолке? Может, здесь жил ремесленник - портной или часовщик, которому для работы требовалось много света? Или тут была мастерская художника? А может, дело не в практической надобности, а в причуде домовладельца? Захотелось ему выставиться перед соседями - и он выставился. В очень любопытное жилище наша семья переехала. Весь дом так и пропитан прошлым, а я, как выяснилось, ностальгистка. Когда дома никого нет, я отправляюсь путешествовать по квартире. Из своей комнаты, с письменным столом у окна, кроватью напротив, телевизором в углу, полкой с книгами и видеокассетами; картинками на обоях и высоченным потолком с приметам бывшего окна, я, подталкивая руками колеса, выезжаю на кухню - самое живое место квартиры. Здесь вся наша семья собирается на обед и ужин - и никому не бывает тесно. Даже я своей коляской не загромождаю пространства. Но когда мы не едим, я на кухню могу не выезжать. Достаточно мне раскрыть дверь своей комнаты - и я всех вижу и сама перед всеми как на ладони. Так и общаюсь через дверной проем, особенно с бабушкой, потому что с ответами на ее бесчисленные вопросы на кухню не наездишься. А так бабушка суетится у плиты, я за письменным столом занимаюсь или читаю, и мы через раскрытую дверь беседуем. Но вообще-то я и на кухне люблю поторчать, когда топится печь и бабушка что-то вкусное стряпает.

Через спаренное окно солнце потоком вливается в кухню. Стекла бабушкиного резного буфета переливаются разными цветами, от изумрудного до рубинового. По возрасту буфет, должно быть, ровесник дому. Мой предок, краснодеревщик, изготовил его в приданое бабушкиной маме, а от нее он перешел к бабушке. С тех пор она с ним не расстаётся. Подозреваю, что бабушка согласилась переехать к нам только потому, что для ее буфета имелось место. Папа, наверно, тоже держал его в уме, когда подбирал для обмена квартиру. Но самое приятное на кухне, конечно же, печь. От громоздкого ее тела обогреваются три комнаты, но огонь пылает на кухне.

Во время одинокого путешествия я пересекаю кухню по косо́й - из двери в дверь - и выезжаю в зал - нашу парадную комнату, как правило, музейно-пустынную. А что в ней делать? Торжественных приемов у нас не бывает.

Сами мы на кухне, близких родственников или соседей тоже принимаем на кухне. В зале только бабушка спит ночью, у теплого бока печи. А днем парадный покой пуст.

В зале у нас пианино. Наконец-то оно получило достойное место. Но на инструменте здесь никто не играет. В прежней нашей квартире пианино стояло в прихожей, и я каждый день на нем занималась. Но сейчас мне дали отсрочку на год, и я открываю его крышку только за тем, чтобы выжать из недр инструмента глубокий и скорбный вздох, долго угасающий в тиши зала. Я б могла позлорадствовать, что вот, надоедал раньше, жизнь отравлял, теперь посто́й в одиночестве. Но мне жаль честного труженика, он скорбит обо мне. Хоть бы мама на пианино сыграла. Но мама не хочет играть в этой квартире. Она, как певчий дрозд, не в ту клетку попала. Тогда я делаю несколько бурных аккордов и, пока звуки тают вверху под потолком, быстро-быстро отъезжаю в другой конец зала. Там, за перегородкой, прячется родительская спальня.

Из-за того, что в ней нет окна, ее не считают за комнату, хотя она больше моей. Сюда втиснуто почти все, что было в нашей прежней квартире, и еще новое добавлено. Кроме родительской кровати, здесь два платяных шкафа, столик с настольной лампой и кресло с торшером. Перегородка до потолка не доходит, поэтому поверху протянута короткая занавеска, когда задернутая, а когда и нет. Сейчас не задернута, да еще входную портьеру я откинула - и сквозь сумрак разглядываю родительский будуар.

В каждой из наших комнат я чувствую себя по-разному. У себя мне удобно и обиходно, в кухне тепло и мило, в зале торжественно и знобко, в родительской спальне неловко, словно я за чужой жизнью подглядываю. И это на самом деле так. Я приезжаю сюда, чтобы посмотреть, что у родителей нового, и вообще, как они тут... Папиного духа я почти не улавливаю. Он лишь ночует тут, а потом его можно увидеть где угодно, только не здесь. Он на кухне, он в моей комнате, он в сенях воду качает, он в общем дворе у сарая, он в маленьком дворике у меня под окном. А когда ему надо сосредоточиться и поработать, он устраивается за кухонным столом. Мастерит тоже на кухне. Они с бабушкой друг другу не мешают, а я через раскрытую дверь из своей комнаты за ними наблюдаю.

А вот мама любит посидеть в закутке. За столиком с настольной лампой округлым и ровным почерком выводит нескончаемые библиотечные планы или в кресле, под торшером, читает. Потому-то за перегородкой все насыщено ею. Запах ее духов, забытый ею халат, черновик очередного плана, - загадочная мамина жизнь.

В родительской комнате мое одиночное странствие прерывает глухая стена, перекрывающая нашу квартиру. И всякий раз у меня остается ощущение оборванности, незаконченности путешествия. Мне кажется, что самое интересное скрыто от меня стеной, за которой спрятана тайна дома. Он так древен и стар, должна же быть у него своя тайна! Мне хочется раздвинуть стену и пройти

сквозь нее вместе с коляской.

Я понимаю, мои фантазии от замкнутости жизни и недостатка общения. Папа сотворяет для меня коляску-самокатку с автоматическим управлением. Я говорю папе: «Ты с дистанционным сделай, чтобы бабушка, не выходя из дома, прогуливала бы меня по улицам».

Сама для себя я тоже кое-что придумала. Я решила вести дневник, чтобы он стал для меня всем, чего не хватает мне в жизни: окном в звездное небо, дверцей в тайну, терпеливым и понимающим собеседником, преданным другом и верным товарищем.

Кроме того, этим дневником я бросаю вызов судьбе, так как начинаю его тринадцатого мая, в годовщину моего несчастья, когда я, при неудачном приземлении в танцевальном зале, вывихнула и сломала тазобедренный сустав. Тринадцать - число моих полных лет. А еще тринадцатого декабря папа выписал меня из больницы и привез в эту квартиру, на которую обменял нашу прежнюю, однокомнатную, на пятом этаже кирпичного дома. Так что цифра тринадцать меня печально сопровождает, и я намерена выйти из-под ее рокового влияния.

14 мая 1997 года

Я хоть и бросила вызов роковому числу тринадцать, но ни себя, ни родителей во вчерашней записи по именам не назвала. На всякий случай состорожничала, чтобы не подводить под удар родителей. Им и так со мной неприятностей хватает, особенно маме. С моим несчастьем у нее рухнули на меня все надежды. Она мечтала, чтобы я танцевала и играла на фортепиано, чтобы я стала, как и она, человеком культуры. Но это только начинается с танцев и музыки, а кончается тишиной библиотеки. Мама надеялась, что я продвинусь по пути славы и добьюсь больше, чем добилась она. Но исключительной судьбы у меня, со всей очевидностью, уже не будет. Мама в горе и разочаровании. Ее не утешает, что в нашей семье уже есть исключительная личность - это папа. Он у нас редкий специалист по наладке сверхточного и сверхчувствительного оборудования. Как в городе что-то новейшее устанавливают - обязательно папу зовут. К самой тонкой и капризной технике он подход знает, и его самого в мире высоких спецов тоже знают.

А по виду папа самый обыкновенный и даже невыразительный на внешность: лысоватый, круглолицый. Но когда улыбается, на щеках появляются ямочки. Характер у него непоседливый, но слушает он со вниманием и всякого человека понимает, будто перед ним механизм. Фамилия у него скромная, на великие успехи не рассчитанная. Малышев он, Алексей Петрович. Бабушка, мама его, Анна Сергеевна Малышева. Моя мама, Наталья Григорьевна, поневоле Малышева. А я - Софья Малышева, малая мудрость, значит, вот это точное попадание.

От папы у нас не только фамилия, от него вся наша семейная жизнь, ее достаток и благосостояние. Мамин библиотечный заработок - пустяк, и тот вовремя не дают. У бабушки скромная учительская пенсия. От меня пока ничего, разор один, одно мое лечение родителям в копеечку обходится. Папа задался целью отремонтировать мою ногу так, чтоб не осталось изъяну. На все процедуры и лечения неукоснительно возит. Когда мне совершенно двигаться не позволяли, папа меня на руках к машине носил, кресло на верх «жигуленка» ставил. У лечебницы меня пересадит и по кабинетам на кресле возит. С самой зимы подобная канитель - и все на папе. Мама страдающим взглядом проводит меня и страдающим встретит. У меня ее страдающие глаза вызывают чувство вины. Ведь я по легкомыслию себя в беду ввергла. Подпрыгнула вверх, не предупредив партнера, уверенная, что Коля подхватит, - а он растерялся и не поймал. Это папа с любой позиции меня бы подхватил, а Коля Бехтин просто красивый мальчик, сверх меры повернутый на себя. Сейчас он с Юлей Татальниковой танцует. Она счастлива, своего добилась. Папе я верю: как сказал, так и сделает, - починят меня без хромоты. Но танцевать я больше уже не буду.

Да разве только танцевать? Неудачное приземление

от многого меня оторвало. Только родители со мною остались и отчасти Юля Татальникова. Да и то потому, что по новому моему месту жительства мы с нею соседями сделались, на одном переулке живем: я в начале квартала, а она в конце. Юля не то что со мною дружит, а так, снисходит, забредет иной раз поболтать, когда не с кем. Втайне она полагает, что теперь я ей не ровня, и не хочет замечать, что у меня появились новые увлечения. Да, я не танцую и не играю на пианино, но я много читаю и учусь в одиночку. Я не только не отстала по программе от своих одноклассников, но, по-моему, я их опережаю и в конце мая буду сдавать экстерном за восьмой класс. А по некоторым предметам я уже за девятый класс учусь. В домашних условиях быстрее успеваю: по математике и физике помогает папа, по литературе - мама, бабушка занимается со мною английским языком, историю я осваиваю сама, по биологии и химии натаскивает бабушкина подружка, бывшая учительница.

Мама нанесла из библиотеки гору книжек, по которым я должна самостоятельно развиваться, округлым своим почерком расписывает недельные программы и каждый месяц устраивает зачеты.

Относительно меня у мамы, кажется, вызревают новые надежды, переориентированные на мое новое состояние. Если раньше самым главным в моем воспитании были танцы и музыка, то теперь предпочтение отдается английскому. Мама даже собиралась нанять репетитора, считая, что бабушки как учителя для меня мало. Папа убедил ее заменить репетитора аудио- и видеокассетами. Маме почему-то важно не само образование, а побочные добавки к нему. Она уверена, что именно они способны устроить мое будущее.

Этой зимой по самоучителю я освоила игру на гитаре и у себя в комнате напеваю жестокие романсы. Так мама и ухом не ведет. Для нее гитара по самоучителю не образование. Она признает фундаментальное обучение, чуть ли не с профессором.

Мама не в библиотекари, а в артистки себя готовила. Я смотрю на ее лицо, каждая черта в нем прекрасна: огненные цыганские глаза, широкий разлет бровей, ярко прописанные губы, нос аккуратным клювиком, но совсем не острый. С такими чертами мама была бы красавицей, если бы овал лица не подвел. Оно у нее несколько широкоовато, отчего парные черты словно оттянуты друг от друга, а подбородок нечетко оформлен. Эта неправильность умаляет в лице красоту, но взамен придает ему энергию и решительность.

Представляю, как мама в гордом самоотречении, точно ножом, отсекала от себя артистическую карьеру. Неужели ради папиных ямочек на щеках и пышной тогда еще шевелюры? А может, переложила несостоявшиеся надежды на следующее поколение, то есть на меня? Если так, то тут она не права - это уже моя жизнь, и мне самой в ней находить или терять.

Мама подавлена не только моим несчастьем, но и переездом в этот старый деревянный дом. Будто она на дно жизни скатилась. Можно подумать, что у нас были какие-то сверхцивилизованные условия. Однокомнатная квартира на пятом этаже, правда, с лоджией и широкой прихожей. Я за шкафом спала. Представляю, как бы я там с коляской тыкалась. Из-за узкой двери и в лоджию не смогла бы въехать, так бы и сидела замурованной наверху. А здесь простор, кубатура, и бабушка с нами, а с нею семейный буфет, а с ним - совсем иной привкус у жизни.

Но мама замкнулась на своих комплексах, вся ушла в переживания и работу. Раньше она веселее была, приятельниц у себя собирала, торт пекли, чаевничали, на пианино играли и прямо в прихожей танцевали. Здесь целый зал для приема, пианино в красном углу, но мама подружек не приглашает. Чай они пьют у себя в библиотеке и там же справляют свои маленькие праздники. Скучно теперь у нас. Сколько дурашливой суеты и веселого щебетанья привнесли бы мамыны сотрудницы в нашу нынешнюю квартиру. Чай пили бы с бабушкиными крендельками. Они не хуже прежних маминых тортов. Но мама

то ли меня в коляске не хочет показывать, то ли квартиры стесняется. Ей-то что, она у себя на работе наверстывает, а я без общества маюсь, сама себя развлекаю. В фильме «Жестокий романс», он у меня на кассете есть, я высмотрела, что Лариса Огудалова жила точно в таком, как наш, доме. Особенно это видно в тех кадрах, где она за домом читает книгу. Ну копия наш дом со двора, только в фильме он новее. Я маме и папе этот момент показала. Мама осталась равнодушна, а папа заинтересовался. Я же целую зиму в образе героини «Бесприданницы» прожила, струны пощипывала, волосы красным бантом украшала.

От жгучего мамино колорита мне кое-что передалось: темные глаза - без ее огненной страстности, правда, но с моей собственной затаенностью, - темные мамины кудри, матовый цвет лица. Овал у меня правильный, это хорошо. А вот маминой пылкости и энергии мне не досталось. Зато во мне есть задумчивая рассеянность, что для образа «Бесприданницы» больше подходит. Я гляжу на себя в зеркало, и оно мне показывает Ларису, томную и страдающую в тесных рамках окружавшего ее общества. Это я в ней или она во мне? Эх, увидеть бы еще себя в полный рост!

15 мая 1997 года

К нашей квартире примыкает внутренний, закрытый от постороннего глаза дворик. Папа положил под порожки скаты, и я - сначала с бабушкиной помощью, а теперь и сама - выезжаю в этот дворик. Зимой меня укутывали одеялом и оставляли на порожке за сенями. Я часами глядела на вытянутый прямоугольник закоулка между нашим домом, глухой стеной соседнего кирпичного строения, дровяным сараем, штaketным забором с калиткой.

Во дворе затишок и припек. Меня никто не видит, кроме бабушки, которая из кухни через окно моей комнаты на меня время от времени поглядывает. Даже в самые морозные дни я тут гуляла. Когда мне хотелось подвигаться, я подъезжала к калитке, открывала ее и глядела в большой двор, к которому, кроме нашего, примыкали еще два дома. Этот общий двор тесно заполнен сараями, гаражами и палисадниками. Из своей калитки я вижу всех входящих и выходящих и даже идущих по переулку мимо. Сюда, к калитке, однажды подошли и познакомились со мной две девочки из нашего двора: Зоя Браницкая и Галя Малахова. Девочки чуть постарше меня, обе учатся в десятом классе. Я подружилась с ними. Вечерами они приходят ко мне смотреть видеофильмы.

А в нашем глухом, спрятанном от постороннего глаза закоулке я смешно так познакомилась с мальчиком. В конце февраля, когда солнце начало припекать и на южной стороне появились лужицы, я возле сеней читала книжку. Вдруг меня кто-то сверху звонко-звонко окликнул: «Эй!» Я подняла голову. Наверху кирпичной стены, свесив ноги, сидел мальчик помладше меня, или показавшийся мне помладше. Этот кирпичный дом какой-то странный: у него, как у сарая, односкатная крыша. Скат обращен в чужой двор, а с нашей стороны высокий гребень. Мальчик и сидел на этом гребне.

- Привет, - сказал он.
- Привет, - отвечала я.
- На солнышке греешься?
- Вроде того.
- А я тебя знаю, - сказал мальчик.
- Откуда? - удивилась я.
- Тебя каждый день к машине таскают, а я вижу.
- А я тебя ни разу не видела, - я пожалала плечом.
- Это потому, что по сторонам не глядишь. А ты посмотри, я всегда в воротах торчу.
- Ты не учишься?
- Я со второй смены.
- А-а, - сказала я, довольная возможностью поговорить.
- Ты совсем двигаться не можешь? - спросил он.
- На костылях могу.
- У тебя одна или обе ноги не ходят?

- Одна.
- Значит, ты хромая, - глубокомысленно кивнул он. - А как тебя зовут?
- Соня.
- А кличка есть?
- Нет.
- Совсем нет или скрываешь?
- Совсем нет.
- Хочешь, я тебе кличку дам?
- Попробуй, - согласилась я.
Мальчик запрокинул голову, поглядел в синее небо, словно искал в нем ответ, и сказал:
- Хромоножка!
- По внешнему признаку обозвать - ума много не надо, - разочарованно ответила я, а про себя подумала: «Хорошо еще, что Инвалидкой не назвал».
- А тебя как зовут? - в свою очередь спросила я.
- По кличке или по правде?
- Да хоть как.
- По правде я Серега.
- А по кличке?
- Когда-нибудь узнаешь, - уклонился он.
- А когда-нибудь - это когда?
- Когда девки скажут...
- А ты с девочками знаком?
- Ну да, они говорят, у тебя по видуку фильмы классные.
- Поэтому ты сюда залез? - догадалась я.
- Я тут всегда лазию, - отговорился Серега.
- Что-то я не замечала.
- Это зимой. А летом я все крыши вокруг обхожу. Хочешь знать - это я вашу беседку разворотил. Ну, не вашу, а прежних хозяев...
В углу дворика, напротив калитки, в самом деле была ветхая беседка с разъехавшимися подпорами.
- А в этой квартире, - мальчик указал на граничивший с нашим двориком палисадник, - сумасшедшая старуха живет. Она на меня наезжает, когда я тут лазию. На тебя наезжает?
- Еще как, - ответила я.
- Пугани ее посильнее, она заткнется, - посоветовал он.
- Я по-всякому пробовала, ее ничто не берет, - пожаловалась я.
- На нее только страх действует. Я не даю ей зарываться. Она только на меня наедет, а я ей: «Заткнись, старая ведьма, а то подпалю». Она сразу прячется.
- И вправду подпалить можешь?
- Запросто.
- Тут и другие квартиры...
- Мне плевать, наш дом кирпичный.
- Опасный ты человек, Серега, - покачала я головой.
- Ты что, испугалась? - спросил он, явно довольный.
- Представь, у нас загорится, а я костыль не найду - так и не выйду!
- А ты клади его под подушку, когда спать ложишься.
- Придется.
- Хочешь, я к тебе спущусь? - предложил мальчик.
- Ну, спустись, - разрешила я.
Он поднялся на ноги, перебежал по крыше до угла дворика, где под кирпичной стеной стояла полуразвалившаяся беседка. Повиснув на руках, он ногами дотянулся до верхушки беседки. Она под ним зашаталась, но он, освоенным движением, переплел ногами хлипкий столбик и скатился по нему вниз.
- Ты из этого закутка никуда не выезжаешь? - спросил он, подойдя.
- Вozить некому, - сказала я.
- Давай я тебя покатаю, на улицу вывезу.
- Лучше не надо, а то где-нибудь бросишь, потому что тебе плевать.
- Капитально меня раскусила, - просиял он.
- Это тебе за Хромоножку.
- А ты обиделась? Я же не самую позорную кликуху выбрал.

- Но и не лучшую.
- Кликуха всегда прикольной, чем имя.
- Твоя прикольная?
- Еще как!
- Скажи!
- Не-а, а то на видик непустишь. Я хочу с девками к тебе приходиться.
- Они разве тебе компания? - удивилась я, представив его рядом со старшими девочками.
- А что, если другой молодежи поблизости нет. Не с бабкой же Сумской им водиться? - рассудил он.
- Значит, и мне с тобой водиться придется?
- Понятное дело, - небрежно ответил он.
«Тоже мне молодежь, - подумала я. - Кавалер сопливый».
- Так я приду к тебе с девками? - напомнил Серега.
- Приходи, - неуверенно согласилась я.

И он пришел с Галей и Зоей. Девочки называли его Фомкой. Надо же, какое точное попадание! Ну и ко мне прозвище Хромоножка тоже прилипло. Правда, произносилось оно чаще за глаза.

А сумасшедшая старуха, о которой говорил Фомка, в самом деле меня преследует. Фамилия ее Сумская, а имя забылось, потому что никто во дворе с ней не связывается. Живет она на нашей половине дома. Из окна ее квартиры, должно быть, видна часть нашего дворика возле калитки. То ли от скуки, то ли от злобности бабка Сумская повадилась меня подкарауливать. Стоит мне подъехать к калитке, как на крыльце своей квартиры появляется старуха и начинает злобно шипеть и бубнить всякие гадости. Я и по-хорошему с ней, и по-плохому, папа выходил усовестить ее, бабушка гоняла - не отцепляется от меня, клюет и клюет. Только мама, не поняв почему, одним своим появлением нагоняет на нее страх. Но мама редко ходит через двор, она больше пользуется дверью, что выходит на улицу. И меня в лечебницу папа с наружного входа забирает. Но если мама идет двором, а Сумская стоит у себя в ограде, да еще если мама ненароком поведет на нее черным, огненным своим взглядом, со старухой начинает твориться что-то невероятное. Она в ужасе кричит «Матилька! Матилька!» - это звучит, как «пожар, пожар!» - и прячется в доме. Бывает, что не успевает добежать до крыльца, тогда падает на землю и закрывает руками голову. Полежит-полежит, осмотрится - мама прошла, - подымеется и тихонечко ковыляет в дом. Несколько дней потом не показывается и меня не преследует.

Отчего она так маму боится? Черные глаза, что ли, на нее действуют? Мама же истерик ее не замечает, идет себе мимо. И дома о Сумской слова не скажет, словно ее на белом свете не существует.

А мне Сумская триндычит одно и то же. Сначала прочит, что я навсегда хромой останусь, злорадствует по этому поводу, потом свирепеет и заходится торжеством: «Так тебе и надо, чекистка поганая, калека убогая!». В минуты ее кликушеского ликования невозможно что-либо ей объяснить. При чем тут какая-то чекистка? Или она не понимает, что я больная девочка из совсем другой эпохи? А может, все понимает, но ради сумасшедшей своей блажи видит то, что ей хочется видеть? Счеты, что ли, с кем-то сводит? Чем же я ей эту чекистку напоминаю? Наверное, та была хромой, потому что Сумская упорно на хромоту напирала. Видно, крепко они в жизни столкнулись, если у Сумской застарелая ненависть перешла в сумасшествие. Только я подозреваю, что это не сумасшествие, а притворство. Вредина она, вот и все. Всех во дворе терроризирует, а сама-то тоже боится! Вот я ее пугану, в самом деле!

Раз она меня чекисткой обзывает, пусть получает чекистку. Всю зиму я грезил Ларисой Огудаловой, а теперь предстану другой Ларисой - по фамилии Рейснер, революционным комиссаром гражданской войны. Я надела мамину кожаную куртку, приколола к ней красный бантик, на голову натянула папин картуз с козырьком, кожаным верхом и меховыми отворотами. Отвороты я опустила кожей наружу, получилось нечто вроде защитного шле-

ма. Накрылась одеялом, въехала в раскрытую калитку. Дело шло к весне, с крыш капало, грело солнышко - решила, что не замерзну.

Только я устроилась на своем обычном месте, как на крыльце появилась Сумская в заношенном бушлате, вязаном платке вокруг длинного жеваного лица, с седыми выпирающими патлами и острым носом.

- Что, убогая, погулять вылезла? - заблажила она, уверенная в моей беззащитности и своей безнаказанности. - Небось, хочется ножками побегать? А не бегут ноженьки. Никогда не побегут, я тебе говорю!

Я молча ждала, когда старуха распалит себя до нужного мне слова. Мое молчание, видимо, подогрело ее. Она спустилась с крыльца и подошла вплотную к своей ограде. Я близко увидела ее зловещую физиономию и острый огонь в мутных глазах. Схватившись руками за штакетины, сумасшедшая с ненавистью прошипела:

- Калекой с коляски встанешь, калекой пойдешь, чекистка хромоногая!

Вот оно, нужное слово! Я откинула одеяло и нацелилась на Сумскую из игрушечного пистолета:

- Ах, ты контра! Забыла, с кем разговариваешь? - выкрикнула я. - Становись к стенке! - В этот момент я сама забыла, что пистолет бутафорский, а я не чекистка.

У старухи побелели губы, затем бледность охватила все лицо. На нем появилось совершенно новое выражение - угрюмое и вполне осмысленное. Глаза ее смотрели на меня с колючей неприязнью. Такой, наверно, Сумская видит себя в зеркале, если заглядывает в него.

Расцепив сведенные губы, старуха презрительно процедила:

- Мала еще представляться.

Я обомлела: такого поворота я не ожидала. А она повернулась и пошла к дому, держа спину как-то по-деревянному неподвижно. Все-таки, видно, опасалась, что я пальну. Не оглянувшись ни разу, поднялась на крыльцо и скрылась за дверью. Да, достоинства в этой злыдне хватает, и она не труслива. Но куда подевалось ее безумие? Неужели мой игрушечный пистолет вправил ей мозги? Или она сама «представляется»?

Наверно, я все-таки ее вылечила, потому что она меня больше не преследует, сколько бы я у калитки ни торчала. Если меня из своей ограды увидит - отворачивается. С мамой тоже стала вести себя по-другому. Уже не бежит от нее с криками «Матилька! Матилька!», а молча переживает, вобрав голову в плечи, пока мама пройдет.

Моя бабушка как-то пришла со двора и рассказала, что Сумская пожаловалась ей на то, что я пистолетом ее пугала.

- Надеюсь, ты не сказала, что пистолет был игрушечный? - спросила я.

- Я знаю, что говорить, - успокоила меня бабушка. - Я ей сказала, что ты у нас настоящая чекистка.

- А она?

- На чекистку смолчала.

- Мне кажется, никакая она не сумасшедшая. Просто притворяется, чтоб людей безнаказанно обижать, - сказала я.

- Как знать, как знать, - с сомнением покачала головой бабушка.

16 мая 1997 года

Напрасно мир деревянных домов считают отсталым. Я смотрю на дома нашего общего двора, на них приметы лучших образцов старой культуры. Когда-то они составляли украшение города. Построены в центральной его части, на перекрестке двух улиц. С одной из них, той, что считается сейчас переулком, исторически начинался город. Однажды мне пришла мысль, что три наших дома поставлены рядом не случайно - каждый из них имел какое-то особое назначение. Это мне открылось зимним морозным днем. Я из своей калитки смотрела в большой двор, выходящий в переулок. Выпавший накануне снег лежал еще рыхлыми и свежими перинами. От общего ствола расчищенной дороги веточками разбежались к па-

лисадникам узенькие тропиночки. Дома грузно просели в снег и были похожи на древних старцев в серых шубах, отороченных белым мехом и окуренных седыми дымами из печных труб. Старцы были крепки и могучи и, как Деда Морозы, могли одарить или не одарить подарком - вековой мудростью. Вот тогда-то я и обратила внимание, что все три дома разные. К чему бы это для одного двора? Конечно же, они составляли единый комплекс - но какой? Это что - усадьба, имение или что-то еще? Какой дом из трех главный, а какие вспомогательные?

В эту минуту ко мне подошел папа, и я ему показала:

- Пап, посмотри, этот двор и дома - как ребус, правда?

- Какой ребус? - удивился он.

- Обыкновенный, который разгадывают. Я определенно чувствую идею, но не могу понять какую.

Папа принагнулся позади меня, чтобы увидеть перспективу с моей точки обзора.

- Ты права, Соня, тут что-то есть, - сказал он. - Надо порасспросить старожилов.

И стал разворачивать мою коляску в направлении сени, вслух рассуждая:

- Гнездовая застройка... курень, подворье... Очевидно, тут было подворье или купеческий завод, что, собственно, одно и то же. Я спрошу, Сонечка, у прежних хозяев нашей квартиры, они тут лет двадцать прожили.

«Подворье, - повторяла я про себя. - Вот слово, которое объединяет все!»

Дома в словаре Даля я отыскала значение слова «подворье». «Заезжий постоялый двор, гостиница (подходит). Дом со всем простором и ухожами купца, заводчика для наезду, для стояния своих обозов, для складки товаров в городе у ярмарок, пристаней, на местах валового сбыта» (еще как подходит! Амур рядом, и ярмарка там же, на площади у речного вокзала, была). Ниже в статье «подворье» я прочла приведенную Далем поговорку: «Во всяком подворье свое поверье». Это уж и вообще в самую точку! О поверье нашего подворья непременно что-то знает Сумская. Кто такая Матилька, которую она как огня боится? Кто такая сама Сумская? Кто чекистка, которую она ненавидит? Сейчас она злобная старуха, а кем была в молодые годы и как оказалась в этом дворе?

Моя бабушка, которая все же завела с Сумской соседские отношения, выяснила, что зовут ее Надеждой Николаевной, что она 1927 года рождения и до пенсии работала бухгалтером.

Оказывается, у старухи есть имя, да еще какое красивое - Надежда Николаевна. И профессия у нее была самая что ни на есть нормальная. Если она с 27-го, то сейчас ей 70 лет. Я попросила бабушку еще кое-что узнать о соседке, но бабушка сказала, что Сумская ведет себя с нею осторожно, скрытничает, о Матильке и чекистке не проговаривается и вообще далеко не всегда вступает в разговоры... Надо порасспросить девочек - может, они что слышали?

Но вот папа, наконец, принес ожидаемые сведения. В самом деле, здесь был постоялый двор: с гостиницей - в доме, где сейчас живет Галя Малахова, с рестораном - где живем мы и Сумская - и хозяйским домом, в котором живет Зоя Браницкая. Заезжали во двор с переулка. Между гостиницей и хозяйским домом были высокие ворота, от которых и следа не осталось - вход оголен. Двор тогда не загромождали ни палисадники, ни сараюшки, и он был огромным. Горловина двора, тянувшаяся вдоль гостиницы, позволяла разъехаться двум встречным тройкам, а у ресторана и крыльца гостиницы он расширялся в целую площадь. Несколько упряжек одновременно могли дожидаться как постояльцев гостиницы, так и проезжих, обедающих в ресторане. Но это еще только гостевая половина подворья. За кирпичной стеной, которая перегораживает наш двор и одновременно является тыльной стороной Фомкиного дома, до конца квартала тянулась хозяйственная его часть - с конюшнями и заезжими избами. И Фомкин дом тоже был конюшней! А я-то гадала, откуда у него односкатная крыша? Знает ли Фомка, где он живет? Наверно, знает. Не оттого ли ему хочется

все вокруг подпалить? Тайна потолочного окна тоже раскрылась: оно было над обеденным залом ресторана. Точнее, не оно, а они - второе окно, сейчас тоже заколоченное, было в теперешней квартире бабки Сумской.

Постоялое заведение, рассказывал папа, процветало до 1913 года, пока к городу не провели железную дорогу. Железка, первая мировая война, затем революция и гражданская война разорили доходное предприятие.

Я попросила папу, чтобы он провез меня вокруг всего бывшего подворья. Солнечным февральским утром папа выкатил мою коляску во двор. Теперь по этому проезду, где когда-то разъезжались две тройки, могла проехать лишь одна машина. Мы медленно двигались, воображая, как все было, когда здесь кипела неведомая нам жизнь. Вероятно, она была типичной для постоянных дворов - непоседливой и шумной. Сюда, как в точку притяжения, слетались новости из ближних, дальних и совсем далеких мест и отсюда слухами растекались по городу. Здесь звякали бубенцы приезжающих и отъезжающих троек, в ожидании ездовых потопывали валенками похожие на разбойников ямщики, из ресторана вываливались разогретые вином и горячей едой путешественники, под тяжелыми шубами которых были спрятаны револьверы, а в санях, под подстилкой, - ружья. Перебегала двор гостиничная прислуга, держа перед собою кипящие самовары или подносы со щами в глиняных горшочках для постояльцев гостиницы, не желавших обедать в ресторане, вылетал из номеров молоденький казачий офицерик, с крыльца бухался в поданные сани и курьером несся вдоль Амура по военному поручению, звенел смех легкомысленных дамочек и заезжих кавалеров, желающих с ветерком прокатиться по прямым благовещенским улицам.

Весь этот кипящий колдоворот смыл прогрессом в виде железной дороги. А память о тех годах окончательно стерта прогрессом в виде многоквартирных домов, переманивших к себе из деревянного жилья лучшую публику. А сейчас тот же прогресс выманивает людей из многоквартирных домов в индивидуальные особняки, похожие на прежние купеческие, но напичканные современными удобствами. Старый же быт запрессовался в исторический и культурный пласт, мало кому интересный...

Мы с папой выехали в переулок и повернулись лицом к домам нашего двора.

Здание бывшей гостиницы, если не знать, как глубоко оно протянуто во двор, с фасада смотрится как средних размеров деревянный жилой дом - на высоком фундаменте, обшитом потемневшей от времени дощечкой, с веселой деревянной резьбой по карнизу, с резными ставнями окон. Мне кажется, что дом специально был развернут вглубь двора: чтобы постояльцам было спокойней здесь отдыхать. Высокие ворота и глухой забор отгораживали двор от глаз посторонних. Но сейчас, когда нет ни ворот, ни забора, дом проглядывается с боков, и видно, какой он длинный. Судя по окружающим его палисадникам, он в нашем дворе самый многоквартирный.

Бывший хозяйский дом стоит на углу переулочка и улицы. Мы с папой несколько раз проехали вдоль одной и другой его стороны, стараясь понять, что он такое. Если гостиница просто вытянута в длину, то в основе этого дома - фигура, напоминающая крестовину, оттого в нем так много углов. Окна в этом доме прорезаны парами, соприкасаются друг с другом ставнями. Резного карниза нет, зато крыша - в два яруса: на макушке как бы шапочка, а из-под этой шапочки, как платок, под наклоном выбегает второй ярус крыши. Полюбовавшись на эту крышу, мы вдоль забора по тротуару тронулись к своему дому, бывшей ресторации.

Наш дом, в общем-то, принадлежит улице, а с переулком его связывает только двор. Поставлен дом широко и просто, без затей. Тело его собрали из могучих бревен - видимо, деревья были срублены столетние. Богатырские плечи нашего дома и его богатырская грудь опираются на такой же могучий, сложенный из кирпича фундамент. Папа объяснил, что дом имел полуподвальный этаж, где размещалась кухня. С улицы в здание ресторации было

два входа: не с фасадной стороны, а с боков, но потом один из них развернулся крыльцом во двор и закрылся от улицы, а второй - где наша квартира - прирастил себе сени, имеющие две двери - и на улицу, и во двор. Ни одна из квартир нашего дома такого преимущества не имеет.

Капитальной бревенчатой стеной наш дом разделен пополам. С одной стороны живем мы и бабка Сумская, а о жильцах второй половины я пока ничего не знаю.

- Папа, а что было во второй половине реставрации?

- Наверно, еще один зал - для простой публики, так сказать. А может, наоборот, кабинеты для тех, кто не желал обедать в общем зале... Ты хочешь махом разгадать все вековые тайны. Оставь что-нибудь для других любопытных.

- А разве они будут - другие? - усомнилась я. - Помоему, кроме нас, это никого не интересует.

- Сегодня - да, а завтра может быть иначе, - заметил мой мудрый папа.

И мы по тротуару покатали дальше. Тут начиналась хозяйственная часть подворья. Сразу за нашим домом, но немного вглубь от тротуара, поставлена боком к улице красная кирпичная конюшня - Фомкин дом. Ее недавно подновили, подкрасили. Не знаю, как в ней живет, но вид у нее какой-то нездешний, что-то в ней есть от европейского средневековья. Дальше по ходу - большая изба. За избой, тоже вглубь от тротуара, еще одна кирпичная конюшня, она полуразрушена, и в одной ее части кто-то устроил гараж. А замыкает квартал длинное деревянное строение, как бы составленное из нескольких изб. Мы с папой решили, что в этих избах, скорее всего, были комнаты ожидания для проезжающих, а также жилье для ямщиков и конюхов.

Все бывшее подворье разделилось теперь на самостоятельные дворы, но лазы и проходы между этими дворами существуют. Во всяком случае, Фомка к ним не только по крыше пробирается, но и через какой-то лаз, - словно ниоткуда появляясь в нашем дворе.

После этого нашего путешествия мое воображение разыгралось.

Наша квартира мне теперь видится обеденным залом. Солнечный свет льется из потолочного окна, широкие половицы свежескоблены до цвета яичного желтка. Пахнет кислыми наваристыми щами. Лиственничные столы, исторгающие тонкий смолистый дух, покрыты белыми крахмальными скатертями. За ними сидят бородатые мужчины и черпают деревянными ложками из высоких глиняных мисок. Впереди у них дальний путь на северный прииск, с приключениями... Мое фантастическое видение не умещается в нашей квартире и, ломая капитальную стену, вторгается во вторую половину реставрации, туда, где кабинеты для обедающих отдельно.

Я - Лариса Огудалова, сбежавшая вслед за Паратовым и застрявшая на постоялом дворе. В сердечной истоме я перебираю струны гитары и с жестоким надрывом пою романс «Бубенцы».

Слышу звон бубенцов издали -

Это тройки знакомый разбег.

А кругом расстелился широко

Белым саваном искристый снег.

Весь романс великолепен, но меня особенно забирает его второй куплет:

Звон бубенчиков трепетно может

Воскресить позабытую тень,

Мою русскую душу встревожит

И встряхнет мою русскую лень.

Фомка, приловчившийся бегать ко мне без девочек, слушает, опершись локтем на стол и подперев голову ладонью. Не знаю, пробивает ли мое пение его, но меня саму еще как пробивает.

17 мая 1997 года

На лавочку под цветущую черемуху сумсковского палисадника по вечерам стягивается дворовая молодежь. Я выкатываюсь на коляске, приходит Галя Малахова, является Зоя Браницкая. Как всегда, словно ниоткуда, возникает

Фомка. В тот майский вечер к нам забрела еще Юля Татальникова.

От теплого воздуха, запаха черемухи и беспричинной радости мы слегка забалдели и несли всякую чепуху, Гале с Зоей по шестнадцать лет, Юле четырнадцать, мне тринадцать, Фомке, девичьему хвостику, двенадцать. Не сказать, что мы такая уж дружная компания, но этой весной вместе нам хорошо, даже Юле у нас нравится.

Мы все разные, и по-разному, наверно, сложится наша жизнь, но пока что наша разность нам не мешает. Галя Малахова - пампушка, простушка и хохотушка. Глаза у нее - как сливочные ириски, гладкие светло-русые волосы заплетены в пушистую косичку-колосок. Зоиные черты уже по-взрослому отточены, она красива, независима, дерзка на язык - и, по-моему, на поступки, - моментами презрительна и жестока. Она мускулиста и долговяза, волосы темные, короткие, на затылке взвихренные, глаза переменчивые. Юля томна и пластична от многолетних занятий танцами и балетом. Ее маленькую головку стрижет театральный парикмахер. И одевается она театрально. Все на ней новенькое, необношенное и как будто ненатуральное. Зойкина юбочка, до основания открывающая ее мосластые ноги, и то естественней смотрится. Галя одевается по-мещански, во все балахонистое, может, стесняется полноты. Я в брюках, футболке и легкой кофте. Фомка у нас светленький мальчик. Голова его с оттопыренными волосенками похожа на шар одуванчика. Кажется, дунь посильней - и полетит пух. Еще можно принять его торчащие волосы за нимб, этаким светоносным ореол на испорченном мальчишке.

Старуха Сумская уже выходила и гнала нашу компанию с лавочки, придравшись, что мы спинами продавливаем ее забор. Но Зойка с Фомкой так ее оттянули, что она убралась.

- Ведьма! - фыркнула Зойка. - Посидеть не дает.

- Недаром моя бабушка всех Сумских недолюбливает, - сказала Галя.

- А что - их много? - удивилась я.

- Откуда я знаю? Что я - слушаю ее, что ли! - дернула плечом Галя.

- Я бы послушала, - заметила я.

- Приезжай и слушай, - усмехнулась Галя. - Нас от ее рассказов тошнит. Одни Сумские у нее на языке.

- Ты меня свозишь к себе? - спросила я.

- Зачем тебе эта застарелая лапша на уши? - Галя удивленно посмотрела на меня.

- Мне интересно, - сказала я.

- Отвезу, чего там, - сказала Галя. - Мне самой хочется, чтобы ты у нас побывала.

Вечер уже гасил во дворе последние отблески солнца, когда вдруг, белая, как утренний свет, влетела к нам с переулка белая иномарка. У нас во дворе водились «запорожцы» и «жигули», но таких машин не было. Иномарка подплыла прямо к нашей окаменевшей компании и остановилась. Вылез парень лет двадцати трех - двадцати пяти, с непроницаемым лицом телохранителя, с приглаженным зачесом и уверенной повадкой. Он небрежно глянул на нас, вошел в калитку Сумской и в два пружинистых прыжка поднялся на крыльцо. Вытянув шею, мы ошеломленно наблюдали за тем, что происходит за оградой. Нерастерявшийся Фомка нырнул в калитку вслед за гостем.

Парень пнул носком кроссовки в низ двери. Она задрожала. Очевидно, бабка откликнулась изнутри, потому что приехавший громко сказал:

- Это я, тетя Надь, Игорь, внучатый племянник.

Значит, бабка не одинока, у нее есть родственники!

Дверь сеней робко приотворилась, словно готовая тут же закрыться, но парень сильно дернул ручку на себя и вошел, оставив дверь распахнутой.

- Надо ж, прорвался! - ожили мы.

- Еще бы, - подхватил возвратившийся Фомка. - Он так рванул, что чуть бабку наружу не вытащил.

- Племянник внучатый... - задумчиво сказала Зойка. - Откуда он взялся?

Фомка обследовал машину.

- «Тойота кроун», - сообщил он нам.

- Все, Фомка, старуху придется оставить в покое, не то племянничек из тебя бифштекс сделает, - поддразнила Зойка.

- Ха! - выглянул из-за машины Фомка. - Похоже, он не очень-то за нее!

- И правильно, - сказала Зойка. - Карга хорошего отношения не заслуживает.

- А если он сам такой же? - предположила я.

Зойка вдруг встала на его защиту:

- Со стервами, - сказала она, - надо быть еще большим стервецом!

- Родственничек, б-р-р, - передернула плечами Галя.

Юлю происходящее не задевало. Она была из другого двора.

Внучатый племянник недолго погостил у родственницы. Скоро он появился на крыльце. Бабка за его спиной тянула шею, чтобы через ограду разглядеть машину.

Выйдя из калитки, парень с большим интересом нас оглядел. Прежде всего он увидел подавшаюся к нему Зойку, признал ее достоинства и наградил ее поощрительной ухмылкой, слегка разомкнувшей губы. Затем перевел взгляд на Галю. Глаза его хищно вспыхнули и с холодной бесцеремонностью принялись разглядывать лицо с румяными, как булочки, щечками, глазки-ириски, пышную фигуру. Галя от этой наглости помертвела. Зойка ревниво ерзула, обиженная, что глазают не на нее. Парень успокоил ее быстрым взглядом, как бы сказавшим: «Не волнуйся, это не то» - и снова, прищурившись, уставился на Галю. Казалось, он обдумывал какую-то неожиданную возникшую мысль. Меня в коляске он вниманием обошел. Юлю осмотрел, но, похоже, она его не заинтересовала.

Открывая машину, парень обнаружил у себя под рукой преданно глядящего на него мальчишку и заговорщически ему кивнул, показывая глазами на Галю. К нашему удивлению, Фомка понимающе кивнул в ответ.

Не выдержав этой игры, Зойка вскочила, прикрыла собой Галю, переведя внимание на себя. Ей была подарена еще одна поощрительная ухмылка, и машина отъехала. Зойка примагниченно сделала за ней несколько шагов, а Фомка побежал вдогонку, свернув за угол следом за машиной.

- Ой, девки, я тащусь! - простонала Зойка, цепляясь руками за штакетины ограды и корчась, как от истомы.

- От него тащишься или от его машины? - спросила я.

- От жизни, какая за ним стоит, - сказала Зойка.

- Опасный, по-моему, тип, - поджала губы Юля.

- Отморозок, - поддержала я ее, - вспомнив, как хладнокровно, словно товар, он разглядывал Галю.

- Не говорите, девки, я все равно тащусь, - маялась Зойка.

Галя сидела бледная и подавленная, словно обреченная на позор.

Прибежал взбудораженный, с блестящими глазами Фомка.

- Ты предатель, Фомка, - начала выговаривать я ему. - С чего ты взял, что можешь распоряжаться нашими судьбами? Никто такого права тебе не давал... Смотри - выставим тебя из нашей компании!

Фомкины глаза вызывающе сузились.

Галя молчком поднялась и пошла к своему дому, по бабьи широко ступая налитыми в икрах ногами. Мы так же молчком провожали ее глазами и не сразу заметили, как во дворе появился еще один незнакомец. По виду это был бомж, изо всех сил старающийся показать себя в приличном качестве. Шел он небрежной, как бы гуляющей и в то же время неуверенной походкой, то и дело озираясь, будто чего-то ища. В руке он держал полупустой полиэтиленовый пакет. Одет он был не в самое худшее из того, что носится основной массой населения: футболка с картинкой, обтягивавшая круглящийся животик, спортивного вида штаны, распахнутая куртка типа рабочей спецовки. Как и положено бродяге, - обросшие щеки,

оплывшее лицо. Возраст средний: за тридцать, но еще до сорока.

Подойдя к нам, он скромно остановился на расстоянии и шепеляво спросил:

- Щупровский шарай где?

Мы напряглись, не понимая. У мужика, видать, каша во рту, или зубов не хватает.

- Щупров ждешь жил, шарай жа ним оштался, - пояснил незнакомец.

- Чупровский сарай? - догадалась Зойка и глянула на меня, потому что мы жили в бывшей квартире Чупровых.

Я показала на первый из дровяных сараев, рядом вытянувшихся вдоль глухой кирпичной стены.

- Не этот, другой! - помотал головой дядька.

Я пожалала плечами.

- Там, за углом! - Фомка, все знавший у нас во дворе, показал на закуток за сараями.

Дядька с пакетом двинулся в указанном направлении, Фомка, как водится, увязался за ним. Компания наша распалась. Мы чуток еще посидели и разбрелись.

Фомка окликнул меня с крыши своего дома.

- Этот бомж будет жить в сарае, - сообщил он.

- А-а, - не вникая, отозвалась я, направляя коляску к сеним. Фомка сопровождал меня поверху.

- А Зойка сама к тому побежит, по всему видно, - сказал он.

- Тебе-то что, - равнодушно ответила я.

- Надо не прозевать, - озабоченно произнес Фомка.

- Тебе-то что? - с раздражением повторила я.

- Можно доход поиметь!

- Мал еще в сутенеры записываться, - буркнула я. - И, поняв вдруг, насколько это у него всерьез, пригрозила:

- Против Гали что задумаешь - отколочу костылем.

Фомка, довольный, оскалится. Он был увертлив. Но я знала, что догоню и отколочу. Папа заканчивал делать коляску-самокатку.

Дома я предупредила папу и бабушку, чтобы Фомку больше на порог не пускали. И еще заказала папе складной костыль.

18 мая 1997 года

Юля Татальникова пригласила меня в театр, они с Колей Бехтиным почти целый сезон там отработали. Сначала танцевали в новогодней детской сказке, а потом и в других спектаклях, где требовались танцевальные номера. Их даже пригласили на гастроли. А сегодня, на закрытии сезона, они сопровождают своим выступлением заключительный концерт.

Юле хочется, чтобы я на них с Колей посмотрела, и потому она через своего папу, не то художника, не то главного бутафора, выбила мне приглашенный билет. Предполагаю, что это было обставлено как благотворительная акция для девочки-инвалидки. Мое инвалидское кресло в проходе зрительного зала призвано умилять взоры сентиментальной публики, которая придет проститься с театром до осени. Пусть так, зато я наконец-то побываю в отреставрированном здании театра. Юля говорит, что теперь там очень красиво. Еще бы, ремонт так долго делали!

Папа пешком довезет мою коляску. Театр от нас близко: по переулку до угла, а потом квартал по улице, выходящей прямо на театр. Перейти мостовую - и все.

Бабушка выдраила коляску, как главный атрибут моего внешнего вида. Одеюсь я, чтобы подыграть публике, этаким девочкой-паинькой: красные лакированные туфельки, белые высокие гольфы, красная плиссированная юбочка, белая блузка и красный жилет - Красная Шапочка с цветком в волосах вместо шапочки. Папа в восторге от моего наряда, а благородную публику, я думаю, до слез растрогает несчастная участь прехорошенькой девочки. Желая умиляющимся не размыть слезами косметику.

Папа привез меня ко входу, вкатил коляску по ступенькам, и мы закружили по фойе. Мне захотелось взбежать по лестницам на балкон и оттуда, почти у самого потолка, рассмотреть знаменитую люстру, купленную,

как писали газеты, в Испании.

Концерт составляли сцены из спектаклей нынешнего сезона, разбавленные танцевальными и иными развлекательными номерами.

У Юли с Колей и у тех, кто танцевал с ними, было много выходов и костюмных перемен. Танцоры кружились и прыгали среди дыма и световых переливов. Было таинственно, празднично и красиво. Мне нравилось, как и что делали Юля с Колей на сцене. Я глядела на них и думала, что я теперь зритель во всех отношениях - и в искусстве, и в жизни. Зритель - и только...

После представления мы с папой пережидали отток публики. И тут к нам, в том же костюме, в каком выходил в финале на сцену кланяться, подбежал Коля. Вероятно, спешил застать нас. Я, не давая раскрыть ему рта, засыпала его комплиментами. Немного погодя, с перепуганным лицом, принеслась по паркету Юля, тревожно взглядывая на меня и на Колю: не случилось ли в ее отсутствие между нами с Колей чего-то непоправимого? Я и на нее высыпала свои зрительские восторги. Папа терпеливо позволял нам наговориться, полагая, что общение с бывшими друзьями доставляет мне удовольствие. Но я тронула колеса, сдвигая коляску с места, и папа меня повез.

- Я приду к тебе! - крикнул вдогонку Коля, наконец-то получивший возможность подать голос.

- Да, мы с Колей к тебе придем, - поправила его Юля.

Дорогой папа молчал, понимая, какая кошка скребется мне в сердце.

Когда мы подъезжали к дому, из нашего двора выехала знакомая белая «Тойота». «Зачастил», - подумала я, возвращаясь в более привычную роль - зрителя жизни.

Во дворе была только Зоя. Разметнув руки, она кружила на месте и в синеющих сумерках была похожа на большую птицу. Завидев нас, Зоя подбежала, обняла меня и зашептала на ухо:

- Я с ним познакомилась!

- Поздравляю, - машинально ответила я, подозревая, что ничего хорошего из этого не выйдет. Как и из того, что Коля придет ко мне. Наши с ним жизни уже разошлись.

Из Зойкиных объятий я видела впереди на стене темнеющую фигуру. «Так-таки следит», - отметила я про себя. Но когда мы с папой подъехали к нашему дворику, Фомки на крыше уже не было.

19 мая 1997 года

Галя забрала меня со двора и повезла к себе.

- Как зовут твою прабабушку? - спросила я у нее по дороге.

- Бабуля, - простодушно ответила Галя.

Дорожка к ее дому вилась между палисадниками и была выложена спаренным рядом кирпичей. Коляска не вмещалась на этом настиле, но и между колес кирпичи не проходили. Галя везла коляску с наклоном: одно колесо на кирпичях, другое на земле.

У крыльца нас встретила Галина мама.

- Мам, как нашу бабулю зовут? - спросила Галя.

- Анна Васильевна.

- Ой, правильно! - спохватилась Галя. - Она же у нас баба Нюра. Как это я не сообразила?

Галина мама и Галя втащили коляску на высокое крыльцо бывшей гостиницы, откуда в моем воображении молоденький казачий офицерик прыгал в ожидавшие его сани. Галя ввезла меня в маленькую светелку большой квартиры. Летом в квартире оставались жить одни женщины: прабабушка, мама и Галя с младшей сестренкой. Галин отец старательствовал где-то на Севере.

Прабабушка Анна Васильевна сидела в узком промежутке между кроватью с высокими никелированными спинками и комодом, на стуле с подложенной на сидение подушкой. Старушка была маленькой и худенькой, подушка торчала из-под нее с обоих краев.

Галя развернула меня лицом к старушке и сказала:

- Бабуля, я вам слушательницу привезла. Рассказывайте ей, сколько захотите.

- А что рассказывать? - спросила старушка.

- Что душе угодно, - ответила Галя и, предупредив меня, чтобы я крикнула, когда мне надоест слушать, вышла.

- Чья же ты будешь? - с любопытством спросила старушка.

- Я Соня Малышева.

- Таких не знаю, - покачала она головой.

- Мы недавно в ваш двор переехали.

- А где ж ты живешь?

- Напротив вашего дома, у кирпичной стены за углом.

- Поняла, - кивнула старушка. - У Наденьки Сумской стоите.

- Нет, - возразила я. - У Сумской окна во двор, а наши на улицу.

- Поняла, поняла, - сильнее закивала старушка. - Я не о нынешней Сумской говорю, а об ее двоюродной тетке, чекистке. Они как раз окнами в улицу жили.

- Если это была ее тетка, что ж она на нее злится? - вырвалось у меня.

- Наследство все делит, - проговорила старушка. - Они, Сумские, из-за наследства все перессорились. Лютее врагов сделались. Наденька пистолетом их разнимала. Деда нынешней Сумской, своего дядьку, посадить грозилась. На всю жизнь перепугала! - Старушка, казалось, нырнула в прошлое, как рыба в воду.

- А что, Сумских здесь много было? - поинтересовалась я.

- Почитай целый двор, и за кирпичной стеной тоже. Кто не от корня, и тот Сумским писался. А в революцию давай назад переписываться. Я ведь... - старушка таинственно понизила голос, - ...по рождению тоже Сумская, но не признанная... Мой зачинатель Иона Маркелыч Сумской - хозяин двора, корень всему тут. А записана я была по его кучеру - Феррапонтовой Анной Васильевной. Иона Маркелыч стариком уж меня прижил. Вдовым был, трех сыновей поженил, внуков уж принял. Мама моя, Полина Игнатьевна, горничной у него служила. Из деревни ее в наймы на постоялый двор привезли. Иона Маркелыч хотел ее полемойкой в гостиницу определить, да пожалел, молоденькая больно, лет пятнадцать всего. В хозяйский дом взял в горницах прибираться. А когда грех обозначился, за Василия, кучера своего, замуж отдал. Мама моя Василию очень нравилась. И что на сносях - не обиделся. Меня, народившуюся, как родную принял. Ни разу не попрекнул, словом не обозвал и любил наравне со своими детьми. Я в родителях - отце, матери - счастлива была, но мне рано шепнули, чья по-настоящему я дочь. Бывало, ребятишками по двору гоняем, двор в те времена большущий был, кони были, огородов еще не копали, это в революцию стали копать. Ребятишек набиралось множество. Тут и Сумские внуки, и ямщицкие дети, и поварские, и гостиничные. Наденька Сумская тоже с нами бегала, года на два старше меня была. У ее, бедной, ножка взялась болеть, так она прихрамывала. Ты, я гляжу, тоже ногами страдаешь? Одна или обе болят? - отвлеклась от воспоминаний старушка.

- Одна, - сказала я. - Сустав сломался, лечусь. А Наденька вылечилась?

- Лечили, - заверила старушка. - На воды возили, на грязи. Отец ее, Каллистрат Ионыч, горным инженером был, знал, где какие воды, где какие грязи. Совсем-то не вылечили, но хромоту поубавили. Ее потом даже на военные парады брали, она строю не портила. А больше на конях выступала, из пистолета стреляла, недостатком своим не смущалась. Очень знающая была. Ее от нас в Хабаровск забрали, а там и в Москву. Она родителей с собою взяла, а квартиру чекистам оставила. Сумские за это на нее обозлились. Чего только вслед не плели. От этого, видно, она никогда больше тут не показалась, обиделась или не захотела.

Она так и светилась радостью этого воспоминания. Кем была для нее Наденька? Яркой звездой молодости, недостижимой вершиной, единственным близко соприкоснувшимся с ней большим человеком?..

Бабушка так была упокоена возрастом, что все зем-

ное для нее улеглось и остыло, даже морщины на лице разгладились. Теплилось в ней только памятное, давно пережитое и ставшее для нее вечным. Только оно было ее жизнью и ее интересом, только его она пережевывала с утра до вечера и ночью. Ничто другое в нее уже не войдет и не вместится, проживи она еще хоть сто, хоть двести лет. Ее человеческие часы еще тикают, но времени уже не показывают.

Я мысленно сравнила эту старушку с бабкой Сумской. Та, конечно, помоложе, но тоже вся в прошлом. Правда, оно для нее еще живое и живущее. Она полна к нему ревнивого чувства, пытается вмешаться и что-то в нем переделать. Ее лицо все в морщинах от неутраченных страстей, а выражение его злое, потому что она не может ни совладать с прошлым, ни успокоиться в нем. А у этой бабушки лицо доброе не только потому, что она ото всего отошла, но и потому, что, остыв для зла, для добра она не остыла. Но вполне вероятно, что зло не играло ею и в молодые годы. У Гали, ее правнучки, в лице нет ни капельки злости...

А старушка помолчала немного, моргая выцветшими глазами, и двинулась к другим образам и событиям. Память, видно, как и жизнь, не стоит на месте.

- Я про Иону Маркелыча говорила, как он меня не признал, - вернулась к недосказанному бабушка. - Бегаем мы по двору... к вечеру все тут собираемся, чтобы не пропустить, как Иона Маркелыч с торбочкой на крыльцо выйдет. Тоже любил позабавляться с детьми. Крыльцо у него, как церковная паперть, углом на две стороны. Сядет на него, а мешочек с гостинцами рядом поставит. Мы завидим мешочек - и ну носиться, ну звенеть голосочками. Хозяин смотрит на нас, тешится. Сам старый уже, борода с проседью, красная рубашка из-под поддевы навыпуск, сапоги высокие, голенища гладкие и блестят. Поглядит-поглядит и выкликать принимается по одному. Первым обязательно Стасика позовет, Матилькиного ребенка. Сыном его считал. Да где там сын, вылитый Осип Браницкий. По всем ухваткам Браницкого сын и такой же убийца, как тот. Стасик в девятьсот четвертом родился, как и Наденька, а я в девятьсот шестом. Матилька когда понесла, то грех на Иону Маркелыча свалила. Тот вину за собою признал. Тогда она запросила за Оську Браницкого ее выдать. Поляк такой был, Йозеф Браницкий, все его Осипом звали, в приказчиках у хозяина служил, хитрый, как лис, еще похитрей, чем она. Сам, небось, Матильку на женитьбу подбил, чтобы через нее богатства из Ионы Маркелыча вытянуть. Хозяин их поженил и у себя поселил, не захотел со своей разлюбленной расстаться. А ей, видать, старый хрен надоел, да и вытянула она уже из него порядком. Представилась честной женой, не идет, не тешит, хозяина не балует. Он горевать, а она, лисья порода, вместо себя девчоночку беззащитную подтолкнула. А когда мама моя забрюхатила, оклеветала ее перед хозяином, сплела, что она с конюхом Василием путается. Вот он и отдал маму без благодарения и без подарков, а меня за свою не признал. А Стасика, чужого ребенка, признал, хоть и под другой фамилией. Любил его сильнее родных сыновей, сильнее внуков. Позовет к себе и одаряет. В карманы насует, в картуз насыпет, в руки накладет. Потом поочередно внуков угощает, уже меньше дает. Остатки другим детям отдаст, кто приятнее его потешил. Меня ни разочку не выкликнет, не одарит. А я уже слышала, кем ему довожусь, и гадаю себе, отчего ж он меня не приметит? Однажды насмелилась, сама подошла. «Ты чья ж?» - спрашивает. А я ему: «Полины Феррапонтовой дочка». Он поглядел на меня, губами пожевал и говорит: «Ну, ступай». Так ничего и не дал. Ну я к нему больше не подходила, и без сладостей не бывала. Наденька со мною делилась. Подхрамывает к старому и скажет: «Деда, мне две порции дай». «За что ж тебе честь такая?» - спросит. А она: «За то, что я у тебя любимая внучка». А он: «Кто ж тебе такое сказал?» - «Я сама знаю», - ответит и дерзко так на него глядит. Ну, он не возражает, дает. Упрямство, что ли, в ее глазах видел или за хромоту жалел. Маме я не рассказывала, как Иона Маркелыч меня обидел, дога-

дывалась, что ей не понравится. Про него она и слова ни разу не произнесла, будто его не было в ее жизни. И мне намека не подали - ни она, ни отец. Так и умерли, не сказавши, думали, что и я не знаю. О Матильде мама высказывалась, «змеей» ее называла. Помню, раз всего было, Матильда к нам прибежала, отца дома не было, маму просила: «Поди, скажи ему, скажи!» - кому и что скажи, этого я не поняла. Брошку с себя отцепила, маме совала. Разряженная ходила, как новогодняя елка, а тут брошки не пожалела, видать, припекло чем-то. Мама брошку не приняла и не пошла, куда та просила. Непрощаемую обиду на нее держала. Бог покарал бесовку. От руки хахаля своего ненаглядного, мужа беглого, смерть приняла. Только не скоро это случилось. А до той поры скольких людей она задурманила и погубила! Сумские, считай, через нее перессорились и в разор впали. Иона Маркелыч, бывало, гордился, сколько всего он на свет пустил. А кого пустил - разорителей? Кроме Наденьки и ее отца, толку ни из кого не вышло, все в сорную траву перевелось.

Старушка пожевала губами, покачала головой.

- Я как задумаюсь, кто тут жил, что делал, да что из этого вышло, то и скажу так: Иона Маркелыч, Иона Маркелыч, где твоё племя? Ты вот меня не признал, а я, худобедно, твоё семя в племя оборотила! Только корешок у нас не с Сумской, а с Феррапонтовой фамилии зачинается. И отчество у меня не твоё, а батюшки дорогого, Василия.

- С этим отчеством вам лучше, - сказала я.

- Лучше, лучше, - прокивала старушка. И, встрепенувшись, спросила: - Ты меня слушаешь?

- Слушаю очень внимательно.

- А родные мои не слушают. Старое им не интересно. Я молодою тоже не очень-то старое праздновала, а теперь гляжу - и вокруг себя вижу вечное. К Гале подружка ходит, глаза дымные-дымные, - не поймешь, зло в них или добро. Вылитая Матилька. Говорю внучке: не дружи с нею, предаст. А она сердится: «Бабуля, ты устарела, теперь другая жизнь и другие люди». Никак не втолкую ей, что она через час глядит, а я через время смотрю.

«Это же Зойка Браницкая», - догадалась я. Подумав, спросила:

- Бабушка, а кто была эта Матилька?

Старушка трепыхнулась, словно гадину какую перед собой увидела, но неприязненное чувство преодолела и с охотой заговорила:

- Кто ее знает, чужеземная женщина, на вечное поселение сюда сослана. Иона Маркелыч где-то ее присмотрел и в свой двор переманил. Она у него в заведении пела и в номерах, когда особо просили. Иона Маркелыч ею гостей заманивал. Улица тогда Офицерскою называлась, и народу всякого: офицеров, купцов, проезжающих, кого только не собиралось. А Матилька, полное-то ее имя Матильда, им пела. Под цыганку рядилась. Черные волосы лентой красною уберет, бус целый ворох навесит, на плечи пеструю шаль бросит, на коленях гитара - и саднит, надрывает душу песнями всякими. На разных языках могла. Сама то ли полька, то ль молдаванка, Крым и Рым прошла. Поначалу большую выгоду Ионе Маркелычу приносила, а как силу над ним взяла, все на убыток пошло. Я-то помню Иону Маркелыча уже пошатнувшимся. Гостилицу в доходный дом перевел, ресторацию закрыл и детей своих в ней поселил. В одну половину Венедикта, в другую Каллистрата, а между ними внуки от старшего сына Авенира всунулись. Сам-то Авенир на другой половине отцовского дома остался. Нынешняя Сумская, соседка ваша, - Авенирова внучка, Ионы Маркелыча правнучка. От Авенира и его детей род Сумских еще кое-как плетется. У Каллистрата Наденька-чекистка одна дочка была. Уехали они, что стало - неизвестно. Венедикт в империалистическую погиб, дочка его замуж повыходила, фамилию потеряли. Иона Маркелыч вдовый был, Матильку к себе приблизил, Стасик при нем. А мужа ее, Оську Браницкого, он всякий раз высылал. То на пароходы устроит, то к купцу какому по торговой части прилепит, то на прииска ушлет. Тот угрем вывернется и домой. У Матильки деньги вытянет, в бега пустится. Ионы Маркелыча денежки уходили.

Авенир Ионыч застрелить Оську грозился. А тот в ответ: «Я имя ублюдку вашему дал. Вы мне по гроб жизни обязаны». А где там ублюдок, вылитый Оська! С Матилькой, Оськой и Стасиком Иона Маркелыч доуку себе на старости принял. Ямщицкую часть распродав - дома и конюшни. Сыновья наследства требуют, а какое наследство, когда он с обузой своей не разделается. Ну и придумал сказать, что деньги и драгоценности под ресторацией спрятаны, а где - позабыл, сами ищите!.. С тех пор между братьями вражда началась. Один одного в находке подозревает. Венедикт еще до фронта подполье перекопал, Авенир у детей под квартирами прошарил. Каллистрат, неизвестно, искал или нет, но под свою половину никого не пустил. Братья чуть ли не с дубьем друг на друга пошли. Наденька подросла, пистолетом родных отгоняла. А когда уехала и квартиру чекистам оставила - и вообще невозможно стало подсунуться. Так и не узнали правды: было в подполье что-нибудь или нет. А потом и сами Сумские перевелись.

Старушка вздохнула, скорбно посмотрела на меня и продолжила:

- После революции Матильке амнистия вышла, она со Стасиком на родину засобирались. Осип вызывался до места сопроводить. Но до чего ж подлая душа был, не дотерпел, когда выедут, прежде времени обобрал, все ценное, годами накопленное выкрал и удрал. Матилька в слезы и крик. Авенир пустился догонять вора - отцовское ведь барахлишко. С год пропадал, вернулся - и ни слова: отобрал или нет. Но видно, что не удалось. Отощав в дорогах, поизносился, лицом пострашнел. Всякого, рассказывал, натерпелся и насмотрелся, Матилькино добро перед теми страстями растоптанного плевка не стоит. Про Оську говорил, что скорее всего тот отдал Богу душу, потому что видел, как военные ребятки его уводили.

Делать нечего, Матилька тут осталась, старика доглядывать и сына подымать. Иона Маркелыч в двадцать третьем году помер. Авенир хотел Матильку в квартире стеснить, но Стасик уже подрос, не позволил. К этим годам он уже бандюгой сделался, всю округу в страхе держал. А у нас во дворе тихо. Чекист да бандит - две охраны. Стасик перед Наденькою как вкопанный. Тенью за ней ходил, от вражьего глаза берег. Воры да налетчики все знали, что она под защитой самого Браницкого. Он ведь у себя тоже главарем был. А вот для себя не сохранил он ее, уехала она. Стасик с горя женился. Сынок у него родился. Я тоже замужем уж была, двух ребятшек имела. Тут Осип-ворюга вновь объявился. За последним к Матильке пришел. Недоучел, видно, кем его сын заделался. А может, некуда было деваться. Матилька через неохоту его приняла, любила ведь прежде. Стасик ночью отлучился, у Матильки с Оськой разговор вышел, не поладили. Он со злости ножом ее ширанул, зарезал насмерть. Жена Стасика с ребенком спали. Оська квартиру обшарил и в бега. На рассвете Стасик приходит, мать мертвая. Всех воров на ноги поднял, в два счета Оську нашли и прирезали. А мать Стасик похоронил, плакал над ней и сам недолго пожил, в молодые годы загиб.

Старушка от рассказа устала, утомленно на меня взглянула и подытожила:

- Вон какие страсти в нашем дворе кипели. Книга целая без начала и без конца.

- Бабушка, бабушка, - позвала я, видя, как рассеивается ее внимание. - У нас еще один Сумской во дворе появился.

- Кто же такой? - встрепелась она.

- Нашей Сумской внучатый племянник.

- Авенирово племя, - заметила себе бабушка. - Хотелось бы поглядеть, да небось не увижу.

В комнату вошла Галя с едой на подносе, глянула на старушку и ахнула:

- Ой, бабушка, до чего ж вы себя истомили!

- Всю дворовую жизнь обсказала, - похвалилась старушка.

- Разве можно столько времени говорить? Около трех часов болтаете, - укоризненно сказала Галя. - Давайте-ка

живее кушайте и отдыхайте.

Она устроила бабушку за столом, а меня увезла на кухню пить чай.

Дома я с подозрением покосилась на гитару. Меня охватили сомнения: Ларису ли Огудалову я изображала - или целую зиму мною владела Матильда? Надо прекращать ворошить прошлое. Рано мне вокруг себя видеть вечное.

23 мая 1997 года

Я занята, езжу в свою бывшую школу, пишу контрольные, сдаю зачеты за восьмой класс. Во дворе не бываю. Юля Тательникова упростила меня принять их с Колей: они уезжают с театром на гастроли, а Коля до отъезда хочет со мной поговорить. Устраивая свидание, Юля нервничала, удивляясь настойчивости Колиного ко мне интереса.

- Его беспокоит чувство вины, - объяснила я.

- Но он же не виноват! - Юля навела на меня круглые глаза с черными глянцевыми радужками и ослепительными, как у негритенка, белками.

- Это не я его виню.

- А кто же?

- Он сам. Но ты не переживай, я успокою его совесть, он больше не захочет меня видеть.

Юля глядела на меня недоверчиво, но я с честным видом переносила ее взгляд.

- Нас уже ничто с ним не связывает, а в будущем мы и вообще разойдемся по разным дорогам, - убеждала я. - Он увидит, где я живу, какие у меня интересы, и отвернется.

- Но я же не отвернулась, - возразила Юля.

- Мы с тобой почти соседи. Другой подружки-соседки у тебя ведь нет?

- Нет, - согласилась Юля.

- В этом наша с тобой общая точка, одна-единственная. А с ним в чем у нас общие точки? Ни в чем.

- В таких вопросах не общие точки, а общие симпатии роль играют, - возразила Юля.

- С моей стороны симпатии нет, - не дрогнув, соврала я.

- Не всяким заверениям можно верить, - усмехнулась Юля.

- Хорошо, - сказала я. - Ты приводишь Колю, я его встречаю, а там будь, что будет.

- Нет-нет! - вскинулась Юля. - Ты уж держи себя с ним, как обещала!

Что ж, я сама загнала себя в угол. Придется исполнять обещание.

Я попросила Юлю, чтобы они пришли к нам через вход с улицы: мне не хотелось, чтобы во дворе увидели Колю. Бабушке наказала испечь ее коронные крендельки. А себя решила нейтрализовать до такой степени, чтобы он во мне вообще не увидел девочку. Как ни было мне жалко, но я срезала свои пышные волосы, помогавшие мне видеть в себе Ларису Огудалову, так неожиданно обернувшуюся Матильдой Браницкой. Я уничтожила в себе сразу два этих образа и, в некоторой степени, свой собственный. Надела то, в чем во двор выезжаю, - рубашку, брюки, ремень. Этот облик выбьет из Колиной памяти представление о девочке, которая с ним танцевала, и, может быть, - на что я чуть-чуть надеялась, - заронит интерес к новому, переменившемуся человеку. Я ведь уже не та, я ведь совсем-совсем другая. Не исключено, что получше, чем та.

Гостей я встречала, стоя на костылях и на одной ноге. На очень даже дружеской ноге. Вторая же мирно и без проблем свисала рядом, не возбуждая к себе вопросов. Я делала вид, что всем довольна, ни о чем не задумываюсь, живу текущей минутой. Болтала о пустяках. Юля с удовольствием подхватила этот тон, а Коля его не преодолел - не захотел или не смог. Мы все прошли по тонкому льду, не проломив его и не замочив ног. Моя дипломатия удалась. Но мое новое обаяние - возымело ли оно действие?..

В заключение мы пили на кухне чай с бабушкиными крендельками. А еще через некоторое время я проводи-

ла гостей. На тротуаре мы попрощались. Я, на костылях, глядела вслед уходящим.

Вдруг Коля, сделав несколько шагов, обернулся и сказал:

- Я приду к тебе!

Юля сделала мне протестующее лицо. Я подняла руку и пошевелила пальцами, не то прощаясь, не то давая разрешение.

Дома я лихорадочно заходила по комнатам, то и дело натываясь на бабушку. Она, наконец, не выдержала и сказала:

- Соня, иди топать во двор, там места больше.

И во дворике я продолжала нервно мерить костылями пространство от сеней до калитки и обратно.

- Эй! - раздалось сверху.

Фомкина голова, как тыква, покоилась на ребре стены.

- Чего ты такая грустная? - спросил он.

- Не выдумывай, - проворчала я.

- А я знаю с чего, - дразнил он.

- Глупости, - отмахнулась я, продолжая мерить дворик.

- Я видел, как от тебя вышли двое, - ухмыльнулся

Фомка.

- Ну и что? - небрежно бросила я.

- А то, что их двое, а ты одна.

- Ты и за мной подсматриваешь? - разозлилась я.

- Не тебе одной про все знать. Мне тоже кое-что интересно, - задетый, проговорил он.

- У тебя интерес от безделья, а у меня познавательный, - возразила я.

- Ничего себе познавательный, - скривился он, - бабу Малахову до полусмерти уговорила.

- Что с ней? - встрепнулась я.

- Помирает. Родственники уже собрались.

Я развернула костыли и двинула к выходу.

- Постой! - крикнул Фомка, во весь рост поднимаясь над стеной. - Ей ты уже не поможешь, лучше со мной поговори.

- Потом, - отозвалась я на ходу.

- Правда, поговоришь?

- Правда, - не помня себя, пообещала я.

По кирпичной дорожке я торопливо доскакала до Галиного дома. Подняться на крыльцо не решилась, а завернула за дом и подошла к кухонному окошку. Если кто-нибудь выглянет, скажу, чтоб позвали Галя. Выглянула сама Галя. Я подала ей знак выйти. Она появилась на крыльце в долгополой юбке и белой блузке, с неизменной косичкой и спокойным, как всегда цветущим лицом. Печали или скорби - ни малейшего оттенка.

- Правда, прабабушка помирает? - спросила я.

- Да, - подтвердила Галя.

- Из-за меня? - сердце у меня дрогнуло.

- Мама говорит, благодаря тебе. Но ты не думай, никто ни в чем тебя не винит. Она б давно померла, если б кто ее выслушал. А мы все отмахивались, все некогда было. Она свое тебе рассказала, и ей незачем стало жизнью себя канителить.

- Можно мне с ней проститься? - спросила я.

- Бабуля уже отходит. Но я скажу маме, может, она позволит, - пообещала Галя.

Мама позволила, и Галя отвела меня в комнату умирающей. Там было тихо-тихо, только часы осторожно и нежно тикали.

Бабушка лежала на своей кровати с никелированными, замысловато переплетенными спинками, еще живая, но уже, как мертвая. У бабушки в ногах на стуле сидела пожилая родственница. Мои костыли, хоть я и старалась ступать бесшумно, внесли в комнату новый звук. Бабушка его услышала и открыла глаза, похожие на замутненные лужицы. Они отрешенно глянули на меня и вдруг засветились.

- Наденька, - прошептала старушка, - Наденька...

Господи, неужели я вправду так похожа на ту неведомую мне Наденьку, которую умирающая видела сейчас перед собой? Мне стало не по себе... Видение наполнило ее счастливой и светлой радостью. Просияв на мгно-

венье, она утомилась и закрыла глаза, сохранив на лице выражение благостного успокоения.

«Путь тебе добрый, бабушка», - мысленно пожелала я.

Во дворе мне навстречу попался бомж Сережа и словно набитым кашей ртом проговорил:

- Померла старушка или нет еще?

- Нет еще, - с недоумением глянула я на дворового поселенца.

- В таких шлуцях я нужен бываю, - объяснил он.

- Скоро понадобишься, - пообещала я.

28 мая 1997 года

Я по-прежнему отчитываюсь за восьмой класс. Жизнь во дворе течет без меня, но кое-какие слухи доходят. Бабушка принесла весть, что Сумская нахваливает племянника - навещает, мол, часто и продукты привозит.

- Видно, на квартиру нацеливается, - подытожила бабушка.

- Нужна ему такая квартира, - хмыкнула я.

- Продаст - все деньги! - рассудила бабушка.

«Значит, ездит», - отметила я для себя.

Фомка с крыши подает знаки, чтоб вышла. Я знаками отвечаю, что некогда.

Умерла бабушка Малахова. Весь двор, кроме Сумской, ходил с ней прощаться.

Зойка все-таки села в машину Игоря, а на заднем сидении, к их удивлению, обнаружил себя Фомка.

- Тебе чего? - не обрадовался находке Игорь.

- Выйдем - скажу, - не смутился Фомка.

У сумсковского палисадника они объяснились.

- Ты девочку не с улицы берешь, не из грязи, а с чистого места, платить надо, - заявил Фомка, посвечивая прозрачным нимбом.

- Кому платить? - невозмутимо поинтересовался Игорь.

- Мне, - выпалил светоносный мальчик.

- За что? - нахмурился Игорь.

- Тут мой курятник, я пасу, - деловито пояснил Фомка. Сумской усмешливо глянул на пацана и полез в карман.

- Вдвойне плати: за до и за после!

- За после-то почему? - не понял парень.

- Потому что пожелаешь ее при себе оставить, а это тоже не задаром.

- Все ты, поганец, знаешь, - проговорил Сумской. Выбрал кое-что из найденного в кармане, сунул в руки Фомке и пошел.

- Мало, - крикнул тот.

- Я бы вообще не дал. Это аванс за будущие услуги по твоему курятнику, - обронил на ходу Игорь.

Зойка узнала о сделке и, вернувшись домой, поймала Фомку в закутке за сараями и отдубасила на виду у пораженно тарачившего глаза бомжа Сережи. Зойку разозлило не то, что Фомка на ней заработал, а то, что он поставил под сомнение ее независимость.

Подравшись, они не поссорились, а преданно принялись служить одному человеку.

25 июня 1997 года

Мы с мамой вернулись из санатория, где лечились грязями и принимали ванны. Когда папа привез нас с вокзала, мы застали наш дом приготовившимся к длительной обороне. Все окна, в том числе и в моей комнате, были забраны решетками. Стены сеней с внутренней стороны также укреплены решетками. В дополнение к прежним дверям навешены новые, решеточные, к ним приварены запоры, старые двери отремонтированы, подбиты плотным слоем, вставлены новые замки. Не дом, а крепость.

- Что здесь происходит? - поразилась мама.

Папа рассказал, что Игорь Сумской приходил к нему с предложением обмена квартиры, предлагал разные адреса. Папа все их отверг. С этого момента у них с бабушкой началась беспокойная жизнь. По ночам в сени ломились, в крышу летели камни, на чердаке колотились, из подполья скреблись, в окна совались страшные рожи, стекла били, двери со двора и с улицы подпирали - утром

невозможно бывало выйти. Папа стал носить с фирмы трубку сотового телефона, по ночам вызывал милицию. Приезжали, никого, разумеется, не находили, но квартиру под наблюдение взяли. Несколько раз за ночь патрульная машина объезжает наш квартал.

Как папа понял, Сумскому хочется теткин квартиру объединить с нашей. То ли его выход на улицу соблазняет, то ли ему глубокий подвал нужен, потому что он настойчиво просил показать ему подполье. Когда папа загородился, а милиция взяла наш дом под наблюдение, днем к бабушке стали стучаться какие-то личности, представлявшие специалистами горжилуправления, и тоже интересовались подвалом. Бабушка никого не пустила. Во двор явилась не то топографическая, не то геодезическая группа, брала на анализ грунты и тоже просилась в подвал. Бабушка и им не открыла.

Сумской предлагал для обмена не лучшие варианты. Среди адресов была даже двухкомнатная коммунальная квартира, но в такой застарелой хрущобе, с такими низкими потолками, что мама, не любившая нашей квартиры, услышав адрес, знобко повела плечами. Бабушка в свою очередь рассказала, что Сумская прекратила с ней отношения, не разговаривает, не здоровается и смотрит на нее как на заклятого врага.

Я ушла в свою комнату поразмышлять над услышанным.

Все, конечно, идет от старухи Сумской. Задобренная племянничком, она, наверно, открыла ему семейные тайны и, возможно, подбила вернуть один из прадедовских домов или хотя бы часть его, как раз в половине, не обследованной кладоискателями. Поэтому они так упорно лезут в подвал. Игорь опасный враг, не зря же с первого взгляда он показался мне отморозком. Сможет ли папа с ним сладить? Надо рассказать папе о кладе. Может, нам удастся убедить Сумского в бесполезности поисков, а может, разрешить ему поискать в подвале? Но прежде надо вызвать на откровенность Фомку. Наверняка, без него тут не обошлось.

Во дворе я нашла такие же укрепления. Папа укрепил штaketниковое ограждение дополнительной изгородью из длинных металлических прутьев и сделал высокую решетчатую калитку на железных столбах. Калитка защелкивается, и снаружи открывать ее надо ключом. Честный человек запросто к нам не пройдет, а для Фомки папины ухищрения не препятствие. Хотя папа и снес вихляющую беседку, расчистив угол, но Фомка пройдет по крыше сарая и спустится по железному столбу калитки. Если бы не нога, и я бы так же смогла. У Фомки еще один путь есть: по крыше наших сеней. Короче, от Фомки нет никакого спасения. Только психологически возможно на него повлиять.

Я, конечно, предполагала, что Фомка меня уже выследил, и ожидала его. И все-таки его «Эй!» прозвучало для меня неожиданно.

Он стоял в полный рост на стене и улыбался мне сверху. Я тоже поймала себя на мысли, что соскучилась по хитроватой его рожице. Если бы я показала ему свою радость, то мы бы, наверно, разоткровенничались, но я принялась пепелить его взглядом, распаяя в нем чувство вины. И Фомкина улыбка остыла, глаза сузились до щелочек, и в прорезях засверкали искры, будто бы там шла газосварка. Это все, чего я добилась.

- Мы враги, Фомка? - спросила я.
- А ты как хочешь? - насторожился он.
- Я хочу, чтобы ты со мной был откровенен.
- Я же тебя просил, чтобы ты со мною поговорила, а ты что? - напомнил Фомка.
- У меня были дела, - поняла я свою промашку.
- Ну и все теперь... - он отвел глаза в сторону.
- А «все» - это что, худой мир или добрая драка?
- Лучше уж худой мир, - хмыкнул Фомка.
- Раз мир, то ты не совершишь против меня и моей семьи ничего плохого? - нажимала я.
- Этого, Хромоножка, я тебе не обещаю, - понуро объявил он.

- А шуметь на чердаке, бросать камни и бить стекла ты хоть не будешь? - добивалась я.

- Лучше съезжайте отсюда. Все равно вам тут жизни не будет, - уклонился он от ответа.

- Ты этого хочешь? - спросила я.

- Не хочу, но от меня ничего не зависит, - он опять отвел глаза.

- Тогда передай тем, от кого зависит, что папа мой крепкий орешек, и я тоже, - и я взялась за костыли, чтобы от калитки идти к дому.

- Есть кто и посильнее вас, - проронил сверху Фомка.

- Посмотрим, - сказала я уже на ходу.

- Я предупредил, - буркнул Фомка.

- Я поняла, - ответила я.

29 июня 1997 года

Ко мне пришла Галя Малахова. Я глазам не поверила, что с ней за месяц сделалось. Она исхудала, юбка и блузка висят балахоном, лицо бледное, радужки глаз не плаваются ирисками, с волос сошел блеск, и косичка не пушится. Что с ней такое?

В ответ на мое потрясение Галя криво усмехнулась и сказала:

- Проститься пришла, уезжаю. А куда - не скажу. Никому не верю, и тебе тоже. Но с тобой я хоть поделиться могу. Ты ведь была, когда Сумской в первый раз сюда приезжал. Помнишь, как он на меня глянул? Как дьявол... С этого разу я, не знаю чего, но стала бояться. Тут еще бабуля умерла. У меня на душе так тяжело, что и выходить никуда не хочется. Ни с того ни с сего Зойка к нам зачастила. Ласковая такая, гулять тащит. А на ней чего только нет - и серьги, и браслеты, и ожерелье - все из дутого металла и блестит, как на елке.

Я растерянно посмотрела на нее. «Как на елке»... Надо же, Галя говорит словами своей прабабки, а Зойка ведет себя, как ее, Зойки, прабабка - Матилька... Неужели и передо мной встало вечное?..

Галя продолжала рассказывать:

- Зойка давала браслет поносить. Я его нацепила - он как сдавит мне руку. Я скорей снимать - и не пошла никуда с Зойкой, не доверилась. Знала уже, кто у нее в дружках. Гляжу, Фомка чего-то возле меня отираться начал. Куда ни пойду - всюду он мелькнет. Чего это, думаю, его за мной носит? И не думала я, что он, как и Зойка, пособник этого дьявола... Ой, как вспомню - руки-ноги отымаются. За что на меня такая напасть? Кому я плохого что сделала?

Галя горько расплакалась, закрылась платочком.

- Я все время реву и реву, в себя прийти не могу! - проговорила она, содрогаясь от рыданий всем своим исхудавшим телом. А когда отняла от лица платочек, я увидела в ее покрасневших от слез глазах ужас.

- Никогда не думала, что у нас в городе, да еще в самом центре, можно человека среди бела дня схватить. Я считала, что это только в кино и книгах. Знала бы - носу бы из дома не показала. Я и так никуда по вечерам не ходила, боялась. А тут - день, солнце светит, народ кругом. Я по самому центру иду, мамина знакомая встретила, вместе идем, разговариваем. Ей в аптеку нужно, а мне как раз по пути. Возле типографии на боковую улицу свернули, через проходной двор в наш переулок выходим. Там стройка брошенная, тротуары разбиты, так мы прямо по дороге идем. Машин нет, людей тоже не видно. До аптеки доходим, мамина знакомая на крыльцо подымается, я с улицы на нее смотрю. Случайно голову повернула - Фомку заметила, позади жметяся. Я как-то ничего такого не подумала... Вдруг - вжик! - между мной и крыльцом аптеки микроавтобус тормознул.

Серый с сиреневым цвет, крыша выпуклая, дверца на мою сторону. Я и на него не обратила внимания, повернулась идти, а впереди, на перекрестке, Зойка вроде мелькнула. Вот на нее у меня как сигнал тревоги сработал! Слышу - дверь в автобусе откатывается. Я как побегу, но не вперед, где Зойка маячила, а вбок, за дом и по двору. Они, видно, не ожидали, что я побегу, да еще во двор. На

5 июля 1997 года

дороге-то меня проще было бы схватить. Тем более, что впереди Зойка на перехвате стоит. Я вдоль последнего дома - да по двору! На мое счастье, там как раз машина большая разворачивалась, дорогу им перегородила. Я бегу, не оглядываюсь - главное, до выхода со двора дотянуть, к базарчику. Там бабки с пучками редиски сидят, люди ходят. Не то, что бабки меня защитят, просто эти на людях не схватят. Я уже и базарчик вижу, и бабок вижу, а дом никак не кончается. Я бегу, как все равно лечу, страх-то меня подгоняет. Насилу выскочила со двора - и по базарчику напрямиком в магазин. В мясном отделе у меня родственница работает, теткина невестка. Она как меня такую увидела, сразу прилавок открыла. Я мимо нее и в каптерку. Невестка спрашивает: «Что случилось?» - а я сказать не могу. Трясусь вся, аж подпрыгиваю, зубы стучат, рот стянуло. «Может, тебе скорую?» Я головой мотаю, да так мотаю, что ходуном хожу. Припадок, наверно, был. Потом отошла, рассказала. У бокового входа машина стояла, фургон, мясо сгружали. Створки распахнуты, весь проем закрывают, со двора не видно, что за машиною делается. Невестка упростила шофера меня к тетке забросить, домой-то я ужас как боялась - не в переулке, так во дворе схватят. Довели меня до машины - я ни уцепиться, ни залезть не могу, обессилела. Так шофер меня, как пушинку, наверх забросил. Весу уже во мне не было, на бегу сгорел.

Как привезли меня к тетке, так я у нее и жила, мать меня навещала. Я не ем, не сплю, ничего не хочу, один страх во мне. Так бабку звали, испуг сводили, и лекарства успокаивающие пила. Я и сейчас еще не успокоилась, но волю над собой взяла. - Галя тяжело вздохнула, помолчала немного.

- Уезжаю вот. Не хочу тут. Я ведь не Зойка, чтобы по ее жизни идти. Моя линия семейная, чистая. Чтобы муж был, чтобы дети, чтоб по любви все и с уважением. Я не только душой, я и телом своим дорожу. Жить не смогу, если зазря кто его коснется, а тем более испоганит. Один раз судьба меня сберегла, дальше самой о себе беспокоиться надо. Я к тебе с мамой пришла. Она у калитки меня ждет. До чего дошло, что по двору страшно пройти. Ты, Соня, тоже остерегайся. Не думай, что хрошую не тронут. У этого дьявола ни перед чем совести нет. А главное - Зойке с Фомкой не доверяй - продадут. Я к осени, может, вернусь, школу заканчивать. А может, и не вернусь, там закончу...

Она внимательно поглядела на меня и невесело усмехнулась:

- Ты как будто не веришь? Я тоже иногда сама себе не верю...

Во дворе вдруг истошно вскрикнула Галя мама. Галя вздрогнула, прижала кулачки к губам. Папа и бабушка кинулись наружу, и я, оставив подружку в комнате, поскакала туда же на костылях.

Галя мама стояла в калитке и, глядя на верх кирпичной стены, остервенело кричала:

- Гаденыш проклятый! Все выглядываешь, все вынюхиваешь? Я тебе, гадюка, выгляну, я глаза твои, поганые выдеру!

Подобравшаяся фигура Галиной мамы выражала готовность кошкой кинуться на стену, наверху которой никого уже не было видно. В преобразившемся лице доброй женщины горели два чувства: крайней озлобленности и такого же, как у Гали, отчаянного непонимания - за что на них свалилась эта беда?

Галя вышла, и они обе направились к своему дому. Я, папа и бабушка провожали их взглядом, будто на страже стояли. Мать и дочь ступали тяжело, но в движениях их сквозило глухое и упрямое сопротивление невзгодам. Я подумала, что Галя очень похожа на свою маму.

Когда все разошлись, я подождала, не покажется ли наверху Фомка. Мне думалось, что он притаился на скате крыши. Но никто не выглянул. Неужели его смысла ненависть Галиной мамы?

Я одна. Вокруг меня никого. От одиночества я подружилась с бомжем Сережей, нашим «подворником», - по Далю, это человек, который оправдывает свое житье мелкими услугами. Папе он помог поставить ограду и вкопать столбы под калитку. С тех пор по утрам он к нам забредает, бабушка его подкармливает и задает какую-нибудь работу. Другие соседи тоже прибегают к его услугам, а я им пользуюсь как утренним собеседником. Я научилась понимать его невнятную речь и слышать в ней кое-что для себя интересное. Вообще-то Сережа малоразговорчив. Я с трудом выцарапываю из него кое-какие фразы. От наших с ним бесед он устает и при встрече пытается прошмыгнуть мимо меня молчком. Если я его не окликну, он даже не поздоровается. Утром, сразу после восьми и до десяти часов я на костылях прогуливаюсь по переулку и улице. Я окрепла настолько, что упрашиваю бабушку поручать мне мелкие покупки. Но для этого надо переходить оживленную улицу, чего бабушка страшно как боится. Нагулявшись, я возвращаюсь во двор и отдыхаю на лавочке под черемухой. Мне нравятся утренние часы во дворе. Солнце еще не жарит, много прохладной тени. Роса блестит на гусиной травке, которая ворсистыми ковриками устилает углы двора.

Когда я отдыхаю на лавочке, из закутка за сараями появляется Сережа. Он, должно быть, тоже приурочивает свои выходы к утреннему безлюдью. Но меня ему не избежать.

- Купаться, Сережа?

Он в ответ невнятно бормочет. Я вижу у него в пакете небольшую поклажу, пристаю дальше:

- И стирать?

Он снова бормочет. Тогда я накидываю на него пельтку.

- А потом к бабушке?

Сережа настораживается.

- Она меня спрашивала?

- Нет еще.

Сережа мнетя. Он очень самостоятельный бомж и стесняется намеков на дармоедство.

- У меня щегодня швой чай, - пересиливает он себя.

- А к чаю что?

Сережа невразумительно шевелит губами. Ясно, что к чаю у него ничего нет.

- Бабушка олады на завтрак пекла, - интригую я. Сережа внимательно слушает. Я растягиваю паузу, а потом говорю:

- На твою долю оставила. Обрати пойдешь, со столба снимешь.

По нашему примеру и другие соседи между штaketинами свертки просовывают. Сережа уже знает где. По двору пройдет, дань соберет.

А вначале, когда Сережа в сараюшке только поселился, весь двор на дыбки встал. Как так, бродяга под боком, обворует или подожжет. Побежали по квартирам со списком на выселение. Папа подписываться не стал, сказал, что Сережа по договору собственность снимает, ничего незаконного в его поселении нет. Если он своим поведением создаст угрозу для общества, тогда можно будет в милицию заявить. Папины доводы остудили горячку соседей, двор успокоился, а с течением дней привык и даже полезность в постояльце нашел.

Сережа был тихим жильцом, и даже довольно чистоплотным. Свой угол он разгреб и расчистил, а сараюшку обустроил: стол у него там, полати, железная печурка с трубой наружу. Когда только успел столько всего натаскать и наделать? Как его ни увидишь, он все с полупустым пакетом через двор плетется. У него, правда, рюкзак еще есть. Если топорщится сзади, значит, Сережа в дальние странствия отправился, в лес, или, как он говорит, в тайгу.

Одежду свою Сережа держит в опрятности. Она у него на плечиках по стенкам сараюшки развешена. Гардероб для бродяги на удивление представительный. У Сережи даже ветеранский пиджак со значками на выход имеется. В праздничной толпе наш Сережа вполне за «афган-

ца» сойдет или за героя прежних ударных строек.

По всем приметам Сережа не запущенный бомж. И вполне вероятно, что знаки трудового отличия на его пиджаке - не чьи-то чужие, а его собственные, заработанные. Папа сказал, что он, скорее всего, бывший профессиональный бич: таежный проходчик, рабочий геологических партий или старатель. По-видимому, надобность в его профессиональных услугах отпала, Сережа сошел с колеса, живет сам по себе, скрытой от посторонних глаз, но по своему насыщенной жизнью. Иногда его сараюшка по нескольку дней на замке. Это Сережа странствует. Однажды я застала Сережу, когда он охорашивался перед зеркальцем, а его выходной пиджак просушивался на солнышке.

- Что, Сережа, на дипломатический прием собираешься?

- На деловой обед, - важно поправил он, ровняя ножницами ворс на обросших щеках.

- У тебя и деловые обеды бывают? - насмешливо удивилась я.

- В нашей жизни все бывает.

- Сережа, а этот обед не поминками называют?

- На этот раж нет.

- А что же тогда?

- Одна дама угощает наш от швоих щедрот.

- Разве это деловой обед?

- А какой же?

- Скорее благотворительный.

- Благотворительный, когда жадаром. А эта дама наш подряжает.

- Для чего в таком случае этот шик с орденами? - показала я на полоску значков.

- А штоб жнала, ш кем дело имеет.

Сережа не любит в своем жилье постороннего присутствия. Я и все приходящие разговариваем с ним со двора. Он или выходит наружу, или стоит в дверях, загораживая собою внутреннее пространство. Но, подпив, осторожность теряет. Дверь тогда нараспашку, сам на полах, заходи и бери, что пожелаешь. Бывает, что поворовывают: кое-какие мелкие деньги у Сережи иногда водятся.

Говорят, что Сережа дальний родственник бывшим хозяевам нашей квартиры - Чупровым, даже какое-то право на квартиру имел. Но родственники, не оповестив его, переехали, оставив ему лишь сараюшку. Потому-то Сережа, хотя и живет на границе двух дворов, считает себя жителем нашего двора, без зова на чужую территорию не заходит и услуги в первую очередь оказывает жителям своего двора. Такой преданный у нас подворник.

- Сережа, летом ты у нас, как на даче, а зимой куда денешься? - спрашиваю я.

- На жиму у меня жилье ешь, - говорит он.

- В подвале на трубе? - дразню я.

Сереже, возможно, не нравятся мои поддевки, но отвечает на них он серьезно.

- Нет, не там. Жимой я еще культурней живу.

- У тебя есть угол за печкой? - гадаю я.

- Больше, щем угол.

- У тебя целая комната?

- Больше, щем комната.

- У тебя дом?

- Больше, щем дом.

- У тебя дворец? - изумляюсь я.

- Двореш или маленький жамок, - соглашается он.

- Круто! Ты что, волшебник?

- Я шторожу богатую дащу.

- Ну, Сережа, - разочарованно тяну я. - Как волшебника я представить тебя могу, а как сторожа нет.

- Это пощему?

- Потому что богатенькие покруче ребят нанимают.

- Эти твои, которые покруче, одиночества не выдерживают. Ешли по одному, то шпиваютша, ешли вдвоем, то жгрыжаютша. Для такого дела ошобый характер требуетша. Мой хозяин бывший таежник, он в бицах толк понимает.

- И закрывает глаза на то, что ты пьешь?

- Я на шлужбе не пью.

- Ни разу за целую зиму?

- Ну, когда хозяин коньяком угостит иж маленькой штопки. Ражве это питье?

- Летом за зиму отпиваешься?

- Я водку вообще не люблю.

- А кого это пьяненьким обирают?

Сережа осудительно на меня глянул затерявшимися в щетине озерками глаз и сказал:

- Ты ш утра жавтракаешь, в щередине дня обедаешь, вщечером ужинаешь. Ешли еще што жахощешь, то бабушка дашт. А я от еды до еды водкой держущь. Беж нее вольному щеловеку труба. Родимой ее жовут пощему? Потому што греет, кормит и щилы дает бродяге.

- Лекарство и пища? - хмыкнула я удивленно.

- Вроде того, - кивнул Сережа.

Я в раздумье потерла лоб, привыкая к новому взгляду на вредный напиток.

- Но где ты ее находишь? - спросила я, не понимая, почему у всех, даже у бомжей, она льется рекой, хотя и стоит немалых денег.

- Нигде не нахожу, шами дают.

- Кто дает-то?

- Да хоть кто. У твоего отша ямы копал, он бутылкой рашплатилщя.

- Так это ж когда было?

- Я щейщаш в город выйду, щереж три-щетыре щаша выпивши буду, а к вщечеру ш ног повалюшь.

- Но как, Сережа, как это у тебя получается?

- Да так. Главное, угадать, куда пойти. На фарт нападешь - и вщеще как по машлу: тут подхватишь, там поддержишь, туда оттащишь - ращщет - бутылка. Иногда ни жа што угоштят - шами пьют и тебе поднешут. На хлеб шельый мещяш вкалывать надо - и то жаработанного не полущишь.

- Не боишься алкоголиком стать?

- Я дубленый. Мещяшами могу не пить, но тогда кормить меня надо три ража в день и ш добавкой.

- Сережа, ты свободный человек? - спрашивала я.

- Вольный, - поправил он.

- По совести живешь?

- Не вщегда. Для этого надо шовщем от людей отойти, а как отойдешь, когда жратвой к ним привяжан? Я в леш хожу ощищатщя, по нещколко дней там живу.

- А там чем питаешься?

- Што ш шобой вожьму, што в лешу шыщу, а то к огородам выйду, там найду. А нищего нет - терплю, дышу вождухом.

Чем больше мы с Сережей общались, тем меньше мне хотелось его дразнить, но независимой личностью я его уже не считала.

Как-то я заглянула к нему в закуток, а он мне сказал:

- Ты б не ходила щюда, мешто глухое, опашное. Шо двора покрищи, я шам к тебе выйду. И жа двором не гулай. Там не хорошо для тебя. Ражминайша во дворе, бежопашнее для тебя будет.

- С чего ты взялся советы давать? - спросила я. Он смущенно помолчал и спросил:

- Видала, как жа вашей квартирой охотятша?

- За квартирой же, не за мной, - самоуверенно отвечала я.

И Сережа примолк. Наверно, уловил в моих словах высокомерие. Хоть я и общалась с ним, но на равных с собой держаться ему не позволяла. И он это понял.

7 июля 1997 года

Папа, наконец сделал самоходную коляску. По вечерам он вывозит меня на набережную - на то место, куда выходит забор военного училища. Гуляющих и прохожих здесь нет - целый квартал сплошного забора и глухой парапет без единого спуска на реку. Спортсмены иной раз тут тренируются, ну и я с ними: учусь управлять. Пульт у меня под рукой. Я быстро освоила назначение кнопок, безошибочно делала правые и левые повороты, гоняла коляску то вперед, то назад. Маневрировала как хотела,

даже волчком крутилась. Чтобы я не превратилась в лихача, папа хотел умерить скорость, но я упростила папу на всякий пожарный случай не отключать скоростную кнопку, дав честное слово без надобности ею не пользоваться.

Я мечтала утром объехать по периметру весь наш квартал, но папа все не разрешал мне выезжать в одиночку. Тут к нам забрел Коля Бехтин. Пришел один, без Юли. Я прикинулась одинокой, несчастной, запертой в стенах дома. Коля вежливо предложил свозить меня в город. Мама с папой дома не было. У бабушки я вымолила разрешение на прогулку в новой коляске. Ее секрета я не раскрыла Коле, продолжая разыгрывать перед ним беспомощную инвалидку. Не зная о моей хитрости, бабушка взяла с Коли слово, что на перекрестках одну меня он не пустит. Коля заверил, что не только на перекрестке, но и за все время прогулки коляску из рук не выпустит. Я внутренне поулыбалась на то, как мило они друг друга поняли, решив как можно эффективнее использовать это обстоятельство.

Коляску спустили на тротуар, я села в нее, бабушка приняла костыли, Коля стал сзади. И в это мгновение возле нас появился Фомка.

- Гулять собралась? - поинтересовался он.

- Тебе-то что? - огрызнулась я.

- Я бы не посоветовал, - намекаясь ухмыльнулся он.

Начиная с Галиного, это было уже третье предупреждение, и, должно быть, серьезное. Но я, обозленная вмешательством, закусил удила.

- А ты не предавай! - со значением глянула я на Фомку.

- Не я один... - начал было он и осекся. Но «намякивающая» ухмылочка на его лице осталась.

Я оглянулась по сторонам, никого подозрительного вокруг не увидела. Может, Фомка пугает? Мол, как же так: я последняя курица его курятника - и вылетаю без разрешения?.. Или он ревнует?.. Интересно, знает ли Фомка, что коляска у меня самоходная? Если нет, то у меня есть шанс убежать. Галя ведь на своих двоих удрала!

- Бабушка, принеси выдвигной костыль! - прибегла я еще к одной мере предосторожности.

Фомкина ухмылочка приобрела скептический оттенок. Я с вызовом на него поглядела, приняла от бабушки палочку и велела Коле трогаться.

- Чего он хотел? - спросил Коля, откатив меня от себя.

- Сомневается в моей безопасности, - ответила я.

- Да вы что, в самом деле? - обиделся Коля. - Неужели я коляску удержать не смогу?

- Дело не в тебе, дело во мне, - сказала я.

- Надеюсь, в этот раз ты не собираешься прыгать? - подозрительно спросил он.

- Нет, нет, успокойся!

На углу Коля притормозил, предоставляя мне право выбора: ехать ли прямо или свернуть в переулочек.

- Давай повернем. Я хочу посмотреть, как строится церковь, - сказала я Коле.

Проезжая мимо двора, я глянула в его глубь и никого там не увидела. По дороге я еще раз оглядывалась - и снова ничего подозрительного не обнаружила.

«Ерунда все!» - отмахнулась я от навязчивых подозрений.

Церковь строилась на другом конце нашего квартала. Мы обогнули окружавший стройплощадку забор и стали в раскрытых воротах. Смотреть было почти что не на что. Красные кирпичные стены только начали подниматься от фундамента, и контур будущего здания еще не вырисовывался. Мы с Колей попытались сравнить построенное с рисунком, вывешенным на заборе, но сбились с толку и бросили это занятие. Пусть стены еще подрастут, тогда будет понятней.

Перекресток здесь в самом деле оживленный. Это, конечно, из-за магазина и прилепившегося к нему базарчика. Когда церковь построят, здесь станет еще оживленней. А наш переулочек, наверно, так и останется глухим.

Если бы Галю в нем схватили, это скорее всего произошло бы без свидетелей. По переулочку мало кто ходит, несмотря на то, что он почти в самом центре города и связывает собою три важных улицы. Бывает же так, что у всех на виду и никому не виден. А место здесь историческое. Отсюда начинался наш город. Потому и церковь здесь ставят.

Против нас с Колей был Юлин дом. Я подумала, не проехать ли его двором, заодно и Юлю с нами позвать. Зачем мне это понадобилось, я не знаю. Я вовсе не собиралась ее дразнить. Коле моя идея тоже, наверно, не понравилась, но возражать он не стал, развернул коляску и покатил, куда мне хотелось.

Когда мы пересекали наш переулочек, я глянула налево и направо. Ни машин, ни пешеходов. Я же говорю, что он глухой, хотя и в центре.

Юля живет на втором этаже дома, растянувшегося на полквартала. Он поставлен так удачно, что с течением лет его местоположение все больше и больше выигрывает. Был на главной улице, у театра, а теперь будет еще и у церкви. В окружении двух архитектурных памятников он и сам памятник отошедшей в историю основательной и неспешной еще эпохи конца пятидесятых - начала шестидесятых годов. Бабушка рассказывала, что в то время этот дом был одним из самых престижных в городе. Сейчас он слегка обносился, как модный когда-то пиджак, обшарпался со двора и как будто застрял в тех давних годах. Он несколько мрачноват и похож на тюремный замок. Но Юлины окна в нем - как прорыв в современность. Рамы у них металлические, стекла зеркальные, сквозь приоткрытую створку виден лепной потолок. Я никогда не бывала у Юли. Наверно, дома у нее, как в театре. Недаром ее папа не то главный бутафор, не то главный художник в театре.

Мы покричали Юле, но, несмотря на приоткрытое окно, никто не выглянул, не откликнулся, и мы поехали дальше. Здесь мне надо было бы оглянуться, и, возможно, я бы увидела для себя кое-что интересное. Но перед этим вид пустынного переулочка меня успокоил и лишил бдительности. У нас за спиной между тем сошлись трое: Юля Татальникова, Зоя Браницкая и Фомка. Жаль, что ни я, ни Коля не оглянулись!

В парке мы с Колей съели по мороженому, медленно покружили по аллеям, нашли тенистый уголок и осели в нем.

За год Коля здорово вытянулся. Волосы у него модно подстрижены и уложены на прямой пробор. При наклоне они напалзают на лоб, и Коля, встряхиваясь, рассыпает их по голове. Поскольку я всю зиму жила среди образов прошлого, то Колина стрижка напоминает мне прическу трактирного пологого - может быть, даже из заведения Ионы Маркелыча Сумского. Правда, для трактирного слуги Коля слишком интеллигентен и слишком изнежен... Так что Галина прабабушка права: нас окружает вечное. А что, вполне возможно, что в прошлом Коля мог быть трактирным слугою. А в современном мире он кто? Подающий надежды подросток. За истекший год он подрос, но не возмужал. У него все такое же гибкое и узкое тело. Для танцора это достоинство. А для взрослого человека, наверно, тоже неплохо. Ему же в жизнь не с плотницким топором вламываться. Он войдет в нее с изящной пластикой телодвижений. Многим это понравится. Во всяком случае я ему поаплодирую. Интересно, он войдет в свою взрослую жизнь один или с кем-то? Кто будет с ним в паре?

- Я хочу выжать из танцев все, - сказал Коля, когда мы сидели друг против друга в тени под кустами. - Мы с Юлей так решили.

Значит, в его планах на будущее - Юля. Они вместе войдут. Нет, не так. Они вместе войдут, но каждый сам за себя.

- А я хочу стать юристом, - сказала я с вызовом. Мне показалось, что он не берет во внимание, что за год я тоже выросла, и по-прежнему видит меня той же девочкой, которая вспорхнула однажды в опасном прыжке и кото-

рую он не сумел подхватить.

- Ты серьезно? - рассеянно проговорил он, беря мои руки в свои.

- Очень серьезно. Я даже веду сейчас кое-какое расследование.

Но для него, похоже, мои слова были все равно что детский лепет, которому не стоит придавать значения.

- Жаль, что мы не будем танцевать вместе. Ты была бы мне чуткой партнершей, - с грустью и сожалением сказал он, как-то странно глядя мне в глаза.

- Какой там чуткой, когда я подвела тебя и себя? С Юлей у тебя такого случиться не может, - как бы оттолкнулась я, не убирая, однако же, своих рук из его ладоней.

- Да, не может, - задумчиво подтвердил он, опуская глаза. - В танцах у нас с нею созвучие.

- И в остальном будет то же, - сказала я, и голос мой дрогнул - не то от обиды, не то от какой-то вдруг охватившей меня зачарованности.

- Не знаю, - все так же задумчиво отвечал он, - и снова поглядел на меня. - У нее не такие волосы, как у тебя, не такие глаза. У нее нет твоей полетности и твоей неожиданности.

- И у нее нет моей хромой ноги, - напомнила я о реальности, скорее искушая Колю, чем отрезвляя его.

- И у нее нет твоей хромой ноги, - повторил он - и в голосе его была та же зачарованность.

Мы одновременно потянулись друг к другу. Я помню, как обнимала его, как губы его встретились с моими и как я тоже его поцеловала.

Потом он снова держал мои руки в своих, мы смотрели друг другу в глаза, и очарование все так же оведало нас. Если бы тогда, год с лишним назад, мы были бы так же открыты друг другу, я бы не стала взлетать, искушая его, не сломала бы ногу, мы вместе продолжали бы танцевать и вместе бы строили планы на будущее. Никакой Юли между нами бы не было.

- Но в ночном клубе танцевать я все равно бы не стала, - вслух сказала я.

- При чем здесь ночной клуб? - недоуменно спросил Коля, переходя на обычный тон.

Очарование развеялось, и все по моей вине, как с тем злосчастным прыжком.

- Ты сам же сказал, что хочешь выжать из танцев все, а все - значит танцевать, где есть спрос, - сказала я.

- В чем-то ты права, - подумав, согласился он. - Но это будет не скоро, когда мы повзрослеем. Пока же мы с Юлей учимся.

- С Юлей ты учишься танцевать, а со мной целоваться? - спросила я.

- А ты не учишься? - усмехнулся он, намекая на то, что я тоже его целовала.

- Ой, Коля, поедem отсюда, а то мы снова все между нами испортим, - попросила я.

- Лично я ничего не намерен портить. Я еще хочу тебя целовать, - наклонился он ко мне.

- Нет, Коля, - отстранилась я. - Уже не то настроение, и потом, это не должно превращаться в привычку.

Отстранившись от него, я, видно, слишком резко дернулась, моя палица упала с колен прямо Коле на ногу. Он охнул от неожиданности и боли, поднял палицу и сказал:

- Тяжеленькая дубина. Это у тебя костыль? Давай раскроем, и ты походишь.

- На одном костыле не походишь.

- На меня обопрешься.

- Не надо, лучше поедem.

- Зачем тогда брала?

- Для защиты.

- От кого, от меня? - хохотнул Коля.

- Не знаю, - смутилась я. Мои подозрения уже казались мне такими нелепыми.

Коля вывез меня на набережную. Посадка у коляски была низковатая. Я не могла заглянуть за край парапета и не видела реку. Коля торопился вывезти коляску к просвету в парапете и потому шел очень быстро. Я могла бы

нажать свои кнопки, но мне пришлось бы много маневрировать, так как впереди прогулочным шагом двигались люди. К тому же мне нравилось чувствовать за своею спиною Колю. Когда я хотела ему что-то сказать, я запрокидывала голову, он наклонялся ко мне, мы близко видели друг друга, и это было так же хорошо, как когда мы с ним целовались.

Первый от парка просвет пришелся на выход из города поперечной к Амуру улицы. Коля поставил коляску в проем лестничного спуска, сам отошел в сторонку и, опершись о край парапета, весело на меня смотрел. А я смотрела вниз, на косой спуск, на реку, на чужой берег. Коля же глядел только на меня. И это тоже было счастливым мгновением, почти таким же, как в парке.

Капелька осторожности во мне все-таки не дремала, потому что я, хоть и замороженная Колей, оглянулась на резкий тормозной визг. От парка к перекрестку на хорошей скорости подлетел знакомый мне по Галиному рассказу сиренево-серый микроавтобус с выпуклой крышей, сбросив скорость, но не останавливаясь, он круто свернул к парапету, то есть к нам с Колей, пролетел мимо зеленого газона, развернулся на тротуаре и встал, загородив гуляющим путь.

Откатилась дверца, и двое молодцев, как десантники, разом выпрыгнули наружу.

- Коля, беги! - крикнула я и заработала клавиатурой. Нажимом кнопки развернулась спиной к реке и лицом к уходящей в город улице. Следующим нажимом задала своей тачке пожарную скорость, пустив ее не вдоль набережной, где я бы была открытой мишенью, а поперек, направлением в город.

Один из преследователей, очевидно, заходил с тыла, а второй, я только его и видела, бежал мне наперерез и успевал перехватить. Забыв, что могу сманеврировать, я схватила лежащую на коленях палицу и, не чувствуя ее тяжести, что есть силы саданула настигавшего не то по плечу, не то по руке. Коляска пронесла меня мимо, перелетела дорогу, где, на мое счастье, не было ни одной машины. Проскочив в улицу, я увидела, как на углу, в воротах хлебозавода, медленно наползая, закатывается металлическая дверь. Я направила коляску к воротам и успела юркнуть в узкую щель. Следом за мной вбежал Коля. Дверь задвинулась. Мы оказались под защитой высоких кирпичных стен и заложенных перепонкой железных ворот.

Из белой кирпичной будки показался охранник и вытаращился на нас. Его, видно, озадачила скорость, с которой я влетела на своей коляске.

- Нам срочно надо позвонить, - сказала я.

Мое инвалидское состояние смягчило его суровость. Движением головы он показал назад, на распахнутую дверь будки. Я назвала Коле цифры служебного папиного телефона и велела просить папу скорее приехать. Коля медлил идти, не решаясь меня оставить. Тогда я сказала охраннику:

- Не открывайте пока ворота и постойте, пожалуйста, возле меня.

Охранник слегка улыбнулся, выражая согласие постоять. Коля вошел в будку, скоро вышел, кивнув мне, что все в порядке.

Когда охранник ушел, Коля спросил:

- Объясни, что происходит?

- Меня хотят украсть.

- Зачем? - не поверил он.

- Чтобы выкурить нас из дома.

- Из вашего деревянного дома? - изумился Коля.

- Предполагают, что под нашей квартирой спрятан клад.

- Какой бред! - поморщился он.

- Я этим бредом живу, - с некоторой долей вызова сказала я.

- Юля мне говорила, вокруг тебя какие-то странные компании.

- Уж какие есть, - я пожала плечом.

Мы заметно остывали друг к другу, отдалялись. Я

снова ввергла его в неприятности и чуть было не пострадала сама.

Приехал папа. Я пересела к нему в машину. Коля помог папе поднять коляску наверх, закрепить ее на крыше машины, но ехать с нами отказался. Приоткрыв дверцу, я ждала, не пообещает ли он прийти. Он не пообещал. Я захлопнула дверцу, мы с папой поехали. Коля, должно быть, пошел к себе. А может быть, к Юле.

10 июля 1997 года

Я снова, как и зимой, заточена во внутреннем дворике, и бабушка из окна за мною присматривает. Излишняя, я считаю, предосторожность, потому что папа накинул-таки узду на Сумского. Не сам, конечно, тот его во внимание не принял, а через одного клиента, пользующегося услугами папы в области электроники. Сумскому сказали то же, что пытался сказать ему папа, но гораздо спокойней, короче и убедительней. Эти слова Сумским были услышаны, и было взято от него ответное слово оставить меня в покое. Но родители по-прежнему в страхе, и я в старой коляске сижу за домом, читаю книжки, греюсь на солнышке, а если прогуливаюсь, то возле коляски, осваиваю ходьбу на одном костыле.

- Эй! - приносится ко мне сверху.

Я подымаю глаза, Фомкина голова торчит над ребром крыши.

- А я все видел! - светозарно лыбится он, имея в виду, как я понимаю, мой недавний побег от преследователей.

- Конечно, без тебя нигде не обходится, - ворчу я, усаживаясь в коляску, чтобы удобнее было разговаривать. Хоть я и злюсь на Фомку за предательство, но появлению его рада.

- Ты молодчина! Как дашь ему костылем, у него рука так и отвисла, - смакует он виденное.

- А тебе что дали за то, что недоглядел, что коляска у меня самоходная? - хладнокровно спрашиваю я.

- Стукнули пару раз. Во, видишь, раздуло, - выставил он из-за гребня всю физиономию. Одна половина лица, в самом деле, была шире и темнее другой.

- За предательство не то еще полагается, - не почувствовала я.

- Это не я, - честно глядел на меня Фомка.

- А кто же?

- Не я, - уверял он, не желая выдавать виновного.

- Но ты знал?

- Я хотел тебя предупредить, но ты миловалась в кустах с этим.

- Подумаешь, грех какой! Тебя что - очень задело?

- Задело. Ты не должна быть чьей-то.

- Это почему же?

- Потому что ты наш общий товарищ, и мой тоже.

- Если товарищ, зачем же ты за мной подсматриваешь и продаешь?

- Не продаю! - взвыл Фомка. - Я знал, какая у тебя коляска. Я ходил за тобой и отцом на набережную и видел, как ты крутилась.

- Кто же тогда меня выследил?

- Зойка тебя углядела, когда ты под Юлькиными окнами стояла. Юлька тоже с нами была.

- И Юля?

- Но та не в курсе, а у Зойки телефонная трубка в сумочке, она и звякнула.

- А ты говоришь - общий товарищ, - вздохнула я.

- Ты не представляешь, что с Юлькой сделалось, когда она тебя с этим увидела. Она чуть в обморок не упала. Зойка ей посочувствовала и кое-что по-женски ей подсказала. Она, знаешь, какая теперь опытная!

- Что подсказала? - крикнула я.

- Я не усек, - вильнул Фомка.

- Все ты усек и все знаешь. Сводники вы, поганые сводники! - ударила я кулаком по ручкам кресла и потерянно заревела.

15 июля 1997 года

В подполье скребутся мыши, а кот Васька сидит на

подоконнике в кухне, жмурится и ухом не ведет. Бабушка несколько раз обращала его внимание на подозрительные звуки снизу, а он даже не настораживается. Кот достался нам от прежних хозяев. Его не забрали, потому что он привык к дому. Васька ведет независимую жизнь, но порядок в кошачьем хозяйстве держит. Непонятно, с чего это вдруг он так заленился?

Бабушку до того обозлила Васькина наглость, что она схватила кота за шиворот и кинула в подполье. К звукам снизу прибавилось еще кошачье мяуканье. Бабушка очень этим озадачилась и полезла в подполье сама. Через короткое время она вылезла успокоенная, и кот выпрыгнул вместе с нею.

- Это у Сумских в подвале чего-то делают, - сообщила она.

- А что делают?

- Не знаю, - отвечала бабушка, занятая уже другими мыслями.

- Не подкоп роют? - предположила я.

Бабушка задумалась, заволновалась и снова полезла в подполье.

- Роются у перегородки, - вынырнув, проговорила она.

Я хотела тоже полезть, но бабушка не разрешила.

- Это Сережа роет, - догадалась я.

Последнее время Сережа перестал к нам заглядывать. Я через ограду видела, что Сережа ходит к Сумской. Сама бабка неприветливая. Наверно, Игорь его зазвал: вероятнее всего, делать подкоп. Раз нельзя нас выкурить, раз нельзя меня тронуть, он решил подкопаться и самовольно обследовать подвал.

Папа и мама были на работе. Скребущиеся звуки с перерывами длились почти целый день. Бабушка несколько раз лазила проверять, цела ли перегородка, и возвращалась в недоумении: перегородка вроде бы цела, за ней скребутся, а что делают, неизвестно.

Я пыталась перехватить Сережу в ограде, когда он пойдет к себе, но в этот день я его не поймала.

Папа, придя с работы, тоже лазил в подполье, осмотрел перегородку, поставил временные подпоры.

Утром я укараулила момент, когда Сережа входил в ограду Сумской. Завидев меня, он опустил глаза.

- Сережа! - позвала я. Он остановился.

- Ты что делаешь у Сумской в подполье?

- Шищу, шиню, прибираю, - не поднимая глаз, отвечал он.

- А еще что?

Сережа помялся, отыскивая ответ, и, видно, нашел, потому что вдруг выпрямился, косо на меня поглядел и сердито проговорил:

- Я по найму. Делаю, жа что платят.

- А если твоя работа во вред другим людям? - попыталась я зацепить его совесть.

- Шужие режоны меня не кашаются, - буркнул он и заторопился, потому что у Сумских заскрипела дверь.

И снова в подполье заскреблись.

Папа привез стройматериалы и тоже спустился вниз. Начался встречный стук, недвусмысленно напоминавший, что мы тоже не дремлем.

Чтобы, не дай Бог, не свалиться в подполье, мне запрещено было выходить на кухню. Я сидела в своей комнате и через открытую дверь наблюдала, как бабушка то спускалась вниз, то подымалась. А потом показался папа, держа в руках похожую на ларец заржавленную жестяную коробку. У меня замерло сердце: «Неужели клад?»

- Она тяжелая? - не выдержав, я выехала на коляске из своей комнаты на кухню. Бабушка поспешно захлопнула крышку подполья.

- Нет, не тяжелая, - отвечал папа, протирая находку тряпкой. Он положил ларец на табуретку и, помогая себе ножом, начал открывать крышку. Она отошла, и мы, склонившись втроем, ничего особенного не увидели. Из пергаментного свертка папа извлек записную книжку в кожаном переплете, с пожелтевшими страницами и вложенным между ними письмом, черный металлический портсигар с гравированным рисунком на крышке и деревянный

футлярчик с чем-то непонятным внутри.

Папа принялся читать письмо и, прочитав, передал его мне. На жухлом листке с потемневшими заломами бисерным бегущим почерком с ятями и ерами по-старинному было написано (устаревшие знаки я не воспроизвожу, чтобы в них не запутаться):

«Милый папочка!

Мне будет очень жаль тебя, если ты произведешь раскопки в нашем подполье и ничего не найдешь. Поэтому я подкладываю тебе в утешение свою шкатулочку с небольшим подарком от себя и моим любимым деревцем, которое сломалось и не выбрасывает больше листочков. Почини его, пожалуйста, когда найдешь.

Что касается дедушкиных драгоценностей, то, я думаю, их просто не существует. Дедушка давно разорен и отстыда перед родными выдумал историю с кладом, чтобы перессорить вас между собой и отвести вину от себя. Можешь, конечно, драгоценности поискать, но я безусловно уверена, что ты их не найдешь.

Любящая тебя дочь Наденька.

18 июня 1916 года»

Вот я и с Наденькой познакомилась. Это она мне из глубины века весточку прислала. Шестнадцатый год... Это сколько ж ей было лет? По рассказу Галиной прабабушки, лет двенадцать - тринадцать, моя ровесница. Почерк какой веселый. Видно, что пишет, а сама смехом заливается. Живая, наверно, была девочка, любила розыгрыши, загадки. С больной ногой не носилась. Я тоже не ношусь, но все-таки перед Колей мне не хотелось бы иметь физический недостаток. У Юли ведь его нет, а мне во что бы то ни стало надо ее перещегоолять.

Наденькину механическую игрушку взялся чинить мой папа и очень ею увлекся, а через несколько дней пришел с нею ко мне в комнату.

- Смотри, - сказал он, кладя на стол продолговатый деревянный футлярчик, который он заново отполировал. Открыл его и вынул нечто, заключенное в железную рамку. Расщепил рамку на две створки, превратившиеся в основание для стерженька, обтянутого сморщенной кожей и похожего на ствол маленького дерева, покрытого корой. Папа вставил ключик в гнездышко внизу ствола, повернул его, придерживая другой рукой рамку. Древесный ствол ожил, из него поползли сучья, вытягиваясь и расплетаясь в ветви. Когда движение прекратилось, папа еще подкрутил ключик - и с мелодичным хлопком над ветвями всплеснули, раскрываясь, золотые листочки. Это было как чудо. От удивления и неожиданности я даже вскрикнула. Дерево замерло в солнечном уборе. Я взяла его за рамку и начала пристально разглядывать. Конструкция металлическая. Ствол деревца обтянут сжатою кожей, сучья и веточки ничем не оправлены. Они полы и ажурны. Сомкнутые в почку листочки прячутся внутри них.

- А назад как? - спросила я папу.

- Покрути ключом, и все постепенно начнет убывать, вползая в ствол. - И папа показал как.

- Замысловатая игрушка, - сказала я.

- Да, чудо механики, - поддержал папа.

- С электроникой мы посложнее задачи решаем. Взять хотя бы твою коляску, - заметила я.

- Да, электроника гибче, - согласился папа. - Но удивляет меньше, потому что привыкли.

Вдруг меня осенило:

- Пап, а это ведь самоделка! Наденькин отец был инженером.

- Откуда ты знаешь?

- Галина прабабушка говорила. Она в детстве с Наденькой играла. У Наденьки тоже болела нога, она хромала.

- Тогда понятно, почему дерево и почему оно оживает. Для тебя игрушка. А я не догадался для тебя нечто подобное сделать.

- Но ты же уверен, что я не буду хромать, - я испытующе глянула на него.

- Уверен, не будешь, - кивнул папа. - А ты почему со-

мневаешься? Ты уже ходишь на одном костыле. Скоро без опоры пойдешь, а там и хромать перестанешь.

- Я, пап, переживаю из-за одного человека.

- Да хоть из-за десяти, но веру в себя не теряй. У тебя же в руках дерево Надежды, - улыбнулся каламбуру папа.

- Листочки у него из чего?

- Это латунь.

- Как жаром горит.

- Я натер, - сказал папа.

Вечером, потемну, как бывало не раз, ко мне в окно заглянула зверская рожа. Я знала, что это Фомка. Сам ли балуется, или его подсылают? Сегодня мне было, чем его встретить. Я вынула из ящика письменного стола деревянный футлярчик, достала из него рамку, разняла ее, поставила на стол, повернула ключик и взглянула на рожу за окном. Она с ужасным видом наблюдала. Из ствола полезли сучья, на ходу разворачиваясь и разветвляясь. Снова взглянула на рожу. Она наблюдала. Я сделала еще поворот ключиком. Почки выплеснули из укрытий и раскрылись солнечными листочками. Рожа за окном начала задираться, и под ней обнаружилась Фомкина физиономия. Я осуждающе покачала головой. Разоблаченный и уличенный мальчишка поспешно отпрянул. Я задернула шторы и выключила свет.

17 июля 1997 года

Из своего окна я увидела, что к нам идут молодой Сумской и старая его тетка, а вернее двоюродная бабка.

- Какие люди! - поразилась я. - Папа, встречай, а то в дом вломятся!

Бабушка выглянула из кухни и тоже вскрикнула:

- Сумские!

Папа торопливо пошел на выход. Бабушка двинулась за ним, и я тоже вслед поскакала.

Мы сошлись на крыльце, как две враждебные партии, вынужденные пойти на переговоры. Объяснялись Игорь и папа. Остальные молча присутствовали. Где-то наверху, я чувствовала, притаился Фомка.

- Этот дом, - сказал Сумской, - принадлежал моему предку. На руках документов не сохранилось, но в городском архиве они имеются. В случае необходимости можно подтвердить.

- Не надо, - ответил папа. - Мы знаем.

- Знаете? - удивился Игорь и повел взглядом от папы на бабушку и меня. Я у него вызвала особое любопытство. Он глядел на меня так, будто я из ничего вдруг нарисовалась. А тогда, при первой встрече, он на меня и внимания не обратил.

- Если вам это известно, то, может, известно и то, что часть имущества предок спрятал в подвале. Я и моя бабушка, - Игорь кивнул на спутницу, - являемся фамильными наследниками и в случае нахождения клада имеем право на его часть.

Сумской выжидательно замолчал. Но никто из нас не раскрыл рта, и тогда он сказал:

- У меня есть сведения, что вы это имущество нашли.

- Кое-что нашли, - признался папа. - Но это имущество не прямого вашего предка, а одной вашей побочной родственницы.

- Какой родственницы? - вскинулась Сумская.

Внучатый племянник с досадой покосился на нее, но, повернувшись к папе, задал тот же вопрос:

- Какой родственницы?

- Насколько я могу вычислить, - сказал папа, - троюродной тети вашей двоюродной бабушки.

Сумской нахмурился, потом вопросительно посмотрел на свою двоюродную бабушку. По всему было видно, что представления о своих родственниках он не имел.

- Наденька! - выкрикнула Сумская. - Наденька здесь жила!

- Какая Наденька? - не понимая, спросил Сумской.

- Меня в честь нее Надей называли, - радостно объявила Сумская.

- Ну и что же вы нашли? - перешел к сути Игорь.

- Соня, принеси, - сказал мне папа.

Я пошла в дом и, в том же порядке, но без пергаментной уже обертки, сложила все вещи в шкатулку. Шкатулку я передала папе. Он открыл ее и, держа в своих руках, позволил Сумским познакомиться с содержимым. Старуха, наставив острый нос, с любопытством заглядывала вовнутрь. Племянник вынул записную книжку, перелистнул ее, наткнулся на записку и, не заинтересовавшись, бросил вместе с книжкой обратно. Металлический портсигар вызвал у него больше интереса, скоро, впрочем, погасшего.

- А там что? - он дотронулся до деревянного футлярчика.

- Механическая игрушка, - сказал папа.

- Ну-ка? - глаза Игоря хищно блеснули. Он вытащил коробку, раскрыл ее - и разочарованно посмотрел на папу.

- Что это? - покрутил он рамку перед глазами.

- Я думаю, символ возрождения жизни, - сказал папа.

- Как же она возрождается?

- Давайте покажу.

Папа передал шкатулку бабушке, мне вложил в руки футлярчик, раскрыл рамку и покрутил ключик. Из колышка, обтянутого кожей, поползли, расправляясь, веточки, папа еще подкрутил, и над ажуром ветвей солнечно вспыхнули листочки. У старой Сумской так же ярко вспыхнули глаза. Игорь тронул листочек пальцем, убедился, что это не золото, и пренебрежительно хмыкнул. Сумская же не могла отвести взгляда от деревца. Она завороченно проследила, как захлопнулись и ушли внутрь веток листочки, как, сложившись, заползли внутрь столбика ветви.

- Еще покажите, - попросила она.

Игорь изучал записку, продираясь сквозь устаревшие буквы.

- Больше ничего не нашли? - глянул он исподлобья на папу.

- А больше, видимо, ничего нет. Вы же прочли записку, - сказал папа.

- С этим еще надо разобраться, - буркнул Игорь, передавая записку Сумской. Та без очков не смогла справиться с мелким почерком. Для нее прочитала я. Она в умилении слушала, опустив голову.

- Ну что, заявляете право на это имущество? - спросил папа.

- Нет, - произнес Игорь.

- Да! - выкрикнула Сумская. Игорь жестковато на нее посмотрел.

- Зачем тебе, бабушка, ненужная рухлядь?

Сумская приложила платочек к одному глазу, к другому, сняв этим с лица умиление и возвратив ему привычное сварливо-постное выражение.

- Ну что ты, семейная память! - проронила она.

- Что ты хочешь на память?

- Все! - сказала Сумская.

- Ты возьмешь, бабушка, что тебе милостиво разрешат, - с нажимом проговорил Игорь.

- Ну, тогда записку и дерево, - проговорила старуха.

- Я их уже взяла, - поспешила вмешаться я.

- Игрушка была сломанная. Я починил ее для своей дочери, - вступился за меня папа.

- Но это все наше! - возмутилась Сумская.

- Не ваше, - спокойно возразил папа. - В шестнадцатом году вас еще не было на свете. И вообще, не вы наследница своей троюродной тетки. Возможно, живы прямые наследники.

- Я им сообщу, - заверила Сумская.

Я не выдержала и сказала:

- Вы знаете их адрес? Да вы в глаза не видели своей тетки!

- Как это не видела? - вскинулась она.

- Вы родились, когда она отсюда уехала, а она никогда больше сюда не возвращалась.

- Откуда тебе известно? Без году неделя тут живешь и уже все знаешь! - разозлилась Сумская.

- Мне Анна Васильевна, прабабушка Гали Малаховой, все рассказала. Она ведь тоже была вашей родственницей, - с ехидцей промолвила я. Повернулась к Игорю и ему выдала:

- Галя Малахова и вам родственница!

- Похоже, у меня тут полный двор родственников, - усмехнулся он.

- Больше, чем вы предполагаете, - сказала я.

- А как же, здесь наше гнездо, - вставила Сумская.

- Но это было до вас, - сказала я ей.

- Ты про все знаешь? - зашипела Сумская.

Тут Фомка высунул голову с крыши нашей терраски и подтвердил:

- Хромоножка все знает, она у нас летописец!

- Ну-ка, вали отсюда, без тебя разберемся! - рыкнул Игорь.

Фомка вскочил на ноги, перелетел с нашей крыши на свою и побежал по верху стены.

- Сгинь! - слал вдогонку Игорь. - И не вздумай подслушивать, уши с корнем выдеру!

Фомка исчез.

- Ладно, свернем базар, - примирительно сказал Игорь.

- Баба Надя, возьми портсигар и успокойся. Вещь историческая, ценная. Хочешь - продай, хочешь - в музей сдай, хочешь - под подушку клади и радуйся на нее.

Сумская протянула руку к шкатулке, которую держала бабушка, с сорочьим проворством схватила портсигар и спрятала его за спину, как если бы кто собирался его отнять. Никто не проронил ни слова. Тогда, осмелев, Сумская поднесла портсигар к глазам, разглядывая его потемневший корпус.

- Тебе, бабуля, дали - и ступай, - поторопил Игорь. - Я сам тут договарю.

Сумская с сожалением посмотрела на оставшиеся вещи, но под строгим взглядом внучатого племянника смирилась и пошла к калитке.

Игорь отвел папу в сторону и о чем-то с ним заговорил. Мы с бабушкой ушли в дом.

Вернувшись, папа сказал, что Игорь хочет привести экстрасенсов, чтобы окончательно убедиться, есть что под домом или нет. Папа разрешение дал с условием, что после этого Игорь оставит нашу семью в покое.

18 июля 1997 года

Экстрасенсы пришли. Их было двое. Один гипнотизер, другой медиум. Как я поняла из объяснений, гипнотизер определенным образом настраивает медиума, и тот видит прошлое. В гипнотизере, здоровом и крепком парне, папа узнал охранника одной из фирм. Медиум назвал себя студентом. Он был хрупок и нежен, как комнатное растение, глаза черные, большие, с загнутыми ресницами. «Удав и кролик», - мысленно определила я их. Именно эти роли они выполняли по отношению друг к другу. Только удав-гипнотизер не заглатывает своего кролика, а удав-Игорь при надобности может проглотить обоих. При своем ясном видении знают ли они, с кем связались?

Я запросилась в подполье вместе с ними. Папа и Игорь напрочь мне отказали. Тогда я выставила довод, что знаю о прошлом дома гораздо больше, чем может представить медиум. Гипнотизер этим заинтересовался. Игорь промолчал, а папу я убедила, что лестница в подполье с пологим наклоном, ступеньки крепкие, бабушка лазит - и ничего, и я на одном костыле спущусь и подымусь без осложнений.

Папа включил в подполье электричество. Первым полез Игорь, за ним медиум, потом гипнотизер, и последней на костыле я. Папа поддерживал меня сверху, гипнотизер подал руку снизу.

Я в первый раз была в нашем подполье. Дом здесь на целый этаж уходит вниз каменным коробом, перегороженным крест-накрест деревянными стенками в две проборки с насыпной серединой. Со стороны Сумских папа наложил еще проволочную раму. Вдоль стен стеллажами наделаны деревянные полки со стойками от пола до потолка. Печь опускает сюда каменную ножку - опору. В узких простенках стоят ящики-лари для картошки, свеклы и морковки. Свободного места много, прохладно и сухо, затхлого запаха нет.

Игорь ходил между полок, и видно было, что какие-то планы роятся в его голове. Зря мы его сюда пустили.

Ему тут чересчур нравится.

- У вас тут просторно, - проговорил он.

- Хлама не накопили, - отозвалась я с усмешкой.

Гипнотизер начал уже готовить медиума. Тот сделался тревожен, глаза расширились и невидяще глядели перед собой.

- Давай сначала ее - может, у ней скорее получится, - Игорь кивнул на меня.

- Хочешь увидеть невидимое? - повернулся ко мне гипнотизер.

- Еще как! - сказала я.

Лицо у него узкое, лоб тяжелый, с глубокой залысиной, нос продолговатый и выдается вперед, но глаза обычные, серые, глядят с приятельским ободрением. Ничего невероятного ни в поведении, ни в облике его нет. Больше странного в медиуме. Оставленный гипнотизером без внимания, он замер в пограничном состоянии: еще не там, но уже не здесь.

- Соня, как твои дела? - крикнул сверху папа.

- В порядке, пап, - откликнулась я.

- Не боишься войти в прошлое? - дружелюбно спросил гипнотизер, глядя на меня чуть внимательней.

- Не боюсь, - бодро сказала я.

- Входи!.. - подал он команду. - Как что увидишь, скажи... - отдаленно прозвучал его голос. - Видишь что-нибудь?..

- Да.

- Что ты видишь?

- Широкая плита, на ней огромные котлы, из них идет пар. Повара в белых колпаках мешают в котлах длинными поварешками. Пахнет щами с мясом.

- При чем здесь плита и щи? - спросил издали гипнотизер. - Ты в каком году?

- Предположительно, в тысяча девятьсот одиннадцатом.

- Где стоит плита?

- В этом подвале.

- Почему она тут?

- Тут кухня, варится еда.

- Хорошо. Уйди из того времени, чуть ближе к нашему, но оставайся в подвале. Что видишь?

- Горит керосиновая лампа. В полутьме группа офицеров.

- Что они делают?

- Срывают золотые погоны и прячут их в карманы шинелей. Пистолеты перекаладывают за пазуху.

- Зачем они в подвале?

- Прячутся. Я слышу наверху выстрелы.

- Год какой?

- Тысяча девятьсот восемнадцатый.

- У офицеров есть с собой что-нибудь блестящее?

- Только погоны.

Голос гипнотизера идет ко мне из запредельности. Наверно, я действительно плаваю во времени и одновременно очень хорошо представляю, где нахожусь, кто со мной, и если бы папа в эту минуту меня окликнул, я бы отозвалась.

- Давай все-таки поищем клад, - сказал гипнотизер. - Не знаешь, в каком году он заложен?

- Его вообще не было. Это выдумка старого хозяина. Только девочка спрятала здесь жестяную коробку.

- Про девочку не надо! - грубо вмешался Игорь.

- Но почему же? - вскричала я. - Она тут рядом. Я хочу ее разглядеть.

- Я же сказал - не надо! - рявкнул Игорь и обратился к гипнотизеру. - Пусть она идет, а этот парень поищет.

- Не дали досмотреть самое интересное, - с сожалением произнесла я.

- Как раз самое интересное ты проглядела. Если вообще что-нибудь видела, а не водила нас за нос, - сказал Игорь.

- Тебе лучше уйти, - дружески обратился ко мне гипнотизер. - Моему помощнику плохо. Если его не расшевелить, он потеряет сознание, а нам надо поработать.

Помощника, в самом деле, колотила нервная дрожь.

Я не то пошла, не то меня понесло к лестнице. У меня было такое ощущение, что я взбежала вверх на здоровых ногах, без хромоты и без костыля. Папа сидел у проема на табурете.

- Тебя гипнотизировали? - спросил он.

- Так я им и далась! - заносчиво проговорила я, но, отойдя в сторону, призадумалась.

- Пап, а как я вышла?

- Нормально, - сказал он.

- На костыль опиралась?

- Опиралась.

Значит, мне померещилось. Но как это здорово - чувствовать упругую силу ног, которые тебя и держат, и несут одновременно. Меня и сейчас еще не оставляет ощущение легкости, хотя я со всей очевидностью опираюсь на костыль. Это гипноз или выздоровление? Гипнотизер, должно быть, хороший парень. Наверно, он может не только клады искать, но и лечить, во всяком случае, оздоравливать психику. Мне, я думаю, он дал здоровый посыл.

Я села на табуретку рядом с папой и тоже стала смотреть в открытый лаз подполья.

Долго никто из них не показывался. Наконец, вылез недовольный Игорь. За ним гипнотизер - он нес на плече повисшего, как плеть, помощника. Я поднялась, уступая ослабшему табурет. Гипнотизер опустил на него студента и, поддерживая его, чтоб не свалился, перевел дух.

- Ваш дом переполнен прошлым. Оно как пошло на моего парня, как пошло, он не сумел с ним справиться, - рассказывал гипнотизер. Поглядел на меня и прибавил:

- Ту девочку он тоже видел. Она была хромота, но вылечилась.

- А клад нашли? - поинтересовалась я.

- Нет, - сказал гипнотизер.

- Поиски закончены? - папа посмотрел на Игоря.

- Закончены, - буркнул тот, выходя в сени.

- Расходимся мирно и соблюдаем условия? - спросил вдогонку папа.

- Как договорились, - отозвался Игорь.

Гипнотизер подхватил помощника и потащил его следом. Я тоже вышла во дворик.

На стене во весь рост стоял Фомка и тарачился вниз. Игорь прошел, не взглянув на него. Гипнотизер тащил обвисшего, как тряпичная кукла, помощника.

Выходя из калитки, гипнотизер обернулся ко мне и подмигнул.

Фомка побежал по крыше, желая не упустить ничего из того, что будет дальше. Я не двинулась с места. Слышала, как завелся мотор. Значит, Игорь повез экстрасенсов.

Фомка вернулся, сел напротив меня, свесив ноги.

- И ты на Сумского работаешь? - не то спросил, не то обвинил он.

- С чего ты взял? - опешила я.

- С того, что видел. В дом пустили, подполье открыли, сама с ним лазила.

- Лазила. Зато тебя с нами не было. Как это ты не поспел?

- Я главное видел. Ты к Сумскому переметнулась. С чего бы?

- Приручаем, чтоб не кусался.

- Зойка узнает - она приручит.

- Пусть получает свое. Она в мою личную жизнь вмешивалась.

- Какая это личная, когда она, как бутылка, одна на троих, и тебе в ней остатки.

- Ты-то что беспокоишься?

- За подружку обидно.

- Потому и продаешь везде и всюду?

- Где продал?

- Дерево забыл?

- Я думал, там золото, забашлять хотел.

- Так бы тебе и досталось!

- Не бойсь, я бы свое выдрал!

- Лучше скажи, надзор за мной снят?

- Команды отставить еще не давали.

- Так и будешь висеть на хвосте?
- Скажи спасибо, что приглядываю за тобой.
- Что-о?.. Нужен ты больно!
- Погоди, еще пригожусь.
Но не эта разговорная белиберда занимала Фомку. Его, как игла, колело любопытство.
- Нашли у вас что-нибудь? - не выдержал он.
- Не нашли, Фомка.
- А они в этом соображают? - намекнул он на гипно-тизеров.
- Соображают, Фомка.
- Вот гадство, не видел! Расскажешь?
- Как-нибудь...

21 июля 1997 года

Я летаю. Ощущение легкости в ногах не проходит. Я бы костыль отбросила, но мне не разрешают. Но и с костылем я не чувствую под собой ног. Это, наверно, потому что, наконец-то, из заперти вырвалась: мне никуда не запрещено теперь ходить, я никого не боюсь, меня никто не преследует и, кроме костыля, ничто не ограничивает мои передвижения.

- Шоня, тебе коштыль лишний, - заметил мое состояние Сережа.

Старуха Сумская приветливо кивнула мне из ограды и со смущением попросила игрушку, обещая показать мне взамен семейные фотографии.

Я принесла на лавочку деревянный футляр и записку. Старуха вышла с альбомом, похожим на старинный фолиант, - в сафьяновом переплете, с золочеными металлическими уголками и застежками.

Старуха села рядом со мной, положила фолиант на колени, надела очки и взяла из моих рук записку. Она прочла ее на несколько раз, изучила как будто каждую букву, а потом, как свою собственность, сунула в фолиант. Мне не понравилась ее бесцеремонность, но я постеснялась потребовать записку назад. Сумская потянулась за игрушкой. Я было запротестовала, говоря, что сама покажу, как она действует, но старуха вытянула из моих рук футлярчик. Поставив деревце на фолиант, она покрутила ключик и с жадным вниманием следила, как выползают веточки, как они расплетаются, как, вспыхивая, раскрываются листочки. При этом в ее тусклых глазах тоже вспыхивал блеск, а сама она взволнованно вздрагивала. Долго любовалась деревцем, а потом с грустным умилением следила за уползанием веток. Это повторялось вновь и вновь. Я думала, что она не наиграется. Я несколько раз пыталась отвлечь ее, предлагая посмотреть фотографии, но она отстраняла мою руку и снова крутила завод. Обезумела, что ли?

Но вот она беспокойно глянула на меня: не то вспомнила уговор, не то загорелась новой идеей, потому что вдруг свернула игрушку и спрятала футляр в колени, под фолиант.

- Сейчас найду тебе Наденьку, - возбужденно сказала она, перекидывая страницы так, чтобы я ничего не могла рассмотреть. Как ей жалко было делиться со мной, посторонней, своим семейным!

- Вот она, - ткнула Сумская пальцем в небольшого формата фотографию, расположенную в середине листа.

Наденька - в том же возрасте, что и я, - была снята вместе с родителями. То ли она сама наклонилась, то ли фотограф так ее посадил, но она несколько выдавалась вперед, оставив родителей слегка позади и даже как бы на фоне ее. А может быть, это родители, из-за безмерной любви своей, так ее выдвинули, а сами как бы отодвинулись в тень.

У Наденьки очень прямая посадка - будто она уже на коне. Впрочем, вполне вероятно, что она уже умела тогда ездить верхом, так как росла среди лошадей, конюшен и конюхов. У нее две тугих и длинных косички, продолговатое лицо ясного и твердого выражения, глаза светлые, с пытливым и строгим взглядом. Ее наклон вперед - скорее всего от непоседливости и стремительности натуры. Она рвется из старой эпохи, летит из нее, и потому хромо-

ты ее незаметно, хотя на самом деле она хромала.

- Говорили, что я похожа на Наденьку, - произнесла Сумская.

Верно, похожа. И не только она - ее внучатый племянник тоже. У них одна упрямая и цельно направленная порода. У Наденькиного отца окультуренная и успокоенная, у Наденьки рвущаяся вперед, у старой Сумской круто осаженная назад и оттого не давшая цвета, у Игоря настырно прущая и подавляющая всех на своем пути. Интересно, каков был патриарх рода?

- А фотография Ионы Маркелыча у вас есть? - спросила я.

- Ты знаешь, как звали моего прадеда?.. - удивилась Сумская. - Его портрет в самом начале.

Она кинула страницы альбома назад и открыла фотографию пращура, крепкого сложением человека, с густой бородой, мохнатыми бровями, крутым носом и живыми, буравящими глазами. В нем видны были и порыв, и нахрап, и лихое упрямство, и жаркое любопытство, и рискованная страстность.

- Могучий у вас был предок, - похвалила я вслух.

- Это он все тут построил, - Сумская горделиво повела рукой вокруг.

- И все потерял, - добавила я.

- Революция отняла, - с каменным лицом проговорила старуха.

Я не успела возразить. Во двор въехал синий джип, из него вышли Игорь и Зойка. Дела у Игоря идут в гору, раз он машины меняет.

- Что, бабуля, семейные тайны выбалтываешь? - сказал Игорь.

Сумская вспугнуто дернулась, подхватила с места и метнулась в ограду.

- А мое письмо и дерево? - крикнула я.

Старуха рысила по своему двору, не обращая на мой возглас внимания. Игорь улыбнулся, довольный моей растерянностью и таким поворотом событий. Проходя мимо, он покровительственно на меня посмотрел. Стоявшая за ним Зойка, помявшись, тоже направилась ко мне, ступая по-лисьи вкрадчиво и осторожно. Мы давно с нею не говорили, и у меня не было желания общаться. Она предала Галю, предала меня - и неизвестно, что еще замышляла. И тем не менее я с любопытством ее разглядывала.

За лето Зойка по-женски вызрела. В фигуре, правда, никаких перемен не произошло, зато в чертах лица усилилась надменная отточенность, на время умиротворенная, но в любую минуту готовая показать хищный оскал. Подавала себя Зойка на жгучий цыганский манер, с уклоном, почему-то, в черный цвет. Волосы она подрастила и вычернила до вороньего блеска, крупно завила, с ушей свисали огромные, как колеса, серьги из дутого желтого металла. На шее такое же кольцо ожерелья с сердечком, западающим в грудную ложбинку. Одета в короткую черную майку, оставляющую открытым живот, и короткую, только на длину ягодиц, черную обтягивающую юбку, на ногах черные замшевые босоножки на невероятном каблуке. С вкрадчивой грацией шага, с блестящими украшениями и начавшей приобретаться холемостью Зойка в захолустье нашего двора смотрится примадонной. Испорченная репутация только прибавляет ей шику.

- С Игорем помирилась - и со мной помирись. Что нам делить? - сказала Зойка, садясь рядом со мной на лавочку и обдавая меня ароматом неведомых мне духов. На меня словно повеяло иным миром, принизившим мой здешний, дворовый мир с Фомкой, Сережей и старухой Сумской. Я вспомнила запах черемухи на этой лавочке весной. Он тоже тревожил и волновал, но не принижал ничьих чувств, ничьего образа жизни и не обольщал попусту. Однако ж на всех нас, собравшихся тогда под черемухой, он подействовал по-разному и в разные стороны нас увлек.

Я промолчала на Зойкины слова о примирении. Она поняла мое настроение, посмотрела на меня затуманенным взглядом.

- Ну, виновата я перед тобой, Соня, ну, прости. Не подведу больше. Но и ты меня пойми... Попробовала бы ты возразить Игорю, когда он чего-то захочет. Мы с Фомкой, сколько могли, прикрывали тебя. Но ты умница - сама за себя постояла.

- Фомка, может, и прикрывал, а ты, Зойка, нет, - сказала я.

- Знаешь что, каждый сам за себя отвечать должен, - недобро бросила Зойка.

- При любых обстоятельствах?

- При любых.

- Ты злая, Зойка, и опасная, - сказала я.

- Не болтай ерунды, Хромоножка, - лениво отозвалась Зойка, разглядывая приподнятые ноги в замшевых босоножках. - Побыла б ты в моей шкуре, многому бы обучилась.

- Игорь тебя обижает? - спросила я.

- Не обижает, но и не дает спуску. Впрягает на полную катушку, и не только меня - всех, кто с ним. Возле него не покайфуешь. Но меня он продвигает, о будущем думает, - говорила Зойка. Туман в ее глазах рассеялся, и я увидела их натуральный, серый с черной зеленью цвет. - Слышала о такой специальности - сексопатолог? Круто, правда? А психосексопатолог еще круче. Я буду на них учиться. Игорь хочет, чтоб я в медицинском бизнесе себя проявила. Когда диплом получу, возьму лицензию, кабинет свой открою, клиентуру заведу. С клиентурой проблемы не будет. Она сейчас уже есть. Знаешь, богатенькие импошки. Я их лечу за хорошие бабки. Подпольно пока, а когда-нибудь буду открыто. Этой осенью в медицинский колледж поступаю. Как его кончу, в академию сразу пойду.

Зойка явно хвасталась передо мной.

- Значит, с Игорем у вас чисто деловые отношения? - сделала я вывод.

- Ты что! Стал бы он обо мне беспокоиться? У нас с ним классно. Я его женщина, - Зойка посмотрела на меня с превосходством.

- Кто он такой, Игорь? Чем занимается? - спросила я.

- Разным, - уклонилась Зойка. - В том числе он еще и секс-менеджер.

- А это что?

- Ну, всякому клиенту по вкусу пару находит.

- Сводник, значит.

- Это давно устарело. Ты современный уровень бери. Знаешь, какие запросы бывают? Игорь ни разу не оплошал. Здесь не найдет - из другого города привезет, а заказ выполнит.

- Вот, почему вы за Галей охотились? - догадалась я.

- Ну да, - залилась смехом Зойка. - Представляешь, как она бежала? Как обезумевшая курица. Голова вперед, ноги назад, глаза выпучены, лицо растеклось. Кому такая красавица нужна? Галька слишком уж на любителя. Но один чудак был - такие бабки выставлял. В его вкусе как раз клуши, вроде Гали. Она в убытке бы не осталась...

- Зой, а сама ты - в чьем вкусе?

- Я, как первая группа крови, на все вкусы. Но суровые мужики сильнее меня обожают.

- А Юле ты что посоветовала? - как бы невзначай задала ей вопрос.

- Юльке? Это когда ты хахаля у нее увела? Ой, умора, стоит возле меня цыпка побитая в узеньких брючках и ноет. «Чего, - говорю, - ноешь? Тебе разве крыть нечем? Да я б твои ноги вместе с задницей открывала!». Так что, Сонька, держись: думаю, в ум ей запало.

- А чувства, Зой, ты совсем в расчет не берешь?

- Чувства - они для убогих, кому надеяться не на что.

- Ну, а сама ты во что веришь?

- В любовь верю и в деньги. Согласна на два в одном - любовь за деньги, - засмеялась Зойка и встала. - Схожу, своих навещу, а то уезжать скоро. Так ты не дуешься на меня? У нас с тобой мир? - переспросила она.

- В основном да, но за Колю я тебе не прощаю.

- Я-то при чем, если он облезлый, - пожав плечами, небрежно бросила Зойка. - Ладно, еще как-нибудь

поболтаем, - пообещала она и пошла.

В ограде Сумской показался озабоченный Игорь. Завидев его, Зойка остановилась, ожидая распоряжений. Ей он ничего не сказал, а мне выговорил:

- Зря ты бабке игрушку дала. Она на ней помешалась.

Он обогнул машину и побрел за сараи. Зойка торопливо побежала к себе. Я размышляла: сейчас потребовать унесенное или ждать случая?

Из-за сараев Игорь вышел вместе с Сережей. Они молча прошли мимо меня, и я тоже промолчала, поняв, что у Сумских появились какие-то сложности.

28 июля 1997 года

Мы с бабушкой солим огурцы. Папа с мамой привозят их из садов, а мы с бабушкой перерабатываем. В прошлые годы папа отвозил готовые банки в гараж, где у него погреб. Теперь у нас есть подполье. Туда хоть бочки закатывай, все равно место будет. Мы с бабушкой уже два отсека заложили соленьями, вареньями, маринадами. Мне нравится носить вниз теплые баночки. Когда я помогаю бабушке у стола, то еще костылем подпираюсь, а хожу уже с тростью.

В подвале прохладно, просторно и чисто. Мне там ясней и осмысленней думается. Пока ставлю баночки, размышляю. Самая болезненная мысль - о Коле. После нашей прогулки по набережной он ни разу ко мне не пришел. Юля тоже не заходит. Они оба выпали из моего поля зрения. Для меня это плохой признак. Где они? Вместе или нет? Впрочем, они всегда вместе, потому что партнеры. Мы с Колей, когда были партнерами, тоже много времени проводили вместе. Репетиции, выступления, переплетенные интересы, нарастающее притяжение... Я чувствовала по его глазам, которые неотрывно смотрели на меня, по его рукам, которые нежно и бережно меня поддерживали, что мы неумолимо неслись навстречу на своих неокрепших крыльях. Но мы промахнулись в полете. Ошибка была моей. Я всецело положила на его крылья и не подключила свои. И во второй раз, на набережной, ошибка тоже была моей: я все передоверила своим крыльям и ничего не оставила для его. А третья моя ошибка, наверно, в том, что я, несмотря ни на что, продолжаю верить, что пережитое вдвоем нельзя повторить ни с кем другим.

Сидя на ларе в подполье, я мысленно прокручиваю в памяти все, что у нас было с Колей. И вдруг холодею: а что если он это же самое повторяет с другой? «Чувства - для убогих», - сказала Зойка. То есть для таких, как я, инвалидов? Но я уже излечиваюсь от убогости - и все равно продолжаю удерживать Колю в сердце. А он меня?.. Он мальчик, он должен быть сильнее. Ну ничего, всего-то месяц продержаться осталось. А там школа, будем вместе. Папа перенес мои документы из прежней моей школы в ближайшую к нам теперь. Это гимназия. Коля и Юля в ней учатся. Коля пойдет в одиннадцатый, Юля в десятый, а я в девятый класс. Я буду на своих ногах, может быть, даже без трости. У меня снова появятся одноклассники. Я так соскучилась по большим компаниям! Дружить буду с кем захочу, а не так, как сейчас, - с теми, кто вокруг есть. Нет, дружить буду со всеми, чтобы вокруг меня всегда было шумно. Танцевать придется только на дискотеке. Это не беда, лишь бы скорее. Мы с Колей снова создадим пару, но уже дискотечную. Ну и что же, что Юля с ним на сцене, - на дискотеке с ним буду я.

Я обратила внимание, что в мои мечтанья вкрапляется какой-то тревожный звук. В нем стон и невнятное бормотанье. Это не из моих иллюзий, в них все прекрасно. Неужели из прошлого? За сто лет в доме чего только не происходило, а страсти человеческие оседали в подполье... Нет, звук как будто сегодняшний, он живой. Кто-то стонет, но не рядом, а в стороне. Я прислушалась. Это не под нашей квартирой. Здесь все спокойно и мирно, при электрическом освещении каждый угол просматривается. Звук из-за перегородки. Я приложила ухом к одной стенке и к другой. Бормотанье и стон шли от Сумских. Я различила слово «помогите».

- Бабушка! - подскочив к лестнице, крикнула я наверх.
- Спустись сюда!

- Что такое? - взволновалась бабушка, уловив в моем голосе тревогу.

Она тяжело сошла по ступенькам, и мы обе приникли к перегородке в подполье Сумских. И теперь уже обе уловили стоны и слово «помогите».

- Сумская стонет, - сказала я.

- Похоже, - согласилась бабушка.

С того дня, как старуха утащила у меня игрушку, я в ограде ее не видела.

- Игорь говорил, что она помешалась, - сказала я бабушке.

- И они загнали ее в подвал? - ужаснулась бабушка. - Надежда Николаевна, это вы? - закричала и застучала она в стенку.

В ответ последовало невнятное бормотанье.

- Надежда Николаевна, отзовитесь! - повторила бабушка.

Слово «помогите» повторилось еще два-три раза, но так же бессвязно и монотонно.

- Она без сознания, - предположила я. - Наверно, давно тут сидит.

- Господи, да тут холодно, она же простынет! - забеспокоилась бабушка. - Кто-нибудь наверху у них есть?

- Я Сережу видела. Видно, он за нею присматривает, - сказала я.

Бабушка застучала и закричала сильнее, призывая старуху сказать, чем ей помочь. Ничего разборчивого в ответ не донеслось.

Опираясь на трость, я пошлепала наверх, а оттуда во двор.

В ограде у Сумской на корточках сидел Сережа и приколачивал доску к порожку. Я давно уже вижу, как он тут по хозяйству хлопочет: то дорожку метет, то цветочные кусты подправляет, то дверь чинит, теперь крыльцом занялся.

- Сережа! - окликнула я.

Он повернул ко мне уже не такое заросшее, посвежее, но все еще отвлеченное из-за самоуглубленности лицо и приветливо улыбнулся.

- Сережа, - сказала я, - у вас в подполье кто-то стонет.

Улыбка на Сережином лице погасла, он отвернулся, продолжая тюкать.

- Сережа! - еще раз окликнула я.

- Меня Щергеем Макаровищем клищут, - неохотно отозвался он.

- Ах, тебе хочется, чтобы тебя по отчеству величали? - вскипела я. - Хозяином тут похаживаешь... А у тебя в подполье человек помощи просит - почему не помогаешь?

- Ага, пойдти помоги, увидишь, што будет, - пробурчал он.

- Так, что же - оставлять человека в беде?

- Какой это щеловек, это уже не щеловек, - заявил подворник.

- Значит, по-твоему, она пропадать должна?

- Ты шама виновата. Жащем давала игрушку? Она жаводила ее, жаводила, шломала - и ш ума штронулаць, в подполье лежет, щего-то ищет.

- Надо же что-то делать, Сережа! - сказала подоспевшая бабушка. - Скорую помощь вызвать, милицию...

- Пушьт выживает хожяин, а я шторожем тут. Бегать жа шкорой помощью мне не накаживали, - уперся Сережа.

Так и не пошел. Папа приехал с работы, вызвал скорую помощь и милицию сразу. И только после этого приехали Игорь с Зойкой.

Мы с Зойкой торчали у калитки сумсковской ограды, когда санитары вынесли из дома серый шевелящийся ворох. Старуха металась, повторяла свое неизменное «помогите», ни к кому, впрочем, не обращенное. Ее безумно блуждающий взгляд зацепил Зойку и вспыхнул безумным огнем.

- Матилька! - вскрикнула она и дернулась так, что са-

нитары чуть не выронили носилки. Ругнув сумасшедшую, они быстро потащили ее к машине.

- Фу, гадость какая! - поморщилась Зойка.

- Ты ходила туда? - кивнула я на квартиру Сумской.

- Еще чего! - содрогнулась Зойка. - Я этой бабкой брезгую.

Припав к ограде, Сережа наблюдал, как уносят старую хозяйку.

Игорь в доме объяснялся с милицией. Сумскую, еще живую, но для соседей как бы уже мертвую, вышел провожать весь двор.

Она в самом деле сюда больше не вернулась. Через несколько дней умерла, и ее хоронили из ритуального зала.

Уголовного дела на Игоря не завели, он оправдался. Сережа закрыл свою сараюшку и перебрался в опустевшую квартиру, чтобы охранять ее, пока внучатый племянник в положенный срок не примет во владение завещанное ему наследство.

15 августа 1997 года

Я иду, опираясь на трость, по солнечной стороне главной улицы. Я слегка поигрываю тростью, стараясь отвлечь внимание прохожих от моей, еще заметной хромоты. Но она, должно быть, у всех на виду, и я только себя обманываю. Определенно я никуда не иду, прогуливаюсь от скуки, чтобы знакомых встретить, поболтать. Навстречу мне течет разреженный поток прохожих. Пожилые люди движутся в одиночку, реже парой, молодежь проходит по двое, по трое, иногда группой, дети пробегают ватажкой. Так как толпа не густая, а улица прямая, я могла бы видеть далеко впереди. Но солнце светит в лицо и слепит глаза. Поэтому Юля с Колей возникли вдруг прямо перед самым носом - и заслонили собою все: и солнце, и улицу, и людей, и мою жизнь.

Прежде всего мне бросились в глаза их руки, сцепленные в замок. В другой руке у Юли цветы. Она в коротеньких шортах и напускной блузе без рукавов. На стройных ножках - туфли-лодочки на небольшом каблучке. Зойка угадала: в открытом виде Юлины ноги неотразимы. От внезапной остановки Колины волосы насыпались на лоб, и глаза из-под завесы загадочно мерцают. Коля не делает попытки откинуть волосы с глаз, так и глядит на меня, будто из-за укрытия. У обоих забалделый и слегка притомленный от переизбытка общения вид. Совершенно очевидно, что они в упоении друг от друга. Значит, все наше с ним Коля повторил с Юлей, и она ему во всем меня заменила.

Встревоженная неожиданной встречей, Юля, не отцепляя своей руки от Колиной, выдвинулась вперед, как бы заслоняя его от меня. Он прирученно и смущенно выглядывал из-за ее плеча, а она тараторила:

- Ой, Соня, ты пошла на поправку? Поздравляю! У нас с Колей такое загруженное лето, просто ужас! В июне гастроли с театром, в июле и августе гастроли с ансамблем. Выступали в Хабаровске, вернулись, поехали в Китай, выступали в Харбине, Цицикаре, других городах, не считая Хэйхэ. Наш с Колей дуэт пользуется успехом. Всю дорогу на бис. На каждом концерте цветы, сувениры. Завтра с ансамблем едем во Владивосток, отдохнем неделю у моря.

- Рада за вас, - как можно небрежней проговорила я, на самом деле оглушенная их успехами.

Юля радостно тарачила на меня свои пронзительные глаза негритенка с глянцевоцветными радужками и ослепительными белками. Когда-то я любила ее за эти глаза. Они мне казались образцом искренности. Они и сейчас не обманывали. Юля по-честному меня победила. Это я неосторожно сошла с дистанции.

- Соня, за тобой уже не охотятся, ты одна ходишь? - не то с заботой, не то с издевкой спросил из-за Юлиного плеча Коля.

И тогда я заявила о своих успехах:

- Почему же одна? Если внимательно оглядеться, обязательно встретишь глаза, которые пристально за мной наблюдают.

Юля от моих слов испуганно дернулась, глаза забежали туда-сюда. Прежде всего, я полагаю, она испугалась за Колю, ну и за себя тоже: как бы не втравиться со мной в какую-нибудь историю!

- Извини, Соня, мы спешим. Надо собраться в дорогу. Счастливо тебе, - впопыхах бросила Юля, уходя сама и утаскивая за собой Колю. Напоследок он оглянулся, извиняюще мерцая глазами из-за занавеси волос.

«Оставь свои извинения при себе, я в них не нуждаюсь», - не знаю, понятно ему или нет, ответила я своим взглядом.

Непроизвольно я еще продолжала идти в том направлении, в котором шла, но мне никуда уже не было нужно. Тростью я больше не поигрывала и хромала, как положено, не заботясь, насколько это заметно. Помню, я задирала подбородок, не из-за высокомерия, конечно, а чтоб удерживать в глазах слезы, но они все равно растекались по лицу, и я промокала их волосами.

- Хромоножка, ты плачешь? - встал передо мной Фомка. Его глаза щурились, в них гуляли насмешливые искры.

- А ты подсматриваешь? - безразлично сказала я.

- Не подсматриваю, а охраняю, - поправил Фомка.

- Разве можно охранить от измены? - вздохнула я, рукой вытирая слезы.

- Знаешь, они такие счастливые, не хотелось бить в морду, - произнес Фомка.

- Что ты, Фомка, разве этим можешь? - тихо сказала я.

- Меня Серегой зовут, - почему-то напомнил Фомка.

- А по отчеству как? - я вспомнила Сережу-надворника.

- Васильевич.

- Вот что, Сергей Васильевич, сгинь с моего пути и не попадайся мне на глаза, по крайней мере сегодня, - я отвернулась от него, глядя туда, куда ушла влюбленная пара. Ее давно уже не было видно. Она исчезла из моих глаз и из моей жизни. Мир от этого не рухнул, но рассыпался на отдельные, не связанные между собой составные. Люди виделись уже не толпой, а каждый человек поодиночке. Дома не имели никакого отношения к людям, идущим мимо них. Машины катили не потоком, а каждая сама по себе. Солнце светило для себя, небо не обнимало землю, а я была осколком в этом расщепившемся, утратившем связи мире.

Откуда-то вынырнула Фомкина рука и протянула мне мороженое. Странно, но и мороженое я восприняла как-то отдельно, вне связи с Фомкой. И в самом мороженом не почувствовала ни вкуса, ни запаха, но съела, кажется, до конца. Снова Фомкина рука подала мне мороженое, снова я приняла его так, будто оно появилось само собой, ниоткуда. Передавая мне очередное мороженое, Фомка что-то говорил: должно быть, пытался обозначить в моем сознании эту самую ниточку связи, но я не слышала и не понимала его слов. А когда Фомкина рука с мороженым перестала появляться передо мной, мир окончательно отделился от меня - или я отделилась от мира и от себя в том числе.

Дома я закрылась в комнате и легла на кровать, собравшись в комочек. Передо мной потянулись долгие и утомительные видения: будто все поодиночке от меня уходило. Уходили за горизонт дома, машины, люди. Это происходило так медленно и продолжалось так бесконечно, что я уставала провожать взглядом каждую человеческую фигуру, каждый дом, каждую машину. Пробуждаясь, я стряхивала с себя сновидение, но оно снова обволакивало сознание - и передо мной вновь возникала картина ухода.

Когда стемнело, меня разбудила мама, пощупала лоб - тогда еще все было в порядке, - позвала ужинать. Я отказалась. Мама заставила меня умыться, расстелить постель и лечь по-человечески. Я подчинилась всем ее распоряжениям и упала в тот же сон. Но теперь движение за горизонт сопровождалось невыносимой головной болью.

Утром я проснулась с огнем в горле и жаром в груди.

Несколько дней я только болела и только лечилась, не имея сил ни думать, ни сожалеть, ни печалиться. А потом, вместе с физическим облегчением, для меня наступило облегчение душевное. Я выболела свою несчастную любовь до пустоты в сердце.

Когда мне стало лучше, Фомка прорвался ко мне, вымолив у бабушки разрешение.

- Хочешь, я набью ему морду? - вдохновенно сказал он.

- Себе набей. Это ты пичкал меня мороженым. Сколько я съела?

- Пять, - сконфузился Фомка.

- Разве можно столько давать?

- Ты ела и ела.

- Я ж не в себе была.

- Я больше съедаю, и со мной ничего не бывает.

- Ты закаленный. Можно, я тебя кое о чем попрошу?

- Ради Бога! - восторженно сказал Фомка.

- Позволь называть тебя Фомкой. Как Серега ты много теряешь.

Фомка замялся.

- А ты называй меня Хромоножкой, - добавила я.

- Мне хочется тебя Соней звать, - Фомка опустил глаза.

Я увидела, что вокруг его головы уже нет ореола, похожего на одуванчик. Светящийся нимб уничтожен ради зализанной прически. Как мальчишке не терпится вырасти!

- Хорошо, называй меня, как получится, - нашла я выход.

- И ты тоже. Но все же иногда говори «Сережа» - может, привыкнешь? - он просительно посмотрел на меня.

«Неужели я так же быстро расту? - с сожалением подумала я. - Ну, конечно, раз целовалась с Колей, значит, выросла. А этот негодник видел и тоже захотел побыть женихом...»

- Соня, а мне можно тебя кое о чем попросить? - помолчав, проговорил Фомка.

- Конечно, можно.

- Я не хочу больше за тобой ходить. Я хочу ходить рядом. - Фомка глядел на меня напряженным, выжидающим взглядом.

- Ходи, - ответила я, - только ненавязчиво, потому что иной раз мне захочется одной побыть или с кем-то еще. Ты не должен мне мешать.

- Ладно, не буду, - с неохотой согласился он.

Так я освободилась от его неусыпной слежки.

А вечером того же дня ко мне в комнату зашел папа, сел напротив и сказал:

- Фирма покупает для меня квартиру. По договору я обязан постепенно расплатиться. Дом достраивается. Где-то зимой или к весне переедем. Это недалеко отсюда, на набережной. Когда поправишься, мы сходим и посмотрим. Думаю, тебе понравится. Дом высотный, весь в лоджиях. У нас будет третий этаж, двухкомнатная квартира. Бабушку мы заберем с собой и буфет тоже. Вы с ней поделите одну комнату. Мы с мамой займем другую. Дом поставлен так, что все окна глядят на Амур. Дом новый, без легенд и преданий. Начнем жизнь с чистой страницы.

- Представляю, как мама радуется, - проговорила я.

- А ты? - спросил папа.

- Я тут привыкла.

- К чему ты привыкла? - энергично входя в комнату, сказала мама. - К низкому социальному уровню, сомнительному окружению, бездуховной и неинтеллигентной среде?

- Зато здесь я не была одна и ущербной себя не чувствовала, - возразила я. - А твое интеллигентное окружение отвернулось от меня в первый же момент.

- Но с кем ты водилась? Это же криминальный и полукриминальный контингент! Сколько потрясений мы пережили, сколько страха за тебя набрались! - выплескивала наболевшее мама.

- Да, мама, мы были здесь чужаками. Но ты заметила, что нам уже никто не досаждал? Я научилась ладить со

всеми. Чтобы тебя хотя бы не предали - надо крепко запасть человеку в душу. А если он все равно предает, значит, перед тобою подлец и надо держаться от него подальше. Я так и поступлю с одним человеком из твоей, мама, интеллигентной среды. А двор передо мной ни в чем не виноват. Он учил меня стоять за себя и ни в коем случае не поддаваться. Я тут выздоровела, поумнела, и мне тут нравится.

- Я так понимаю, что ты не хочешь подниматься на более высокий уровень? - спросила мама.

- Я с него не сходила, мама! - защищалась я. - Я же прочла все, что ты мне наносила, и языком занималась, только на пианино не играла, и то осенью начну наверстывать.

- Значит, ты не против переезда в современную квартиру? - допытывалась мама.

- Я не знаю. Надо подумать.

- Подумай, - поднялся со стула папа. - Но квартиру мы все равно покупаем. Не считай, пожалуйста, это изменой своему двору, хоть ты его и полюбила. Это движение жизни. А в твоём возрасте перемены полезны.

- Пап, а что будет с этой квартирой? - крикнула я вслед выходящим родителям. Папа остановился, усмехнулся:

- Продам тому же Сумскому. Он пытался нахрапом нас выселить, пусть попытает счастья в законной сделке. Но ради него цену спускать я не буду.

У меня застряли в голове папины слова о полезности перемен. Я весь вечер думала о них, а ночью то ли во сне, то ли в бессоннице, они сопровождали мои видения. Передо мной встала Наденька Сумская - не девочка-подросток с фотографии, показанной мне старой Сумской, а девушка-чекистка, и почему-то не в кожаных прибабах - тужурке и фуражке, а в красноармейской длиннополой шинели, провисшей на ее тонкой фигуре, и глубоком суконном шлеме, расстегнутом у горла. Я вижу ее в сумерках, вечерних или предутренних. Она входит в ворота (тогда еще здесь были ворота) и идет по двору. Из темных глубин шлема слегка выступает острый кончик носа (девушка отличается не красотой, а силой характера). Походка ее нетороплива и слегка расслаблена, словно она в ходьбе отдыхает от тяжелого дня или ночи. В глубоком кармане шинели спрятан пистолет, но охраняет ее не он, а скользящая позади тень Станислава Браницкого. Чекистка знает об этой тени и, вероятно, полагается на ее защиту, оттого-то походка расслаблена и пистолет глубоко.

Но в двадцать седьмом году девушка пренебрегла безопасностью, которая была обеспечена ей в этом дворе и в этом городе, и уехала. Пошла ли ей эта перемена на пользу? Что с нею дальше стало? Ее ожидали страшные тридцатые годы. Выжила ли она в них - или разбилась на острых камнях того рокового десятилетия? Двору о ее дальнейшей судьбе ничего неизвестно. Но родственники что-то, должно быть, знали, потому и удержали вторую Наденьку от повторения пути предшественницы. А ведь они были похожи и лицом, и характером. Но первая всю силу отдала полету, а вторая - торможению. Может, вторая Надежда просто не сумела набрать высоты, знала об этом и всю жизнь завидовала удаче предшественницы? А может, выбрала верность двору и дому, чтобы хоть что-то сохранить за родовой фамилией? Это и стало острыми камнями ее судьбы, бессмысленной и бесполезной жертвой. Прибавим сюда несложившуюся личную жизнь, засасывающее однообразие. Отсутствие впечатлений и перемен привело к тому, что она стала жить переживаниями предшествующих поколений, давно отшумевшими событиями, накладывая образы ушедших людей на ныне живущих. Потому-то и я была для нее Наденькой - когда девочкой-подростком, а когда и девушкой-чекисткой. Мама моя ей представлялась Матильдой, а потом этот образ она перенесла на Зойку.

А разве я не прожила эту зиму под впечатлением ушедших событий и образов? Допустим, я играла, а у Сумской это было начавшимся умопомрачением. Но исходный

момент один: замкнутость жизни, скудость событий и впечатлений. Папа прав, мне нужны перемены, как нужны они были и Наденьке, и второй Надежде.

Утром, невзирая на бабушкины запреты, я побежала смотреть новый дом. Он оказался совсем такой, как представился мне из папиного рассказа, - белоснежный парус, вознесенный над городом и рекой. Внизу его обступают беспарусные суденышки: низкие деревянные дома и невысокие каменные строения, - но вверху, в поднебесье, у него нет конкурентов.

«Вот это полет!» - сердце у меня заколотилось.

Конечно, со временем и его обживут, как самый обычный дом. Он обрстет прошлым и настоящим. А пока он - чистая страница. Здесь даже образ Ларисы Огудаловой не придет мне на ум. Все мысли и дела будут устремлены в будущее. Увы!..

25 августа 1997 года

К концу лета наш двор выспел, как запоздалая ягода. Во всех палисадниках цветут пурпурные, бордовые и темно-красные георгины. На всех штaketниках сушатся багровых тонов одеяла. Да еще солнце, загустевшее к осени в вязкий оранжевый сироп, обильно и щедро поливает двор насыщенным концентратом.

В ограде у Сумской цветы полыхают с одуряющей страстью, отдавая прощальный салют умершей хозяйке. Сережа озабоченно похаживает возле них, с неодобрением поглядывая на пышное цветение.

Меня Сережа сторонится, не поднимает глаз и не заговаривает. Я тоже не имею горячего желания вести с ним разговоры.

Из квартиры Сумской изгоняется последний дух прежней хозяйки. Работают строители, капитально все переделывая. Сережа при них надзирателем.

Старухин скарб тоже перетрясли. Отбракованное Игорем Сережа перетаскал в свой сарай, в котором больше не живет. Старую, но ценную мебель Игорь отвез на реставрацию. Что он тут хочет устроить? Не жить же здесь собирается! А что он сделает с нашей квартирой, когда ее купит? Папа говорил, что Игорь обрадовался возможности ею завладеть. Неужели он стал дорожить родовым гнездом или все еще надеется отыскать клад? А вторая половина дома входит в его планы или нет? Если входит, то будет ли он сманивать жильцов переехать, как когда-то сманивал нас?

Полагаю, что наш дом ожидают колоссальные перемены, если не сказать потрясения. Жаль, что мне не придется в них участвовать.

Возвратилась Галя Малахова, да не одна, а с охраной. С ней постоянно ходит плечистый крепыш простоватого вида. На всех, кроме Гали, поглядывает сурово, а на Галю с обожанием. Галя рядом с ним чувствует себя в безопасности, а он возле нее, похоже, видит себя героем, наверно, дожидается случая доказать это на деле.

Галя отыскала своего защитника где-то там, около тетки, у которой провела лето. Парень будет учиться в строительном колледже и жить у Гали, в бывшей комнате ее прабабки. А Галя будет доучиваться в школе. Они влюблены друг в друга, и над ними уже поблескивает супружеский венец.

Теткины молоко и сметана не вернули Гале утраченной пышности, а влюбленность - прежней смешливости. Это ушло. Но глаза ее - все те же плавающие ириски, притягательные и сладкие.

- Мы с ним живем, - призналась мне Галя, - почти сразу, как объяснились и все наперед решили. Лучше так, по согласию, чем кто-то возьмет силком. А он охраняет свое.

Гале теперь не до меня, и все же один раз нас швырнуло друг к другу прощальным приветом уходящей дружбы. Галя сошла со своего крыльца, а я вышла из своей калитки. Галя была без своей охраны, а я без своей. Мы устремились навстречу, а когда сошлись посреди двора, то поняли, что нам тесно среди георгинов и просушивающихся одеял. Не сговариваясь, мы повернули в город. Галя была в балахонистой юбке и балахонистой блузе из пес-

трого трикотажа. Я в короткой юбке, но не такой, как носит Зойка, под самую задницу, а до половины бедра, и в абрикосовом джемперке с короткими рукавами. Но самое главное, я была без костылей и без трости. Я прихрамывала, но пока не устала, это было мало заметно.

Мы с Галей, гуляя, шли по солнечной стороне главной улицы, в направлении к площади. Солнце было слишком горячим для последних дней лета и для утреннего еще часа. У Гали запотел лоб и взмокли на висках волосы. Она плавилась, как большая ириска. Мне, с моей ногой, тоже было тяжело на солнцепеке, и мы перешли на теневую сторону. Здесь нам стало полегче, и мы могли держаться под наблюдением обе стороны улицы. Мы прошли по холодку длинный красный фасад завода, прошли под тополями скверика. Перед зданием медицинского колледжа толпилась молодежь, в основном девушки, но были среди них и ребята. Мы с Галей спокойно прошествовали бы мимо, если бы не увидели выходящую из дверей Зойку. Мы невольно приостановились, разглядывая ее. На ней были ее огромные, качающиеся под кудрями серьги, облепляющая задницу черная юбка, зеленая майка в обтяжку и черная сумка через плечо. Вся молодежь, какая была на площадке перед домом, так и уставилась на нее. Зойку это не тронуло. Она с форсом прокозыряла бы мимо, но увидела нас с Галей и понеслась напрямик к нам.

- Идем скорее отсюда, - заполошно прошептала Галя.

- Давай обождем.

- Ты что - забыла, какая Зойка?

- Она с тобой помирится, - пообещала я.

- Нужно мне ее примирение, - недовольно проворчала Галя. Но уходить было уже поздно: Зойка с шумом на нас налетела.

- Все, девочки, поступила! Сейчас видела себя в списках.

- Поздравляем, - сказала я за себя и за Галю, потому что та скучно промолчала. Но для Зойки ее молчание ничего не значило. Она бурно и с восклицаниями набросилась на бывшую подругу:

- Ой, Галя, ты приехала? Я слышала, с женихом? Рада за тебя, - теребила она Галю, обнимая, целуя и что-то шепча на ухо, отчего Галя сначала оторопела, потом смутилась и на глазах подобрела.

Добившись от Гали, чего хотела, Зойка принялась за меня.

- Хромоножка, ты уже без подпор? Какая ты хорошенькая, и ножки что надо!

- Забыла, как недавно хваливала другие ножки? - с упреком напомнила я.

- Выбрось из головы, свое ты всегда возьмешь, - не моргнув, ответила Зойка.

По-моему, она забалдела от своего поступления, так как была девушкой целеустремленной и напористой в своих желаниях.

- Вы куда, девочки, направляетесь? - поинтересовалась Зойка, обнимая нас с Галей обеих сразу.

- Просто гуляем, - сказала я.

- Возьмите меня, я давно просто так не гуляла!

С Зойкой мы сразу стали приметной компанией. Прохожие лупили на нас глаза.

- Девочки, у нас у всех счастливые перемены. У Гали - жених, у Сони - ноги, у меня - поступление, - говорила Зойка. - Давайте это отметим. Я угощаю.

Зойка показала кивком на угловую кафешку-забегаловку на противоположной стороне улицы.

- Я не пойду, меня, наверно, дома хватились, я ушла, никому не сказала, - стала отговариваться Галя, упорно не доверявшая Зойке.

- Пойдем, - сказала я ей. - Все какое-то разнообразие!

- Хватит с меня разнообразий, - буркнула Галя.

- Вы что, девчонки, меня боитесь? - вмешалась Зойка.

- Да расслабьтесь вы, я по-честному с вами. Хочется мне погудеть со старыми подружками, сделать приятное вам и себе. Поверьте, девочки!

- Поверим? - глянула я на Галю.

- А ты веришь? - спросила она.

- Верю.

- Я не очень, но ладно уж, рискну, - сдалась она.

- Какие вы заторможенные, - качнула серьгами Зойка и повела нас через улицу.

Угощать Зойка принялась на широкую ногу. Она потребовала всего самого интересного, что было в кафешке. Мы взяли по полуторной порции мороженого с орехами, разного типа пирожных, по четыре штуки на каждого, большую бутылку шипучей воды и по плитке шоколада. Круглый белый столик в углу небольшого зальца был заставлен полностью. Галя потрясенно пялилась на это изобилие вкусных вещей. Я, наверно, выглядела не лучше. Мы обе с ней задичали, оттого что давно не бывали на людях. Зойка откровенно забавлялась нашей забитостью и держалась с нами, как дама-патронесса с неразвитыми воспитанницами.

- Галя, ты у нас невеста, тебе надо сменить прическу, - не одобрила она Галину лохматую косичку.

- Мне так удобно. Встал, заплел и горя не знаешь, - отозвалась Галя, склонившись над мороженым. Зойка подняла брови:

- Самое удобное - халат и тапочки. Надеюсь, до них ты еще не дошла?

Галя устала на нее ирисковые глаза, подумала - и засмеялась:

- А правда, самое удобное!

Ну, точно, совсем обабилась возле своего жениха.

- Отсюда зайдем в парикмахерскую и сделаем тебе прическу, - решительно заявила Зойка.

- Зачем это? - насторожилась Галя и подозрительно огляделась.

Зойка поняла ее опасение и усмехнулась.

- Не бойся, это не для кого-то, это для тебя, чтобы быть красивой и нравиться жениху.

- Я и так ему нравлюсь.

- Чувства надо стимулировать, а то угаснут.

Галя схватила рукой косичку, словно защищая ее.

- Стричься я не дамся.

- Никто не собирается тебя стричь. Закрутим спиралью, будешь у нас в локонах.

Разобравшись с Галей, Зойка повернулась ко мне.

- А тебе, Соня, надо носить сережки. Не такие, как у меня, - она качнула колесами, подвешенными на тонкой цепочке, - гораздо скромнее, чтобы они выглядывали из-за твоих волос, как потаенный лесной цветок.

Я потрогала свои мочки. Уже год я не носила сережек и совсем отвыкла от них.

- Почему потаенный? - спросила я.

- Это твой стиль, Хромоножка. Ты будешь притягивать тайной.

- Одного я уже притянула, - горько заметила я.

- Зато второй притянулся сам, - с намеком сказала Зойка - и тут пришла моя очередь пугливо оглядываться.

- Да не трусьте, девчонки, никто за нами не подглядывает, - успокоила Зойка.

На всякий случай я обежала взглядом маленькое помещение, глянула на раскрытую дверь, в окна. Фомки вроде как не было, но от него все можно ждать.

- Соня, - обратилась ко мне Зойка, - ты у нас во дворе все знаешь, скажи, кто такая была Матильда?

- Матильда Браницкая, - сказала я.

- Моя родственница? - удивилась Зойка.

- Наверно, прабабка.

- Фу, какое старье. И помнят же! Кто она была такая?

- Певичка в ресторане Сумских.

- У Сумских был ресторан?

- Да, в нашем доме.

- А еще что ты про нее знаешь?

- Ну, она была любовницей старого Сумского.

- Сумские, выходит, на роду мне написаны, - подумав, усмехнулась Зойка. - А почему старуха с таким ужасом ее имя произносила?

- У Сумских считалось, что Матильда их разорила.

- Она стала богатой?
- Нет, ее саму муж разорил, а потом убил.
- Во, страсти! И что же, я на нее похожа?
- Прабабушка Гали говорила, что да.
- Моя прабабушка? - удивилась Галя. - А мне она ничего такого не говорила.
- Тебе было неинтересно, - сказала я.
- Мне и сейчас неинтересно, - сказала Галя, набивая рот пирожным и запивая водой.

Зойка наклонилась ко мне и зашептала:
- Старуха все время твердила Игорю: «Прогони Матильку, прогони Матильку» - и указывала на меня. А когда ее увозили, помнишь, тоже Матилькой меня назвала. Игорь стал такой сентиментальный. Над ее гробом рыдал, как мальчишка. Сейчас квартиру отделявает, чуть ли не жить там собирается... Моя прабабка, говоришь, там пела? - Зойкино лицо исказила гримаса отвращения. - Ни за что туда не пойду, ни под каким видом!

Из кафе мы пошли в парикмахерскую, где у Зойки были знакомые мастерицы. Галю тут же усадили в кресло делать спиральную химку. Пока ее накручивали и сушили, мы с Зойкой вышли купить для Гали заколку. По пути Зойка затянула меня в ювелирный магазин.

- Вот какие сережки тебе нужны, - показала она на серебряные стрелки ландыша с нефритовыми каплями ягод. - Нравятся?

- Нравятся, - кивнула я.
- Возьмем? - предложила Зойка.
- Я скажу папе, он купит.
- Папа - это одно, а я - другое. Будешь носить и меня по-хорошему помнить, - заявила Зойка. Она потребовала выписать чек, оплатила его и тут же, в магазине, надела на меня обнову.

Сережки были привинчивающимися. Они под косым углом легли на ухо. Нефритовые ягодки на тоненьком стебле нежно выглядывали из-под серебряного купола листочка.

Зойка напустила мне волосы на уши и, глядя вместе со мной в зеркало, проговорила:

- Закрыто.
Затем резким движением отняла волосы от уха:
- Открыто! Загадка, правда? Тайна. Иногда лучше ее не открывать, - прибавила она совсем другим тоном.

Я поняла, что она имеет в виду, и глаза мои, как пули, нацелились на подругу.

- Ты поэтому мне сережки купила?
- И поэтому тоже, - не смутилась Зойка.
- Представляешь, как я буду тебя помнить? - буравила я Зойку взглядом.

Зойка взяла меня под локоть, вывела из магазина и на улице тихо сказала:

- После бабкиной смерти Игорь помешался на родословной. Так и выискивает, кто были его предки. Если тебя спросит, ничего плохого о моих предках не говори.

- Я и так не скажу, - сказала я, принимаясь отвинчивать серьги.

- Погоди, - остановила меня Зойка. - Я, правда, от чистого сердца. А это довеском. Уж такая я есть, принимай без базара. За деньги не беспокойся. Для меня это - тьфу! Больше проматываю. Моя печаль - Игорь. Я все еще от него тащусь.

- Сказала бы, что любишь, - усмехнулась я.
- Может, и так... Сколько богатеньких клинутся - а я возле него парюсь. - Это прозвучало как жалоба.

- А говорила: «Чувства - для убогих», - напомнила я.
- А то нет? - Зойка навела на меня дымчатые глаза.
- Нормально, что ли, присыхать к одному, когда их вон сколько!

Галю завилы, как куклу, и вся ее природная милота выступила наружу, ничего не припрятав в запас.

- Смотрите, какая девка! Не девка, а чудо! Не стыдно с такую на люди выйти! - нахваливала ее Зойка.

Галя смотрела на себя в зеркало, как на диво, и не верила, что красотка с кудрявою гривой - это она.

- Вот видишь! - назидательно сказала Зойка. - Столько

на свете возможностей, а ты зациклилась на одной, да еще насмерть стоишь.

Галя конфузилась, не зная, что сказать. Тогда я ответила за нее:

- Зато Гале всегда будет, что открывать!

- Не умничай, Хромоножка, не мешай воспитанию, а то наша скромница жизнь проживет и ничего не увидит, кроме халата и тапочек, - осадила меня Зойка.

Преображенных и осчастливленных, Зойка вывела нас на набережную. Сама она дамой-патронессой выступала в середине. Галя в спиральках и я в сережках прикрывали ее с боков. Галя уже не роптала, что дома ее ищут. Я помалкивала о том, что устала, и только заметнее прихрамывала.

На полукруглой площадке, бастионом глядящей на реку, к нам подскочил бойкий фотограф.

- Девочки, желаете запечатлеться на память?

- Желаем, - за всех ответила Зойка.

Фотограф обрадовался и лихо принялся распоряжаться:

- Девочки, подойдем к клумбе и станем спиной к памятнику.

- Мы не хотим к памятнику, разверните нас на простор, - скомандовала Зойка.

Фотограф то ли буквально понял ее слова, то ли сам вдохновился, только он отыскал такое место, с которого за нами выстилалась лишь перспектива реки и сливавшегося с нею неба. Вдобавок фотограф присел перед нами на корточки - так, что наши фигуры вписались в голубую сферу и за каждой из нас оказалось столько простора, сколько можно себе пожелать.

Мне нравится разглядывать этот снимок. На нем мы, как ветром, овеяны безмятежной и свежей радостью на виду бескрайнего простора возможностей. Да еще Зойка нас подзадорила, сказав:

- Улыбнемся для истории, девочки!

Мы от души раскололись - и птичка вылетела.

Анатолий Левской

Анатолий Левской из села Константиновка - ровесник героев повести Галины Беляничевой. И поскольку на странице нашлось место, мы решили напечатать здесь его коротенькое стихотворение. В чем-то оно этой повести созвучно (или, выражаясь по-ученому, - конгениально). И так...

* * *

В любое время, в любую погоду,
Где бы я ни был, куда бы ни шел,
Всегда я готов набить себе морду
За то, что тебя до сих пор не нашел.

Светлана Борзунова

Светлана Борзунова родилась в Томске, окончила там университет, работала журналистом. В Благовещенске живет с 1986 года. Амурцам ее стихи сразу понравились. А врач, он же композитор, Сергей Зражевский написал на ее тексты несколько песен и сейчас, заделавшись американцем, поет Светланины стихи эмигрантам в Сиэтле - врачует их от ностальгии (или наоборот?).

Светлана работает заместителем главного редактора «Амурской правды». Она автор четырех стихотворных сборников, лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихов «Пока еще люблю», член Союза писателей России.

Неестественный отбор:
газик врезался в забор.
В чистом поле выпал снег -
заблудился человек.
Этот спился, этот сдал,
тот от поезда отстал.
Через горе и беду
в одиночестве бреду.

Слава Богу, не под забором,
слава Богу, в своей постели
ты ушел. Над Амурским хором
тихо ангелы пролетели.
И роняли из крыльев перья
на баян твой, на душу живу,
на жену в слезах, на неверье,
на привычную страсть наживы.
Провожали тебя роскошно.
Обещали любить и помнить.
И простили - что невозможно.
Ты давно всех прости и понял.

Провожаем, провожаем, провожаем
близких сердцу до последнего предела.
Уплывают, улетают, уезжают
белым облаком по небу, сизым снегом.
Простирай - не простирай в бессилье руки,
краток век наш на земле и быстротечен.
На печали неминуемой разлуки
обрекли нас всех в минуты первой встречи.
Но когда у нас ночами, безутешных,
от отчаянья и горя едет крыша,
возвращаются друзья из тьмы кромешной,
нас прощают, и ответственуют, и слышат.

Лето - синим, осень - алым,
а зима - белым-бела.
Я не очень опоздала,
я под занавес пришла.
Было небо дымно-мглистым.
Но уверенно и в срок
мне усталые статисты
доиграли эпилог.
Выл злорадно ветер лютый,
так, что кругом голова.
И суфлер бесстыдно спутал
предпоследние слова.

«Мальчик мой!» - «Моя девочка!» Боже,
каждый каждому мать и отец.
От любовной до гибельной дрожи
трепетание слабых сердец.
Мы пойдем за последним порогом,
приоткроется истины дверь:
мы бессмертны пред миром и Богом.
Мальчик мой, ты, пожалуйста, верь...

Друг к другу жмемся в поисках тепла.
Разбито сердце и душа на части.
«Я так тебя любил». - «Я так ждала».
Обнимемся, коллеги по несчастью.
И вот, отжив, отплакав, отлюбя,
в последнем беспощадном откровенье:
«Я не тебя любила, а себя».
«Я не тебя хотел, а воплощенья».

Ты, мое сокровище,
на блесну не ловишься.
Сазаном в кукан, фазаном в капкан,
беляком в петлю,
в «я тебя люблю».

А черемуха цвела
наизнос, навзрыд, дотла.
А с черемухой всегда
приходили холода.
После ягоды взялись.
А потом иссякла жизнь.

Опять ко мне пришел во сне.
Спасибо, не ждала.
Тебе (во сне приснилось мне)
я сына родила.
От слез, от утренней зари
я родила, любя.
Я ликовала: посмотри,
глаза, как у тебя.
Твой подбородок, нос и рот,
но главное - глаза.
«Да он не плачет, он поет!» -
ты мне во сне сказал.
И вифлеемская звезда
горела, словно кровь.
И утекала в никуда
бесплодная любовь.

По ночам золотые искры
осыпались с лампы настольной.
Приходили черные кошки
и царапали очень больно.
И любовь расплывалась дымом,
и судьба расплывалась кровью,
и мечта проплывала мимо,
и стояла смерть наготове.
В этом призрачном зыбком свете,
в этом холоде беспощадном
тосковала душа о лете,
о тепле его, знойном, жадном.
Распадалась душа на части.
И метель за окошком пела.
...Кот был чистым, ангорской масти
и бесстыдно, бесстыдно белым.

* * *

Девять муз вприскачку - в круг!
С ними - вскачь! - вчерашний друг
прыгал, дергался, шнырял -
где он душу потерял?
Умолял меня вернуть
им утраченную суть.
Я б, конечно, отдала,
но не я ее взяла.
И копытом между глаз
нас обоих бил Пегас.

* * *

Ты вернешься, куда ты денешься,
из Америк и из Канад.
В небесах неразменной денежкой
завитинская (блин!) луна.
Манит грязь наша непролазная,
наши нищие города.
Мы с тобою еще отпразднуем
возвращенье твое сюда.

* * *

Грядущего счастья предтечи
мелькали среди лютой зимы.
И все намекали на встречу,
которой не чаяли мы.
Весна невзначай напевала
беспечный и юный мотив.
И жизнь начиналась сначала,
хотим ли того, не спросив.
Апреля веселые тайны
звенели - ясны и чисты.
И в каждом прохожем случайном
мне явственно виделся ты.

* * *

Километры от бессонниц до бессонниц.
Сердце бьется тяжело и неустанно.
Чем сильнее гудит тоска, тем непреклонней
бьет тайфун в тугие скулы океана.
То-то волны разгулялись свыше меры -
это я тебя сквозь полночь окликаю.
Молча встанут на пороге Кордильеры
и тоску мою к тебе не допускают.
Оттого что мне ночами одиноко,
в срок - зимою - задувают беспощадно
к вам на Запад ветры с Дальнего Востока
и весною возвращаются обратно.

* * *

Притвориться спящим, притвориться,
что иссякли зрение и слух.
Не слышать, как кличет где-то птица.
Что за птица? Господи, петух!
И вульгарно, радостно и живо
пусть петух споет: кукареку!
Жизни неистраченной порывы
поразгонят мелкую тоску.
Пусть споет - задорно и красиво,
предвещая радостный рассвет.
Дети вымирающей России
пения его не слышат, нет.

* * *

Учусь стареть. Не слишком-то выходит.
Сдвигает прочь с обочин молодежь.
Но встать и крикнуть при честном народе:
я жив еще! Я молод! Это ложь,
что я иссяк, измучен, исписался.
О, я еще могу! А что могу?
Последнюю строку ненужных стансов
недописать на тающем снегу.

* * *

Почему же, можно и начать
все сначала - Швеция, Канада...
Кто сказал, что Родина - нам мать?

Мачеха!

Танцуем до упада.
Нелегко разворовать леса
и озера, также реки, горы.
Это чьи там реют паруса?
Пращуров?
Танцуем до упора.
И - под клекот, лязганье и свист -
мы - вприпрыжку пляшем, резво, споро.
Это кто так верил в коммунизм?
Всем привет!
Стреляем до упора.

* * *

Артисты ни при чем. Они извечно нищи.
Изношенный костюм да рваный балаган.
России не впервой брести по пепелищу,
Показывая всем изорванный карман.
Мы клоуны. Алле! Танцуем на манеже
зевакам напоказ. Парам-парам-парам!
А где-то лист ветлы
очнется юный, свежий,
и тихо шлет привет непознанным мирам.

* * *

Коснется души аромат хризантем -
ноябрьского снега волнующий запах.
Привет из минувшего, весточка к тем,
кто в небо ушел в черных лентах из крапа.
За пазухой прячу от снега цветы.
В автобусе тряска, и холод, и мука.
Над всем этим бредом мне видишься ты -
мое незабвение, страсть и разлука.
Ужели не встретимся? Право, смешно
в бессмертии плакать о смертном апреле.
Из вечности лютой проявится дно
той чаши, что в жизни допить не успели...

* * *

Чудесный день - забава и судьба.
Букет цветов и плитка шоколада.
Письмо любви - но от кого не надо
и треск патриотических рубах.
Пора, пожалуй, с вилами к Кремлю.
Кошель мой пуст - в нем денег нет на вилы.
Люблю того, кого всегда любила.
И я останусь с тем, кого люблю.

* * *

Полувесна, полужима.
Я с детства не любила март.
Захлестывало разум.
На жухлых травах иней сед.
И проявлялся темный след
на всех дорогах сразу.

Тянуло к мелу и углю.
Я говорила: я люблю.
Ты говорил: не надо.
Оставим глупую игру.
Я говорила: я умру.
Ты говорил: не надо.

Весны последнюю метель
я воплощала в акварель,
любви своей приметю.
Потом и лето отцвело.
И жизнь прошла, и все прошло.
Да полно, было ль это?

Упало яблоко в траву.
Я умерла, а все живу.
И все что было - было.
И всякий август, всякий март
поет в душе моей азарт:
люблю! люблю! ...любила?

Виктор Рыльский

Виктор Рыльский родился в 1949 году в Митьковском тупике. Но не подумайте, что это какая-то ужасная дыра: Митьковский тупик, слава Создателю, находится не где-нибудь, а в Москве. Хотя, если честно, живет Виктор с малых лет в Амурской области. Но ничего - закончил пединститут в Благовещенске, работает на областном радио. Автор двух книг прозы - и третью, небось, замышляет. Член Союза российских писателей.

Рассказы

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Как на той стороне пашут и боронят,

А на этой стороне плачут и хоронят.

Из устного народного творчества.

Вот и девятый день с похорон прошел, а я все еще оставался в родительском доме. Хотелось не то чтобы собраться с мыслями, а побыть одному после оглушающей, но до конца еще не осознанной, не прочувствованной потери матери моей. Бедной, безропотной, измученной жизнью. Жизнь все никак не хотела ее отпускать... Уже утратила она сознание, перестала есть-пить, говорить, открывать глаза, а сердце ее билось еще десять дней.

Великое ее терпение и медленный, мучительный переход в иное состояние... Она не успела сказать близким ничего такого, что запомнилось бы на всю жизнь и передавалось из поколения в поколение, сделать распоряжение, от исполнения которого изменилась бы чья-то судьба. Наверно, она этого и не умела.

Я остался один. На дворе стоял август, конец месяца, самый хлопотный период для моей мамы. Пока ноги держали ее, она все кормила, поила, солила, заготовливала, собирала припасы на зиму, чтобы хватило на многих. Из этих запасов оставалась добрая половина. Ее хозяйство напоминало крохотное сельскохозяйственное предприятие, с той лишь разницей, что в колхозе половина урожая оставалась в поле, здесь же убиралось все, так что хватало и на корм скоту. Теперь здесь ничто не напоминало о былой круговерти жизни. Ни звука, кроме воробьиного чириканья, не раздавалось из многочисленных стаяк и сарайчиков, построенных отчимом, пустынным стал двор. Куры, которые не пошли на поминальную закуску, были пока отданы соседям, которые посоветовали не оставлять их без надзора: лихие люди брали все, что плохо и хорошо лежит. Корову, когда слегла хозяйка, свели в колхозное стадо. Она давала летом до тридцати литров молока в день - в пять раз больше коров общественного стада, но ее пустили под нож как не приспособленную для машинного доения.

Оставались дом, надворные постройки, огород, обработанный чужими людьми. А вдалеке от всего этого, на окраине села, - нашла последний приют хозяйка под небольшим могильным холмиком, рядом с мужем-хозяином.

В день девятин на неторопливых поминках были подружки мамы, некоторые старше ее возрастом. Я узнавал их, и удивительно было, что после многолетней изнурительной работы на фермах, потери мужей на войне, покинутые собственными детьми, они были еще в полном здравии, вели хозяйство, не хоронили себя раньше времени, а терпеливо ждали своего часа. Одни только женщины. В нашей деревне было всего два мужика годами за восемьдесят. Как проскочили критический рубеж бытия, так и жили, забытые Богом, но не забытые сыновьями, которые аккуратно приезжали к старикам в день пенсии. Правда, свои коррективы в этот процесс вносили государ-

ственные органы, нещадно задерживая выдачу скудных пособий.

...Видеть никого не хотелось, обсуждать какие-то проблемы тем более. Осталось проститься с родной деревней, домом и двором, где вырос и откуда ушел навсегда. Навсегда?.. Я часто уходил отсюда. Учиться, служить в армии, работать. Всякий раз думалось - навсегда, но что-то держало. Может, потому, что привели сюда мою мать извилистые дороги ее жизни. А начались эти дороги в краях, именуемых ныне Центральной черноземной зоной, в маленькой деревеньке, сплошь состоявшей из жителей с нашей громкой фамилией, упомянутой еще в «Слове о полку Игореве». Собственно, фамилий тогда еще не было, а была привязка к древнему и исконно русскому географическому названию. Среди тех, кто вместе с самолюбивым и дерзким князем бросил войско на неминуемую гибель навстречу половцам, был его родной дядя Всеслав Р.

Из тех мест уходила на войну моя мама - тоненькая, хрупкая, с едва слышным голосом. Шла она не против половцев, а против немцев и финнов. За финна ей суждено было после войны выйти замуж, родить ребенка, жить у его родителей, ни слова не понимавших по-русски, потерять мужа на необозримых просторах России, скрывать происхождение сына, так как связь с иностранцами сурово каралась по тогдашним законам, дать сыну свою знаменитую фамилию, которую в последующем он так и не прославил.

Родившись в глубине России, побывав у хладных финских скал, мама совершила головокружительный прыжок на восточную окраину страны, если считать прыжком томительное движение поезда-товарняка с переселенцами.

Здесь она как села под корову, так и просидела в наклон от свистка до свистка тридцать лет. А встав и оглядевшись, увидела, что жизнь прошла. Но и это ее не озадачило. Как хорошо отлаженный механизм, она продолжала жить в повседневном ритме, пока ее не уложила болезнь, это проклятие века. И жизнь свою она не считала чем-то вроде пустого длинного сарая.

Я лежал на железной кровати с панцирной сеткой, которую отчим когда-то называл «варшавской» и которую я мял своей гулкой спиной еще в детстве. Свет не зажигал. В доме стояла тишина, к которой привыкнуть было невозможно, потому что память детства вставляла в нее деревенские звуки - то гусь гагакнет, то курица испуганно хлопнет крыльями, валясь с насеста, то петух опробует мелодичность голоса. А теперь вот - тишина. И в этой тишине мне стали мниться какие-то голоса, комнатные звуки - вздохи, бормотание, осторожные шаги. И сознание, отягощенное грустными воспоминаниями, стало зыбко проваливаться в полуявь-полудрему. ...Вот кто-то наклонился надо мной и сказал тихим голосом: «Саша, пойдем». Я встал и пошел за почти невидимой женщиной, и только холодок от ее едва уловимого, неслышного движения указывал мне путь. Миновали темный коридор, выш-

ли на крыльцо. Августовская ночь темна, зябко, тихо... Вытянув вслепую руки, я двинулся было к воротам, но тут моя проводница исчезла, а появились вполне осязаемые и слышимые друзья детства - Володя и Гена. Полночи они занимались сварочными работами, выполняя чей-то заказ, получили за это литр самогона и пришли ко мне выразить сочувствие, помянуть доброго человека.

Так, во второй половине ночи, вернулась реальная жизнь с ее проблемами и заботами. Друзья детства, ныне мужики за сорок, выпивая, мрачнели, вспоминали, ругали порядки, поправляя друг друга (не за тем пришли, извини), снова пили незрелый самогон с тошнотворным сивушным вкусом, бранили изготовительницу Вальку.

- У нас в деревне, Сашка, двадцать дураков.

- А кто считал?

- Экономист. Она у нас головастая, все подсчитала. Кто дурак с детства, кто заделался таким по ходу пьесы. А вот у Катьки крыша поехала. Все из дома раздает - сахар, мед, муку. Говорит - неправильно живем. Ее слушаешь - у самого мозги набекрень. То крест на могиле не так стоит, то Богородица не с той стороны младенца Иисуса держит, то не та корова впереди стада идет...

- Деревня без дурака не деревня, но чтобы двадцать - это перебор.

- Ну не совсем дураки, конечно. Кто под дурака молотит, кого по пьянке таким сделали, кто химии надышался. У нас, когда борьба за высокие урожаи пошла, самолеты, как в войну, пикировали, посыпали и поливали поля с утра до ночи каждое лето. Грузили яды вручную, без масок, респираторов, ну и...

Пока не кончился самогон, спорили о демографии родной деревни. Всех придурков Генка и Вовка перечислили поименно, потом дураков по жизни - в смысле «кто не хитрый, тот дурак». Таких оказалось немного. Деревня хотела жить и жила, как могла, что при советской власти, что теперь - с тихим уходом - огородом, хозяйством, воровским промыслом из оскудевших закров товарищества, бывшего колхоза.

Разошлись под утро, но не на работу, которая дураков любит, а на предмет опохмелиться.

А через какое-то время в дверь осторожно постучали. Это был Петро - сосед через три дома, по фамилии Махно. Родом он был с Украины, а имел ли отношение к знаменитому анархисту Нестору Ивановичу, предводителю крестьян, первому, кто установил пулемет на тачанку, предстояло еще выяснить. Сперва надо было угостить соседа - он помогал маме, когда она была жива. Помог и в скорбные дни. Вот и теперь зашел спросить - не помочь ли чем. Ну чем можно помочь не обремененному хозяйством человеку? Поставил на стол бутылку, оставшиеся после поминок закуски.

Вскоре подошли и Генка с Вовкой. Жизнь стала возвращаться на свои суетные рельсы.

Потом Петро повел меня знакомить с семьей. Мы круто качались, но не падали, потому что перебирали штатетины руками, двигаясь в сторону его дома. Благо, забор был сплошной почти по всей деревне, прерываясь лишь переулками.

Дом Петра выглядел, как после налета его лихого однофамильца. Окна, при полном отсутствии стекол, были заделаны полиэтиленовой пленкой, забор наполовину завален, сараи без дверей, двор пуст.

- У нас, кроме котов, никто не выживает, - пояснил Петро. - Корова не доится, поросята дохнут. Сглаз, короче. Говорят, дело рук Сепетихи. У меня из хозяйства только то, что в штанах.

Мне почему-то вспомнился газетный текст: «Потом он повел гостей показывать свое хозяйство».

- А как живете без хозяйства? - спросил я, не придумав ничего умнее.

- Да так, - неопределенно махнул рукой Петро. - С голоду не пухнем.

Мы прикупили у местной торговли литр водки и стали пить за все хорошее, потому как хорошего было мало.

Петро рассказал, как стал жертвой интриги. Решив

стать бережливым человеком, он большими буквами подписал своей фамилией мешки, но поскольку класть в них было нечего, стал давать их напрокат более зажиточным крестьянам. А тут на свиноферме случилась кража поросят. На месте преступления обнаружили эти самые надписанные мешки. Участковый, впервые за многие годы безудержного всеобщего воровства, провел блистательную операцию по задержанию преступника. Петра продержали сколько-то в изоляторе временного содержания, но отпустили за недостатком улик.

После знакомства с «хозяйством» Петра и его горестным рассказом меня под руки отвели домой, и я не помню, как уснул.

И был вечер, и было утро.

Утром пришел из колхозной конторы порученец председателя - посыльный, как его здесь называли. Он был тоже из числа вошедших в двадцатку, по определению Генки и Вовки, представителей славного племени земляков, живущих в другом измерении. Он велел мне идти к «самому».

В тот день приехали на двух джипах японского производства представители общества слепых. Председателя общества сопровождали вполне зрячие лица кавказской национальности и личный телохранитель-референт. Они приехали получить долг с колхозного председателя за поставку горючего весной на посевную.

В колхозе денег не было, разговор мог зайти в тупик, а я был лично знаком с председателем общества слепых и мог, по разумению председателя колхоза, помочь смягчить переговоры.

Мы сердечно обнялись с обоими председателями, прошли в кабинет, и началась малопонятная для меня процедура выяснения, у кого что есть и что можно взять взамен денег.

Неторопливо назывались цифры надоев, привесов, урожайности культур, как на обычной колхозной планерке. Все это пересчитывалось на калькуляторе, называлась сумма, следовали короткое обсуждение и вывод - годится или нет. Председатель колхоза жаловался на невыносимую жизнь, непомерные налоги, поборы, отключения электроэнергии на зерновых дворах в разгар уборки. Тракторы поломаны, коровы не доятся...

Председатель общества слепых в ответ жаловался на то же самое - производство стало, государство бросило на произвол, приходится крутиться самим, кредиторы наезжают, без охраны не выйти в туалет...

Переговоры тем не менее завершились к общему согласию. Одна сторона попросила подождать, продиктовав ассортимент предлагаемого товарного продукта, другая согласилась подождать, но назначила жесткие сроки. Своей роли в этих переговорах я так и не уяснил.

Потом нас повели в колхозную столовую, где от обилия закусок разбегались глаза. Раньше в колхозах тоже хорошо гуляли, но в наше невыносимое время, как любят говорить руководители всех рангов, за исключением президента, на столе были морские и речные деликатесы - балык, теша, мясо трубача, гребешки, икра черная и красная, а еще мясные закуски, колбасы (колхоз имел собственный завод) и сыры местного производства.

По пути в компанию влились руководители района, председатели соседних колхозов и бывший депутат Государственной Думы. Ныне он возглавлял таежный район, а в наш степной приехал что-то выколачивать.

Кавказские парни, сопровождавшие руководство общества слепых, оказались армянами и азербайджанцами. Они покинули свой край во время вооруженного конфликта. Мир никак не брал руководителей их стран, а эти парни отлично уживались на нейтральной территории и участвовали в совместных акциях по части одурачивания «большого брата». Бывший народный депутат работал в думском комитете по делам национальностей и немало интересного рассказал о запутанном кавказском узле, постоянно апеллируя к представителям Армении и Азербайджана.

Слепой председатель жаловался на жизнь, зрячий - на

судьбу. Глава района молчал, видимо, крепко принял раньше. Его тоже обидела судьба. По приказу партии он пошел на выборы, неожиданно для всех победил и теперь мучился. Обхватив голову руками, он закатывал глаза, изредка издавая полустон-полупесню.

После витиеватых тостов слово предоставили мне. Я тоже сказал что-то замысловатое - если, мол, незрячие помогают зрячим, не все ладно в нашем отечестве.

За столом среди прочих сидела ладная украинка, у которой муж год назад отправился на историческую родину зарабатывать гривны, а теперь слал телеграммы - просил рубли на обратную дорогу. Но хозяйка не спешила с переводом. «Хай живе и пасеться на ридний Украйни».

За столом среди представителей братских народов она чувствовала себя вполне уютно, отвечала на ухаживания, отдавая предпочтение «колгоспному голове». Но тот не особо жаловал ее вниманием, давая понять, что она и так никуда не денется.

Так, потихоньку набираясь, мы сидели еще долго. Куда-то по срочным делам уезжали и возвращались гости, подходили новые. Неизменным оставался руководящий состав.

Потом провожали дальних гостей. Простившись с дальними, провожали ближних. И продолжали в тесном кругу.

...Проснулся я от звуков непонятной речи. Открыв глаза, повернул голову к говорящим и обалдел. На соседней кровати сидели и шептались восточные, точнее - юго-восточные люди. Увидев, что я очнулся, они заулыбались, и кивали головами, уважительно называя меня «капитана». За несколько дней до приезда в деревню я вернулся из командировки в Китай, где провел почти все лето, и сейчас мозговые извилины со скрежетом перемалывали информацию: либо все это мне снится, начиная с похорон мамы, либо я опять попал в Китай. Но как?

- Вы кто? - спросил я радостно улыбавшихся соседей.

Один стремительно подскочил и умчался. Через минуту вернулся с человеком, который назвался переводчиком Володей и стал объяснять ситуацию. Оказалось, что мы с «большим» капитаном пришли к ним в гости, а я захворал и лег спать. Находимся мы в родном селе, а не в Китае, о они вообще корейцы, приехали сюда выращивать овощи.

Я поблагодарил приверженцев идей чучхе за прием и был доставлен автомобилем председателя в родной дом.

Желание побыть одному никак не осуществлялось. Пришлось заниматься оформлением документов, ездить в районный центр и обратно за очередной справкой в сельсовет или контору.

По деревне слухи распространяются быстро, и я стал ловить на себе любопытные взгляды. По-видимому, нетрезвые похождения и неожиданные ситуации, в которых

я оказывался, становились достоянием общественности и активно обсуждались. Жить становилось неуютно. Каждый день приходилось закладывать за воротник по самым различным причинам. Отказаться не было сил - слишком долго не был я в родном селе, и горьким было прощание с ним.

Иногда я, каюсь, думал, что не такое уж оно мне и родное. Приехал сюда восьмилетним. Раннее детство, когда закладываются основы характера, прошло на Западе. Вначале были нерусские дедушка и бабушка. Впрочем, в младенческом возрасте я мог принимать любой язык. Потом были русские дедушка и бабушка, которые многословием не отличались. Бабушка умерла, когда мне было четыре года. Хорошо помню, как на грузовик поставили гроб и он медленно поехал в сторону погоста. Нас с двоюродным братом взяли в кузов, что стало причиной восторга. В таком возрасте чувство утраты незнакомо.

Дедушка умер, когда я служил в армии на Дальнем Востоке. Проводить его в последний путь я не мог - нужен был документ, подтверждающий, что он меня воспитывал, а такого документа не оказалось. От дедушки остались редкие фотографии и рассказы о первой мировой войне. В самом ее начале он оказался со своим полком в окружении, попал в плен, был вывезен в Австрию, где работал у крепкого хозяина, заимствуя у него приемы ведения хозяйства. О пребывании на чужбине он сохранил самые теплые воспоминания и был отправлен на родину в 1918 году.

Австрийский плен аукнулся ему дважды. Во время коллективизации, когда его раскулачили и сослали в Сибирь, а потом в 37-м, когда посадили как немецкого шпиона. Но он выжил, а после смерти Сталина вернулся в родную деревню Младоть.

Здесь, на новой родине, могилы близких мне людей появились совсем недавно. Сперва - отчим, и вот - мама...

Сон опять не шел, и я уже не знал, куда деваться от ночных видений, шорохов, шагов и разговоров с самим собой. В окно заглядывала луна - спутница и пособие начинающих поэтов и сумасшедших, что, впрочем, одно и то же.

...Хлопнула калитка. На крыльце послышались чьи-то уверенные шаги. Открылась дверь. Я поднял голову, почему-то зная, что надо собираться. При свете луны блеснули зеркальные очки. Мы сели в машину. Место за рулем занял гость. Машина резко, так что колеса провернулись по гравию, вылетела на дорогу и мгновенно набрала скорость. Мы мчались в упоении этой скоростью. Ночь пьянила, легкая вибрация передавалась всему телу. Водитель утопил педаль газа до самого пола. Я знал, что по дороге нам встретится разобранный мост, что надо резко повернуть влево, но ничего не успел сказать. Машина взлетела над разобранными пролетами моста. Слепой водитель плохо знал наши дороги...

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЗЯТЬ

Сергей Иванович Щеголев получил письмо от дочери из Италии, в котором она сообщала, что едет с мужем домой в гости к родителям. История с Италией случилась лет десять назад, когда способная девчонка, еще в школе подававшая большие надежды в химии, легко поступила на химико-технологический факультет МГУ. Там, на третьем курсе, она слюбилась с итальянцем, вышла за него замуж и отправилась в Италию. Теперь решила познакомиться мужа с родиной ее предков.

Тесть, обезумев от предстоящих забот, отпросился на неделю с работы, но постоянно мотался в депо советоваться с мужиками насчет предстоящей встречи: что подавать, что наливать, какую культурную программу предложить гостю.

Не выпустило из внимания приезд итальянца и мест-

ное отделение УКГБ. Там Щеголева проинструктировали, какие вести разговоры, на что напирать, от чего незастойливо уклоняться. Никакой политики: фашисты-коммунисты, Муссолини-Тольятти... Можно об искусстве: Феллини, Антониони, де Сика...

- Де чего? - спросил изумленный Сергей Иванович.

- Де Сика, режиссер такой, прогрессивный. А впрочем, на кой вам это нужно? Но если, не дай Бог, разговор зайдет о пропускной способности нашей станции, - стоять насмерть.

У всех в памяти были свежи серии итальянского детектива «Спрут» с ловким комиссаром Каттани. Из фильма местные жители, как и все советские люди, делили итальянцев только на две категории: мафия и полиция. К какой части принадлежал зять Сергея Ивановича Фран-

ческо Джелли, предстояло выяснить. По письмам дочери было лишь известно, что он владелец трех винных заводов. Значит, понимает толк в спиртном, а поскольку с приходом перестройки - а речь идет об этом веселом периоде - исчезла водка, то это создавало некоторую сложность в общении между людьми.

Встречать своего экзотического зятя Сергей Иванович приехал на собственном мотоцикле «Ковровец», в каске, треснутой в одной из аварий, но аккуратно стянутой медной проволокой. Товарищ по работе предложил ему свою, более новую, чтобы не было обидно за державу, но не таков был старый деповщик, чтобы пользоваться чужими вещами и втирать очки.

Итальянец с женой, не очень обремененный вещами, легко вышел из вагона, улыбнулся, подал руку всем встречающим, в том числе милиционеру и сотруднику местного отделения УКГБ. Иностранец был худощав, подвижен - не скажешь, что владелец трех винных заводов, - сносно говорил по-русски: сказались обучение в университете и уроки русской жены.

На стол поставили много мясных блюд из диких животных (места эти таежные) - кабан, коза, пельмени. С овощами решили не суетиться: мол, что они там, в Италии, овощей не видели? Среди спиртного - два вида водки, самогон и добытое с большими трудностями вино «Агдам». Начать решили с той, которая похуже, «андроповской». Именем генсека Андропова мужики любовно называли водку с ядовитой зеленой наклейкой, но по цене на целый рубль дешевле других сортов водки. Появилась она во времена нового Генерального, которому мало было отпущено руководить страной, но память о нем осталась. Разве гостю об этом расскажешь? Это же политика...

Так вот, начать решили с «андроповской». Гостю было достаточно ее понюхать, чтобы решительно отставить рюмку. «Это метил, яд, - заявил он. - В Италии за применение его в пищевой промышленности дают длительные сроки заключения или приговаривают к каторжным работам». Гостю предложили «Пшеничную». Он опять понюхал, но не опрокинул содержимое рюмки в рот, а сделал небольшой глоток, покатал водку во рту, закрыв глаза, потом допил и дал хорошую оценку изделию.

Из закусок он воспользовался маслиной, привезенной с собой. Кроме того, им были поставлены на стол колбаса, утрамбованная в цветную бумагу, какие-то баночки-скляночки, макароны, морские продукты.

После некоторого охмеления, хозяин сказал: «Чего уж там, подавай нашу, родимую». Подали самогон, сделанный исключительно по нашей технологии, без применения химикатов. Гость тоже высоко оценил самогон, произведенный в домашних условиях. Выпил несколько рюмок, но дал совет, который потом обсуждался на совете трудового коллектива депо. Итальянец рекомендовал первую партию самогона в пищу не применять, использовать в технических или медицинских целях. Для внутреннего потребления брать исключительно выгонку между первой и последней партией. Тогда напиток будет иметь минимум сивушных масел, при этом сохранит крепость и аромат, то есть букет.

При всем уважении к рекомендациям специалиста мужики посчитали подобную технологию слишком затратной. «Для нас чересчур расточительно использовать в других целях первый и последний выгон. Пусть этим занимаются в Италии».

Итальянец едой не злоупотреблял, тщательно следил за фигурой. Не ел мучного, мясного, картофеля, борщей. Когда его в качестве культурной программы пригласили в единственный в городе ресторан «Узорец», в быту «Ужорец», всей их компании предложили комплексный обед. Гость вежливо отказался от щей, на что официантка, презрительно взглянув на итальянца, сказала вполголоса «чего этот чернож... выламывается», удалилась в подсобку, отказавшись вообще обслуживать стол. Международный скандал удалось замять с помощью незамысловатых фраз типа «Итальяно... комиссар Каттани...». Тогда на итальянца вышли посмотреть все официантки, повара, подсобные рабочие, гардеробщик и директор ресторана.

В культурную программу входило также знакомство с местными достопримечательностями. Франческо Джелли показали бюсты Ворошилова, Блюхера, Шимановского и шесть памятников вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину. Поводили гостя по одноименным улицам, показали гордость города, индустриальный гигант - цементный завод. Гость после осмотра сказал задумчиво: «Здесь, наверное, умные руководители занимаются планировкой города».

Побывали на реке с поэтическим названием Пера, где в районе городского пляжа бултыхались в мутной воде ребятишки.

В программу пребывания гостя хозяева хотели внести знакомство с деревенскими родственниками его жены - где такая тайга, такие озера, такая рыбалка!.. Однако городские власти в лице начальника отделения милиции отказали в поездке, сославшись на особенности пограничной зоны и на то, что для поездки в деревню Малые Козлы Ш... района Франческо Джелли надо было взять разрешение в ближайшем комиссариате полиции на его родине, в Италии. Поездки не состоялось.

...Провожали итальянского гостя его русские родственники и несколько активистов, среди которых был ветеран депо, который, будучи подручным кочегара паровоза, видел последним живого Сергея Лазо, который, по словам этого подручного, ни слезинки не уронил, пребывая в столь неприятной ситуации.

Итальянец вошел в вагон, выглянул в открытое окно, и все увидели слезы на его глазах... «Вот что делает Россия с иностранцами», - думали мужики.

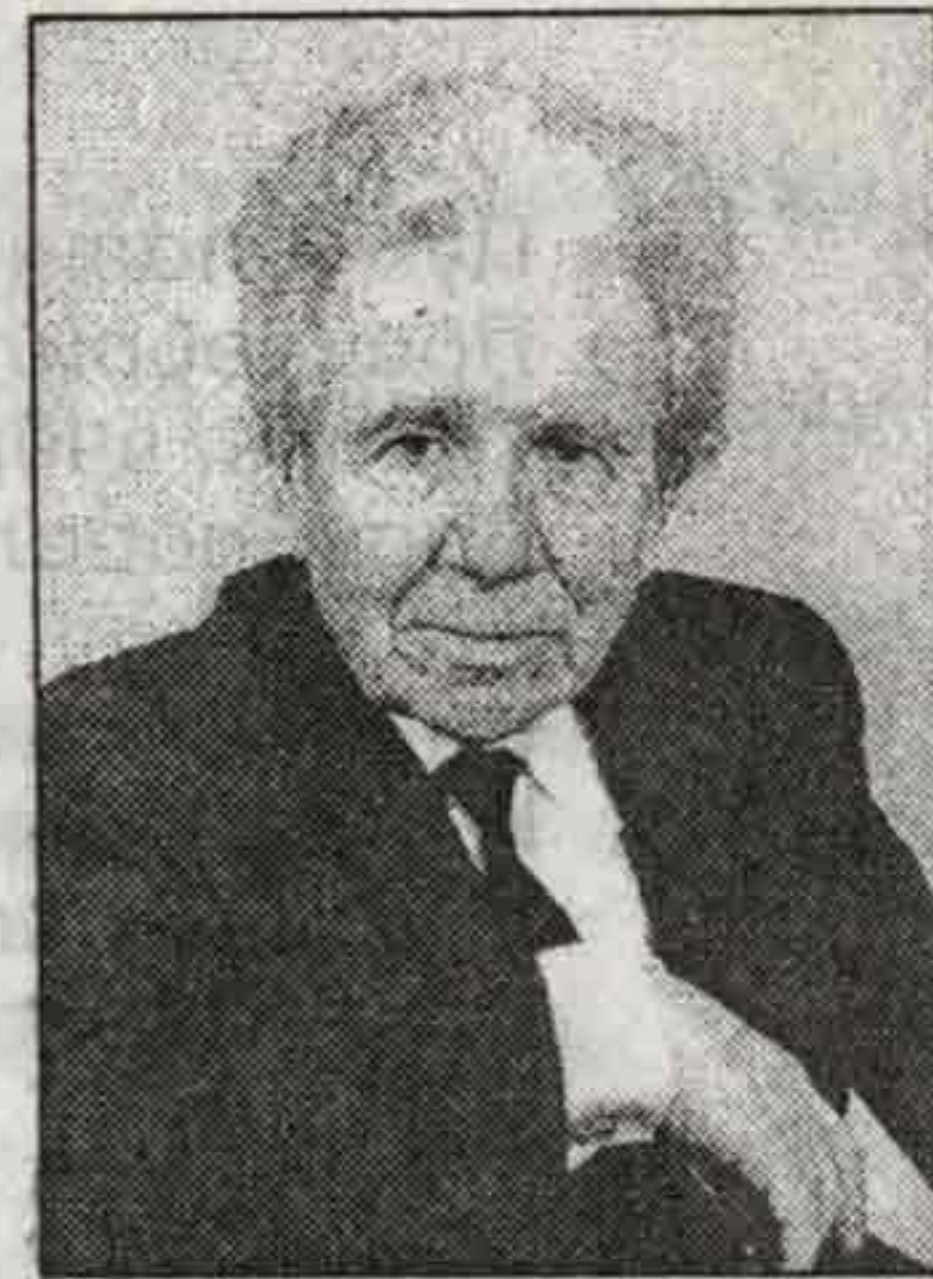
Из вокзального репродуктора неслось: «Сделать нам еще предстоит больше, чем сделано». Объявили отправление.

Поезд медленно набирал ход.

Провожаящие возвращались с вокзала молчаливые и задумчивые, поднимая ногами легкие клубы цементной пыли. А потом зашли к Щеголеву и выпили остатки «андроповской» водки, столь непопулярной среди итальянцев.

Олег Маслов

Олег Константинович Маслов родился в 1932 году в Благовещенске. Окончил Хабаровский мединститут. Кандидат медицинских наук, основатель анестезиологической службы в Амурской области. При его активном участии немало народу буквально вытащено с того света. Член Союза писателей России. Автор девяти книг стихов. В последние годы пишет и прозу - это в основном рассказы, основанные на случаях из его богатой врачебной практики. Заслуженный работник культуры России, лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений «Мой век», Почетный гражданин Благовещенска.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Не знаю, хорошо ли, плохо,
Но не в мечтах, а наяву
Я вот уж пятую эпоху
Родной историей живу.

И столько каждая вместила
Событий, судеб и страстей,
Что долгий век Мафусаила
Пустыней кажется пред ней.

Но ситуация такая,
Как будто я из года в год,
Сев в детстве на Тянитолкаю*,
Скачу по жизни взад-вперед.

И между будущим и прошлым
Все символичнее разрыв...
Уже сошла с дороги лошадь,
Машине место уступив;

Из повседневности далече
Ушли в небытие и сон
Галоши, примусы и свечи,
И самовар, и патефон.

И хоть остались неизменны
Моя прописка, адрес мой,
Все больше я одновременно
Вживаюсь в общий дом земной.

Я вижу каждый день и слышу,
Экран включая голубой,
Чем бредит он, живет и дышит,
Неугомонный род людской.

И, космонавту уподобясь,
Его глазами пред собой
Уже воочию, как глобус,
Могу увидеть шар земной...

Но очевидней с каждым годом,
Что паровоз наш невпопад
Влетел в тупик и задним ходом
Стремится выбраться назад.

И вновь на улице колонны
Свободы жаждущих людей,
И вновь на рынке миллионы
Вдрызг обесцененных рублей.

Бастуют летчики, шахтеры,
Зарплату требуют врачи,
В закон легальный входят воры,
И рэкетеры, и рвачи.

Над Белым домом величаво
Парит Орел о двух главах,

*Тянитолкай - фантастический конь с двумя головами по обе стороны туловища.

Налево - Ленин, а направо
Сияет вывеска «МОНАРХЪ».

И удручаться не пристало,
И умиляться не к лицу...
Век будто катится к началу,
И только жизнь - увы, к концу.

Когда любимая ушла,
Как ни горька была утрата,
Я не молил ее возврата
И не желал ей в жизни зла.

Я знал: разлука навсегда.
Любовь, как яблоко, едина,
И коль отпала половина -
Уже не склеить никогда.

Я райский плод похоронил
И траур выдержал до года,
Но семя будущего восхода
В душе нетленным сохранил.

И проросло оно... А ей,
Что стала в памяти моей
Любви минувшей обелиском,
Я с грустью поклонился низко
И пожелал счастливых дней.

Жизнь все дороже и дороже,
Хоть год от года не моложе,
И не представить, не понять:
Как это прежде за работой,
За плотоядной заботой
Ее не видел благодать?!

А ведь всего с лихвою было,
Что сердцу дорого и мило,
Но, лишь утратив все, постиг,
Что жизнь и впрямь неповторима,
И красота промчалась мимо,
И вечность обратилась в миг.

И все ж, куда сердце бьется,
Душе и в старости неймется
Запечатлеть в себе навек
Любое диво на планете,
Все, чем покоен веков на свете
И жив, и счастлив человек.

Увы, на жизненном излете
Настал разлад души и плоти:
Одна стремится на покой,
Другая - к миру причаститься
Пред тем, как птицей обратиться
И улететь за край земной.

Пух тополиный ложится на землю,
Посеребрилась в газонах трава,
Тополь, вчера еще молодо зелен,
Вдруг побелел, как моя голова.

Сдуют пушинки июньские ветры
И возвратят ему свежесть опять...
Всё как всегда, только в кои-то веки
Вдруг захотелось мне тополем стать.

Уходит век неупорно,
И, знаю, смертный человек,
Что он и есть неповторимый
И разъединственный мой век.

Мы стали органичным слитком,
И, знаю, если не умру,
То в новом буду пережитком
Иль гостем на чужом пиру.

Всё так, и не страшат потемки,
И все ж, - попробуй удержишь! -
Так тянет заглянуть за кромку -
В иную, будущую жизнь.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Среди всеобщего развала
Одна надежда - этот вид:
Колонна мраморная пала,
А рядом дерево - стоит.

Бывало все - любовь, измена,
В глазах зеленые круги...
А жизнь твердила неизменно:
- Превозмоги! Превозмоги!
Гони залетную удачу,
Не верь в нежданную беду
И не плетись покорной клячей
У времени на поводу.

Нет хлеба слаще, доли лучше,
Что сам посеял и пожал... -
И всю-то жизнь себя я мучил
И, сколько мог, превозмогал.

Не много роз на той дороге,
И все ж недаром жил бы я,
Когда бы смог сказать в итоге
О ней, дороге: вся моя!

Моя - доподлинно такая,
Какой я сам ее торю,
И на ухабы не пеняю,
И за усталость не корю.

Пусть по шоссе спешат машины:
Затем и вышел я на свет,
Чтоб не копытный и не шинный -
Свой на земле оставить след.

И если всей судьбой своею
Я сотворить ее смогу, -
И жизнь на счастье одолею,
И даже смерть превозмогу.

Валентина Телухова

Уроженка Благовещенска, Валентина Телухова рано ступила на трудовую стезю. За ее плечами школа рабочей молодежи, была она почтальоном, фасовщицей, комплектовщицей, лаборантом, машинисткой, инженером-экономистом. Заочно закончила Благовещенский пединститут и с 1971 по 1993 год преподавала историю и обществоведение в средней школе поселка Чигири. Сейчас на пенсии.

Творчеством увлеклась в детстве. Страсть к сочинительству выливалась в придумывание сказок, которые ходила слушать детвора родной Чигиринской улицы. Тогда же попробовала писать стихи, позднее - рассказы.

Публиковалась на страницах газет «Кадры - селу», «Земля и люди», «Амурская правда», «Глагол».

Рассказ

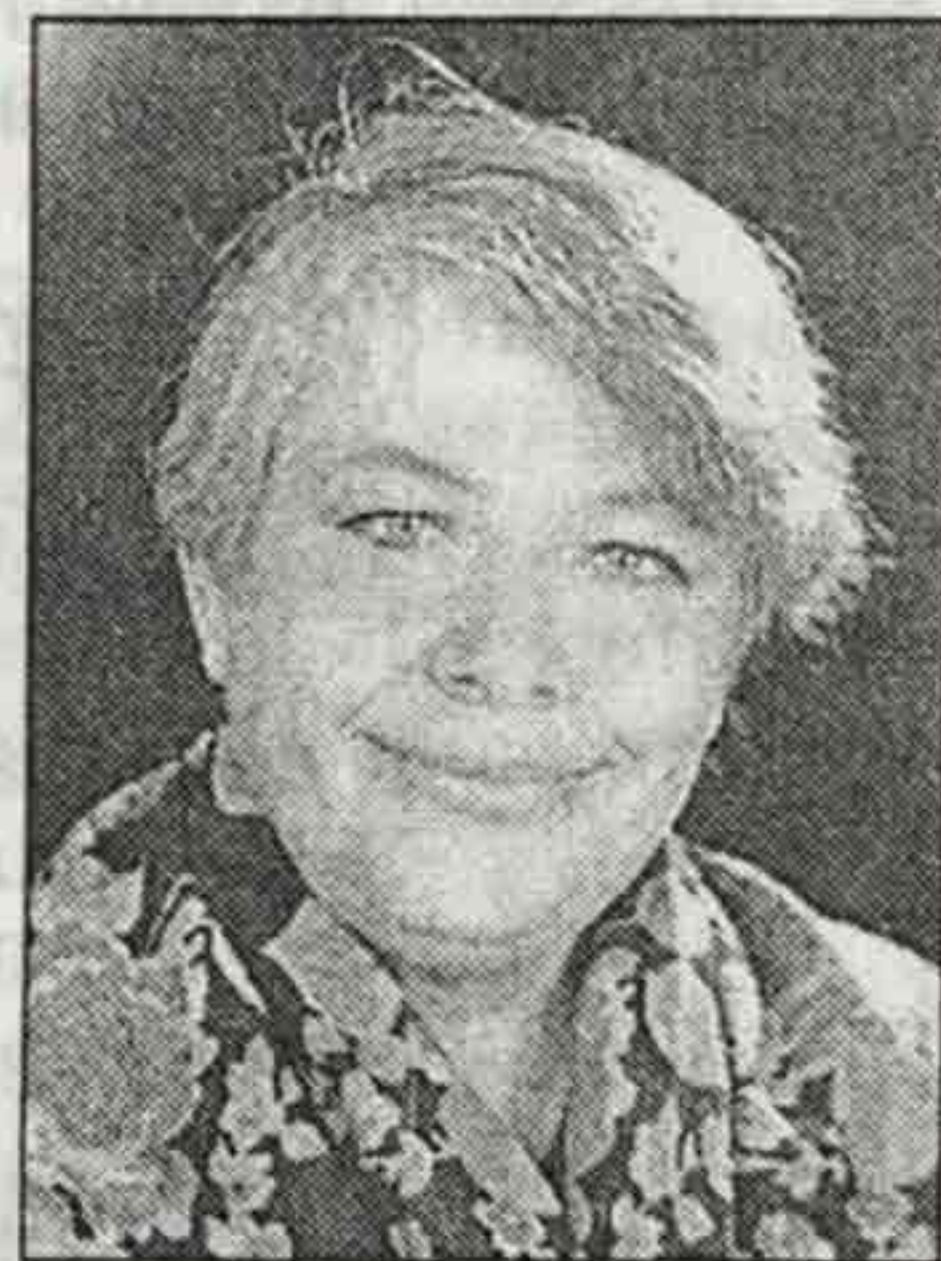
РОДНЯ

В деревне было три знаменитых горки: Луценчиха, Полячиха и Лысогорка или Лыска, как говорили все. Луценчиха была самой любимой у деревенской ребятни. Начинаясь она у дома Луценкиных. Чтобы съехать с этой горы, нужно было долго идти по наезженному склону вверх почти к самому дому, но если уж ты одолевал подъем, тебя ожидало сказочное удовольствие. Примостив самодельные санки на самый конек взгорка, ты летел вниз не просто долго и плавно, а еще и взлетал над землей на двух-трех трамплинах, созданных самой природой, и вскрикивал от неопишуемого восторга.

На Луценчихе катались в основном мальчишки, причем из самых отчаянных. Девочки предпочитали Лыску. Горка эта была пологая и очень большая. Хорошо раскатив-

шись, можно было проехать добрых полкилометра без всяких приключений. Спуск с Полячихи заканчивался на льду реки, поэтому с нее спускались на коньках, а они были далеко не у каждого. Оттого-то Луценчихе и не было равных.

Начинался спуск с любимой горы у дома Луценкиных, как нам уже известно, а вот заканчивался у дома Мячина Михаила Ефимовича. Дом как дом, не лучше и не хуже других домов, он все-таки имел одну особенность. Дом был самым богатым в селе. И не углами да пирогами был богат дом, а ребятами, которых в семье было четырнадцать человек. Почти все в этом доме делалось детскими руками: обрабатывался огромный огород, обихаживался сад, поилась и кормилась всякая живность.

Семья была работающей, крепкой и дружной. Дисциплина держалась не на окриках, а на необыкновенной требовательности и разумном распределении обязанностей. Дети выросли, расхотелись, и к тому времени, о котором я пишу, в доме осталось только пятеро: Коля, Сережа, Гена, Саша, Юра. С одной стороны, малышам повезло, что они жили у самого подножия Луценчихи, но с другой... Попробуй усиди за уроками или займись домашними делами, когда горка — вот она, перед глазами, и оттуда до самой темноты доносятся писк, визг и хохот деревенской ребятни. Соблазн был велик! И соблазнялись, несмотря на строжайшие запреты. Грелась в основном деревенская ребятня в доме у Луценкиных, а в мячинском доме место на печке всегда было занято своими.

В тот день в избе было непривычно тихо. Шли каникулы, и такие помехи, как необходимость ходить в школу и делать уроки, устранялись сами собой. Хорошо! На горке было особенно шумно: санки, лыжи, валенки, телогрейки — все так и мелькало за окном.

Ефимыч, хозяин дома, внимательно посмотрел из окна на горку. Где там мои? Не разберешь. С утра ушли и не приходили погреться ни разу. Позвать, что ли? Да разве дозовешься!

Он вздохнул и сел поближе к окну, к свету, занялся починкой пары детских валенок. Это беда что с ними проделывают пацаны. Примораживают к подошве коньки! Приставят коньки, польют водой и держат на морозе — коньки и пристынут, держатся, как прикованные. Одно неудобство: валенки не занесешь в дом на просушку и не обуешь в школу. Приходилось их прятать от родителей в углу холодного сарая. Примороженные коньки держались так крепко, что отлетали только с подошвой. Вот тогда-то и шли сыновья к отцу.

- Почините, папа!

Отец ругался, но куда денешься, брал дратву покрепче, шило и терпеливо клал стежок за стежком.

- Не напасешься на них! — бурчал Ефимыч. — Только успевай чинить...

Какой-то звук привлек его внимание.

- Кошка скребется, что ли? — хозяин поднялся с низкой табуретки, подошел к тяжелой дубовой двери и открыл ее осторожно.

Это была не кошка. В сенях стоял мальчонка лет шести-семи и смотрел умоляюще.

- Ну, входи, входи! Что скажешь?

- П-пустите п-погреться... — мальчишка озяб до такой степени, что еле разлеплял губы.

- Так... А с какой стати я должен тебя согреть? — шуточно уточнил хозяин, а сам уже подталкивал гостя поближе к протопленной печи.

- А я в-ваш-ша р-родня.

- Род-ня-а-а!? — удивленно протянул хозяин. — Откуда же?

- С дальней улицы.

- Что-то я тебя не признаю, родственничек.

- Так мы недавно сюда приехали, в начале зимы.

- Недавно приехали и уже родня. Хорошо! — засмеялся Ефимыч. — Ну, раз такое дело, раздевайся и проходи.

Мальчишка снял плохонькую одежонку, скинул сырые валенки и потопал напрямик к русской печке, но хозяин остановил его:

- А ты часом не проголодался? Родню угощать поло-

жено. Гостю за столом место.

- Не, я не хочу, — застенялся гость и стал приглаживать свои светлые вихры, — я ел сѣдни.

- Так когда это было? Утром, поди. А сейчас солнышко к закату идет. Садись, поешь.

Хозяин, не рассуждая больше, ласково подтолкнул гостя к столу и налил ему большую тарелку наваристого, разомлевшего в русской печке, борща. Потом откинул полотенце с широкой миски:

- Угощайся, хозяйка стряпала вчера — шанежки.

- Шанежки — это хорошо! Это я люблю, — радостно сказал мальчик, усаживаясь за стол. И стал так махать ложкой, что хозяин хмыкнул:

- Не части, не части, это все твое, никто не заберет. Тебе молока или чаю?

- Молока! — затряс головой едок и выдохнул, прожевав: — Уф... У вас борщ с картохой, а наша мамка без картошки варит...

- Это почему? — поднял брови хозяин.

- Нету картохи. Мы в начале зимы купили немного, так съели уже. Пусто в подвале.

- Это как же вы без картошки? Голодно, поди... — Ефимыч подумал немного и подмигнул мальчишке:

- Как звать-то тебя, родня?

- Михаилом.

- Тезки мы с тобой, значит. Это замечательно! А семья у вас большая?

- Большая! Дедушка старенький, бабушка старенькая, мама, Ольга, ей уже три годика, и я.

- А отец где? — осторожно поинтересовался хозяин.

- Он злой был, дрался, водку пил... Вот мы от него и уехали. Деда с бабой сказали, что на амурской земле мы заживем и мамка долю себе найдет получше. Найдет, да?

- Непременно найдет! У нас места счастливые, — улыбнулся хозяин. — Ну, ты наелся? Забирайся на печку, погрейся... А живете вы на каком конце села?

- На том! — махнул Мишка рукой в сторону переезда. — Вторая изба наша. Ну, спасибочки, наелся я, вкусно как! Давно так не ел... Мамка как на стол накрывает, так и плачет всегда: «Когда эта голодовка кончится!»

Мальчонка забрался на печку и притих там вскоре, видно, заснул.

Ефимыч вышел в сени, взял мешок, вернулся в избу, кряхтя открыл крышку подпола, спустился, набрал картошки, с трудом выволок мешок наверх, притулил у порога. Из сундука вынул несколько ситцевых мешочков, выскочил на улицу. Ежась от холода, подошел к амбарчику, сбросил замок, набрал в мешочки гречки, пшена, гороху. Возвращаясь, оглядел детские санки, брошенные у калитки, и пробормотал:

- Не довезет, совсем плохонькие саночки, да и картошка тяжелая очень. Придется свои наладить, отвезти гостинец. Да и председателю нужно сказать, что бедуют люди. Ничего, разживутся. В наших краях жить можно, только не ленись...

Вернувшись в избу, Ефимыч еще раз глянул на прикорнувшего на печи неожиданного гостя.

- Родня... Надо же придумать такое! Родня, да еще с дальней улицы... Ну, раз родня, то просто грех не помочь по-свойски. А мальчонка, видать, хороший. На моих чем-то похож. — Он покосился на окно: где там они? Уж темнеет, пора бы и вернуться.

«МЕНЯ НЕ ПУГАЛИ НИ ХОЛОД, НИ ЗНОЙ...»

Самые большие глубины таятся не на океанском дне, равно как и предельные высоты не в Гималаях - они в человеке. Глуби творчества и пики возраста не всегда совпадают, порой они полярны. Потому и вызывают удивление, переходящее в восхищение.

Сказанное в полной мере относится к Любви Ивановне Антоновой. На сегодня это самая почтенная по возрасту из всех дальневосточных писательниц и писателей. Шутка сказать: 23 ноября 1999 года Любви Ивановне исполнилось 90 лет! Известность ей принесли роман о гражданской войне «Заслон» и повесть «Девушка в очках» о молодой писательнице Вере Жаковой.

В литературу Л. Антонова пришла из журналистики, обогащенная знанием жизни, героического прошлого нашего края, его сложной современности. Ходили легенды о ее подвижнической работе в дальневосточных и сибирских архивах, где она буквально по крупицам собирала разрозненные факты из жизни героев своих произведений. Ведь большинство персонажей романа, не говоря уже о прямо названной Вере Жаковой, имели не просто прототипов, они вышли на страницы буквально «во плоти» - первый председатель Амурского облисполкома Федор Мухин, комсомольцы Саня Бородкин, Алеша Герман, Василий Безденежных...

Мне кажется очевидным, что и сегодня, в пору огульного напора ревизионеров на вопросы освещения революции 17-го года и гражданской войны, позиция писательницы в понимании сути событий, живописании людских характеров и судеб выглядит наиболее убедительно. Тех, кто желает удостовериться в этом или поспорить, отсылаю к книгам Л. Антоновой, благо они бережно хранятся в библиотеках и любимы юными читателями.

Мне сейчас хотелось бы поговорить об ином. Вряд ли кто догадывался, кроме самых близких людей, что Любовь Ивановна всю сознательную жизнь пишет также и стихи.

Осенью прошлого года, когда мы вместе с известной амурской радиожурналисткой Антониной Токмаковой навестили Любовь Ивановну в ее маленькой двухкомнатной квартирке, писательница за чашкой чая вдруг принялась наизусть читать свои стихи. Ее голос звучал по-молодому свежо, потрясающая память вызывала к жизни все новые и новые строки. А потом достала солидную рукопись, уже успевшую изрядно пожелтеть от времени. «Вот, коплю всю жизнь... Мечтала книжку издать поэтическую, а теперь уже поздно...»

Что и говорить об Антоновой, когда молодые зубастые литераторы, повеся язык на плечо, бегают за каждой спонсорской копеечкой...

Разговаривая с Любовью Ивановной о юбилее, я натолкнулся на решительное нежелание шумихи вокруг этого события. Сошлись на том, что главным подарком стала бы публикация стихотворений Антоновой. Поскольку выпустить книгу по вышеуказанным причинам не представлялось делом скорым и реальным, то я взял на себя смелость рекомендовать поэтическую рукопись Л. Антоновой для альманаха «Приамурье».

Работа над рукописью открыла мне новые, неизвестные доселе черты Любви Ивановны Антоновой. При очевидной для профессионала добротности работы со словом, все же это рукопись неоднородная, требующая любовного и бережного редакторского отношения. Но как было не проникнуться такими чувствами, когда читаешь строки, посвященные Отечественной войне! Я знал, что сталинские репрессии 37-го года отняли у Любви Ивановны ее мужа, инженера ЦАГИ. Они жили тогда в Подмосковье, и, по рассказам Любви Ивановны, каждый вечер все меньше и меньше огней зажигалось в домах их дачного поселка после очередного визита энкавэдэшного «черного воронка». И вот - стихотворные строчки о «самодеятельных палачах», которые «неподкупнее Робеспьера, бронированнее, чем танки, катовавшие на Лубянке, и гасившие свежей кровью зори ясные Подмосковья...» И - мороз по коже от обнаженности этих строк.

Строго говоря, в своей лирике Антонова тоже следует принципам, рожденным и оформившимся в работе над документальной и художественной прозой, - она максимально правдива. Вот почему стихи читаются как история жизни человека и его поколения.

Прочтите эти стихи. В них «дышат почва и судьба».

*Игорь ИГНАТЕНКО,
председатель правления
Амурской областной
писательской организации.*

НАПУТСТВИЕ

Кастальский ключ, источник вдохновенья,
В степи мирской изгнанников поит.

А. С. Пушкин

В старенькой тетрадке довоенной
Вы, стихи, томилась, как в плену.
Этой зимою непременно
Я свободу слова вам верну.

Вы пойдите к людям, расскажите
Правду, что горька и горяча,
И живой водою напоите
Моего Кастальского ключа.

ВЕЧЕР НОВОГОДНИЙ

В бронзовом шандале, плача и шепча,
Воском истекает тонкая свеча.

Шепоток невнятный можно разгадать:
«Уж не ждут обратно ни жена, ни мать...»

Вечер подмосковный... Голубые ели...
И обшлаг холодный новенькой шинели.

На шоссе у Дорохово мерный шаг пехоты.
В милой Старой Рузе - танки, рвы и дзоты.

В парке Дома отдыха - братские могилы...
Сожжена Малеевка... Было это, было...

Годы промелькнули, вот уже двадцатый...
В новом поколении подросли ребята.

«Боже, ты все можешь, - молит чья-то мать, -
Сделай так, чтоб больше не стали убивать!»

В бронзовом шандале, плача и шепча,
В память о погибших догорит свеча.

Голицыно, 1 января 1961 г.

Из всего, что в жизни было,
Я на память сохранила
Только нежную улыбку,
Белый шарф, сквозной, как пена,
С ароматом орхидей.
Остальное все забыто,
Далеко, надежно скрыто
От себя и от людей...

И вот наступила пора листопада.
Пора увяданья?
Пора созиданья!
И пусть далеки еще снежные бури,
За ними -
с ушедшими в вечность
свиданье.

СТАРИННЫЙ ВАЛЬС

Зал, небогато украшенный,
Елка, бумажной гирляндой повитая,
Кто вас сегодня упрашивал
Напоминать позабытое?

Вечер в голубоватых
Пышных сугробах тонет,
Мчат нас с тобою куда-то
Серые в яблоках кони...

Рубленый домик в Сокольниках,
Шаткие три ступени,
В жарко натопленных комнатках
Запах весенний сирени.

Старый рояль, осененный елью,
Кипа разрозненных нот...
Там мы справляли свое новоселье
В Новый далекий год.

Зал, небогато украшенный,
Елка, бумажной гирляндой повитая,
Кто вас сегодня упрашивал
Напоминать позабытое:

Рубленый домик в Сокольниках,
Шаткие три ступени,
В жарко натопленных комнатках
Запах весенний сирени?

Старый рояль, осененный елью,
Кипу разрозненных нот,
Наше вакхическое веселье
В Новый и самый трагический год!

Вечер в голубоватых
Пышных сугробах тонет...
Счастье, примчись на часок обратно
На «мерседесе» иль пони.

ЗОРИ ЯСНЫЕ ПОДМОСКОВЬЯ

Вспоминаю вас с нежностью и любовью,
Зори ясные Подмосковья.
Перламутровые, лиловатые,
Медом пахнущие и мятою.
Сколько раз вас, бывало, видела
У подножья в Абрамцеве Идола,
В деревушке, подсолнухами заросшей,
В безымянной березовой роще,
Воскресенскими темными липами,
По-монашески одноликими,
В золотых раменских полях,
В старорусских сиренях и тополях.
Только не было зорек богаче и краше,
Чем в саду том жасминовом,
В тихом Кратове нашем.

Ведь летят самолеты и идут поезда,
Что же мне неохота возвратиться туда?
Только память моя там все бродит и бродит
И крупницы былого повсюду находит,
Ищет что-то давно оброненное
Бедной птицей гнезда разоренного.

Мне та майская ночь
Никогда не забудется.
Если есть Страшный суд,
Пусть он сбудется.
И пылают пускай в жуткой адской печи
Самодетельные палачи -
За идею свою, не за веру,
Неподкупнее Робеспьера,
Бронированнее, чем танки,
Катовавшие на Лубянке,
И гасившие свежей кровью
Зори ясные Подмосковья...

Май 1937 - 1997 гг.

ПРИМОРСКИЙ ЭКИЗ

...Стою на невысокой сопке.
Синеет бухта вдалеке.
Малыш бежит по узкой тропке
С ромашкой сорванной в руке.
Такая тишь...
Лишь шелест трав
Да медных сосен колыханье...

Здесь хорошо стоять, устав,
И нет ни в чем напоминанья,
Что здесь когда-то лагерь был -
Юдоль печали и страданья...
Что где-то здесь стояли вышки,
На них - безусые мальчишки
С винтовкой, взятой на прицел
В живую плоть, в живую цель.
В кошмары превращая быль,
Теснились смрадные бараки,
Рычали сытые собаки,
На тех, кто «лагерная пыль».

Здесь лютовали конвоиры,
Правеж вершили командиры.
Зеркальный отблеск их сапог
В могилу люди уносили,
Когда они прицельно били -
Под вздох, и в темя, и в висок...
Вот груды щебня и камней,
И мнится мне под ними яма,
Куда в один из вешних дней
Столкнули тело Мандельштама.

ЛЕГЕНДА

Кто-то сделал глубокий надрез на березе.
Просто так долбанул топором и ушел.
И бегут по коре её светлые слезы,
И дрожит от комля до вершины весь ствол.

Над её головой пролетают свободные птицы.
И подснежник у ног ворошит прошлогоднюю прель.
Истекающей соком прозрачным, сегодня ей снится
Вот такой же далекий, как юность, апрель.

Он лежал головой на корнях у нее, у березы,
Партизан наш амурский, боец удалой.
От багульника сопки тогда были розовы,
По вершинам их месяц гулял молодой.

Он лежал и лицом был белее коры ее белой.
На виске запеклась почерневшая кровь.
А вокруг всё цвело, и смеялось, и пело...
«Мне бы каплю воды... И ожил бы я вновь...»

И она встрепенулась, склонилась... Ветвями
Обняла его, обвила его, подняла...
И шепнула: «Ведь нож-то найдется в кармане.
Знай, весною береза не только бела...»

Он березовым соком напился, умылся,
Он ушел, освеженный, по несмятой траве.
И сегодня он снова березе приснился
На последней её заре...

БЕЛОКРЫЛАЯ ПТИЦА

Как сегодня красива
Эта высь голубая!
Как в ней смело парила
Наша птица стальная!

И мелькали под нею
Полевые просторы
И тайга, и поселки,
Невысокие горы,

Где убрали пшеницу,
Отгремела страда.
Словно пестренький ситец,
На жнивье том стада.

Вон, как божья коровка,
Чуть автобус ползет.
По сверкающим рельсам
Споро скорый идет.

Пашет маленький трактор
Под озимые клин.
Пахота - мягкий бархат,
И блестит, как сатин.

Вдруг внизу засинели
Серебристые змеи -
То слиянье Амура
И красавицы Зеи.

А меж ними в чудесной
Ровной светлой долине -
Городок Благовещенск,
И родной, и любимый.

Я спускаюсь по трапу
В городок на границе.
Так прими ж благодарность,
Белокрылая птица.

ДЕДОВА ЗАИМКА

По болоту, а скорей, по кочкам,
Через речку вязкую Гильчинку,
По полям заросшим,
Где полынь-осочка,
Я иду на дедову заимку.
Дед мой старый, легонький, как тень,
Навстречь мне поднимется с завалинки.
Ждет меня, наверно, целый день,
Порыжевшие надевши валенки.
Мы пойдем на пасеку.
Цветы я стану рвать
И рассказывать о городе, о жизни.
Будет дедушка задумчиво молчать
И глядеть с печальной укоризной.
Мой приход разбередит немало ран,
Разворошит призабытое былое:
Сын припомнится, убитый партизан,
И сноха, сожженная живою...
Начал, было, внуков поднимать,
Да двоих скосила скарлатина.
- Ну, чего ты голосишь все, мать?
- Я умру... Отдай в колхоз скотину...
И сдержала слово: умерла. Помню я
Бабкино лицо, как восковое...
На поминках дед сказал: «Была семья,
А осталось, на поверку, двое...»
Двое нас, а вот живем поврозь,
Да и видимся куда как редко...
Старость мне согреть не довелось,
И в долгу я неоплатном, дедка...
Поскорее, поскорей! - он ждет.
Кто-нибудь сказал, что я приехала.
С вышки дед гостинец достает -
Сумку с прошлогодними орехами.

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

Это нам рассказал лейтенант Сусанин,
И нелепой сказкой прозвучала быль...

Пламенело солнце над лесами,
Шелестел в степи серебряный ковыль...
Предки лейтенанта сено стоговали.
Дед - мужик горластый, рослый, как сосна.
Бабка в широченном синем сарафане,
Молода, проворна, но бледна.
Уронивши вилы, вдруг она присела,
Глубоко вздохнула, охнула слегка.
Дед прикрикнул строго: «Аль ты очумела?!
Слезу вот со стога, береги бока!»
Бабка встрепенулась: «Делать, батька, нечего;
В этакое время, а рожать пора».
«Выдумаешь, дура! Достогуем к вечеру,
А тогда рожай хоть до утра!»

Так в степи амурской летнею порою
Родилось не очень жданное дитя.
«Партизанил батька и погиб героем», -
Заклучил рассказчик, больше не шутя.
До краев наполнил он бокалы наши:
«Выпьемте за счастье, осушим до дна
За мою хозяйку! За жену Наташу:
Двух сынков и дочку мне дала она!»

МАРЬИНЫ КОРЕНЬЯ

Марьины коренья - дикie пионы,
Право, я не знаю, кто вас так назвал.
Свято верю: был он - молодой, влюбленный,
О прелестной Марье по весне вздыхал.

Видно, небогатый, серебром и золотом
Он свою любимую одарить не мог.
Но при всем при этом был в душе поэтом
Этот неизвестный миру паренек.

Он любил так страстно, что в цветке прекрасном
Дорогое имя увековечить смог.
Марьины коренья - гордые цветы.
И никто не смеет их назвать на «ты».

УТРО В ДОМЕ КОЛХОЗНИКА

Шесть часов. Гладит окна рассвет
Синеватой линияющей лапой.
Слева умолк беспокойный сосед,
Всю ночь тишину рвавший храпом.

А справа сосед засвистал фокстрот
Молодо и беспечно...
И ночь, что тянулась, казалось, год,
Канула в вечность...

Уже на дворе скрипят возы,
Уже ведут коней к водопою.
Уже закуривился сизый дым
Над выбеленной трубою.

Стучится утро во все пазы
Приземистой старой хаты,
Рассказывают про поход на Берлин
Бывалые солдаты.

Уже на крыльце самовар кипит.
Восток окрасился медью.
Уже развязывают узелки
Со вкусной домашней снедью.

Горланят под окнами петухи,
Оранжевые, точно золото.
Читает пушкинские стихи
Мальчонка звонким голосом...

К восьми пустеет колхозный дом.
Стою и греюсь у печки.
Я в девять пойду в райисполком,
Но тут возникает Овечкин.

С порога: «Играет людьми судьба,
В медвежьи углы загоняет чертовка!
Ну, как у тебя дела?
Когда заканчивается командировка?»

Я отвечаю: «Материал взяла.
Двенадцатичасовым домой поеду».
«А что, извиняюсь, ты тут жрала?
Как насчет завтраков и обедов?»

На том обрывается наш разговор.
Не прозвучал мой ответ беспечный,
В комнату распахивается дверь,
И в оленье-волчьих мехах,
Как диковинный зверь,
Вплывает упитанная персона,
Рангом не ниже инструктора обкома.

«Ну, что носы повесили тут?!
Что за унынье такое?
Айдайте в райкомовскую:
Пельменей дадут
И свежезаваренным чаем напоят!»

И вот он идет, насвистывая фокстрот,
Молодо и беспечно.
А мы - за ним, не забегая вперед,
Я и поэт Овечкин.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ВОЛКОВА

Тайфун, оборвавший у роз лепестки,
Через Амур перебросил листки.
Истерзанные, в крови и золе,
Лежат они на моем столе.

Сыплет полынь желтоватую пыль
В скучные дни уходящего лета.
Вчера, в неприметной деревне Ямынь
Разрывом снаряда убило поэта.

Померк в глазах его белый свет,
И рот забит горячим песком,
Но в синее небо смотрит поэт
Мертвым своим зрачком.

А дома жена, три малютки ждут.
Горе - не продохнуть!
И толпы людей проводить придут
Поэта в последний путь.

Опасное это всегда ремесло...
Поэта недолог путь.
И в честь его большое село -
Волково - назовут.

Тайфун, оборвавший у роз лепестки,
Через Амур перебросил листки.
Истерзанные, в крови и земле,
Лежат они на моем столе.

* * *

Распахнуты окна в сиянье лазури.
Врывается ветер, шурша занавеской.
И не было будто промчавшейся бури,
Дождя полуночного нудного плеска.

И не было вязкой дороги тягучей,
Цветов на обочине, низко склоненных,
И не было серой разорванной тучи,
И в узком просвете звезды удивленной.

А город нас встретил покоем глубоким,
Лишь лысые шины шуршат по асфальту,
Да глухо бормочут свое водостоки,
Да палые листья взметнулись высоко,
Плывут за машиной и делают сальто.

Я дома облилась водой из кувшина,
В халат облачилась пушистый и теплый.
Я чай заварила с душицей, с малиной,
А синий рассвет уж заглядывал в окна.

О, эти дороги! Их было немало.
Меня не пугали ни холод, ни зной.
И если бы жизнь начиналась сначала,
Я, право, судьбы не хотела б иной.

Распахнуты окна, и солнце сияет,
Врывается ветер, шурша занавеской,
И синий кораблик на ней оживает,
И мчится...
И мчится по волнам житейским!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

«Вечерняя молитва» Берлиоза
В неосвещенной комнате звучит.
Глаза сухи. Иссякли слезы.
Застыло сердце и... молчит.

А кто-то рухнул на колени,
Творя знамение креста,
Твердя: «Коль обманул нас Ленин,
Согреемся у ног Христа».

А кто-то включит телевизор,
И, пальцы жирные скрестив на животе,
Прикидывает: чей удобней лидер?
И кто правее: эти? или те?

«Вечерняя молитва» Берлиоза
В неосвещенной комнате звучит...
О Боже, подари бывшие грезы.
Дай позабыть
бесцельно тяжкий быт!

* * *

Чего я в жизни не имела,
И даже ты мне дать не смог:
Незавешенные окна,
Чтоб выходили на восток,
За ними бы шумело море,
Кипел и пенился прибой -
Вот было б счастье!
Если ж горе,
То все же рядом бы с тобой.

МОИ БАБКИ

В сельских храмах бабок моих венчали,
Золотые венцы, приминая цветы, надевали,
Чтобы брак этих дев непорочных
Был богатым, счастливым и прочным.

А потом они деток своих в этих храмах крестили,
Их крестильные рубашечки как святыню хранили.

Обе рано мужей молодых и пригожих
Схоронили. В тех храмах отпели...
И сироток-детей, так на батек похожих,
Содержали как можно строже, но жалели.

Сколько пролито слез,
Сколько видано горя...
Да целое море!

Обе бабки мои, две крестьянки простые,
Да ведь вы же были святые...
И уж если я ни на что не гожусь,
Но своей родовой как и раньше горжусь.

Не дала на потеху креста,
И соседка моя рассердилась.
А я просто, наверное, в вас уродилась,
Вот и совесть моя чиста.

И несую я свой крест, хоть он давит на плечи.
Я его донесу - сразу станет мне легче.
А померкнет в глазах моих свет,
Люди скажут: «Её тоже нет...»

Обе бабки мои распрощались вперед.
Я о них до сих пор сожалею.
Знаю точно, что каждая ждет
На кладбищенской белой аллее.

Женя Бутова

Женя Бутова живет в селе Михайловка. Ей 11 лет, но поэтический стаж у нее солидный - стихи она пишет уже три года. Нынешней весной Амурская писательская организация, при активном содействии директора Михайловской школы В.А.Каюмова и с помощью издательства «Зоря», выпустила первую книжку ее стихов «Неизвестная птица». Поздравляем тебя, Женя!

ЛИСТ

Лист дрожит, боясь сорваться,
Ветер дергает его.
«Я могу ведь потеряться,
Не найдет меня никто».

Но, смирившись с горькой долей,
По тропинкам, по кустам
Улетает дальше в поле
Посмотреть: а что же там?

ПОДУМАЛ КОТ

Подумал кот: «Зачем мне мыши?
Когда сметану можно есть.
А можно просто сесть на крыше,
Любимым кошкам песни петь».

Подумал кот: «Зачем мне мыши?
Зачем мне нужно их ловить?
Да не хочу об этом слышать,
А буду я баклуши бить».

И буду спать, играть в охоту,
И блох на коврик давить.
Зачем мне мыши, вот забота!
И без мышей могу прожить».

НЕИЗВЕСТНАЯ ПТИЦА

Прилетела утром птица,
А была не велика.
У нее, как у синицы,
Синеватые бока.

Ранней птички голосок
Тонкий, словно колосок.
И казалось, она пела
Мне о том, как долетела.

ПАМЯТЬ О ДЕДЕ

Посвящается моему дедушке
Николаю Васильевичу

«Опять весна на белом свете», -
Поем мы песню раз в году,
И вспоминаем о Победе,
Когда цветет у нас в саду.

Храню медаль я «За отвагу»,
Что дед мой получил в бою.
Он честно выполнил присягу,
Отчизну защитив свою.

Медаль мне бабушка дала,
Чтобы ее я сберегла,
Ведь дед на фронте ранен был,
И до меня он не дожил.

«Опять весна на белом свете», -
Поем мы песню раз в году.
Я буду вспоминать о деде,
Медаль отваги сохранию.

О ВЕСНЕ

Март! В своей поре весна!
Набухают реки,
Долговязая сосна
Приподняла веки.

Тает снег, полянки тают,
И проклюнулась трава.
И весной прилетают
Птицы, песенки, слова.

СЛОВА

Давайте припомним все наши словечки,
Которые тихо шептали у печки.

Смотрите, как слов уже много вокруг -
Книги, будильник, картина, уют.

Вон возле шкафа стоит табуретка,
Под вазой с цветами - большая салфетка.

Чистая банка сверкает на стуле,
Хозяйку свою поджидает кастрюля,

А маленький скромненький желтый буфет
Хранит в себе много вкусных конфет.

ПОДРУЖКА

У меня была подружка,
Говорю я вам «была», -
Все жила на побегушках,
Мне всю жизнь она врала.

Как списать ей надо в школе -
Доброта ее берет,
И клянется мне, и молит,
Но сама все время врет.

Призадумалась с тоскою -
Перерезала канат.
Подружусь я лишь с такою,
Кто дружить со мною рад.

СЕНТЯБРЬ

Осень растревожила золотом осин,
Нарядилась кружевом тонких паутин.

Листьев разноцветных светят огоньки.
Где же зелень яркая, теплые деньки?

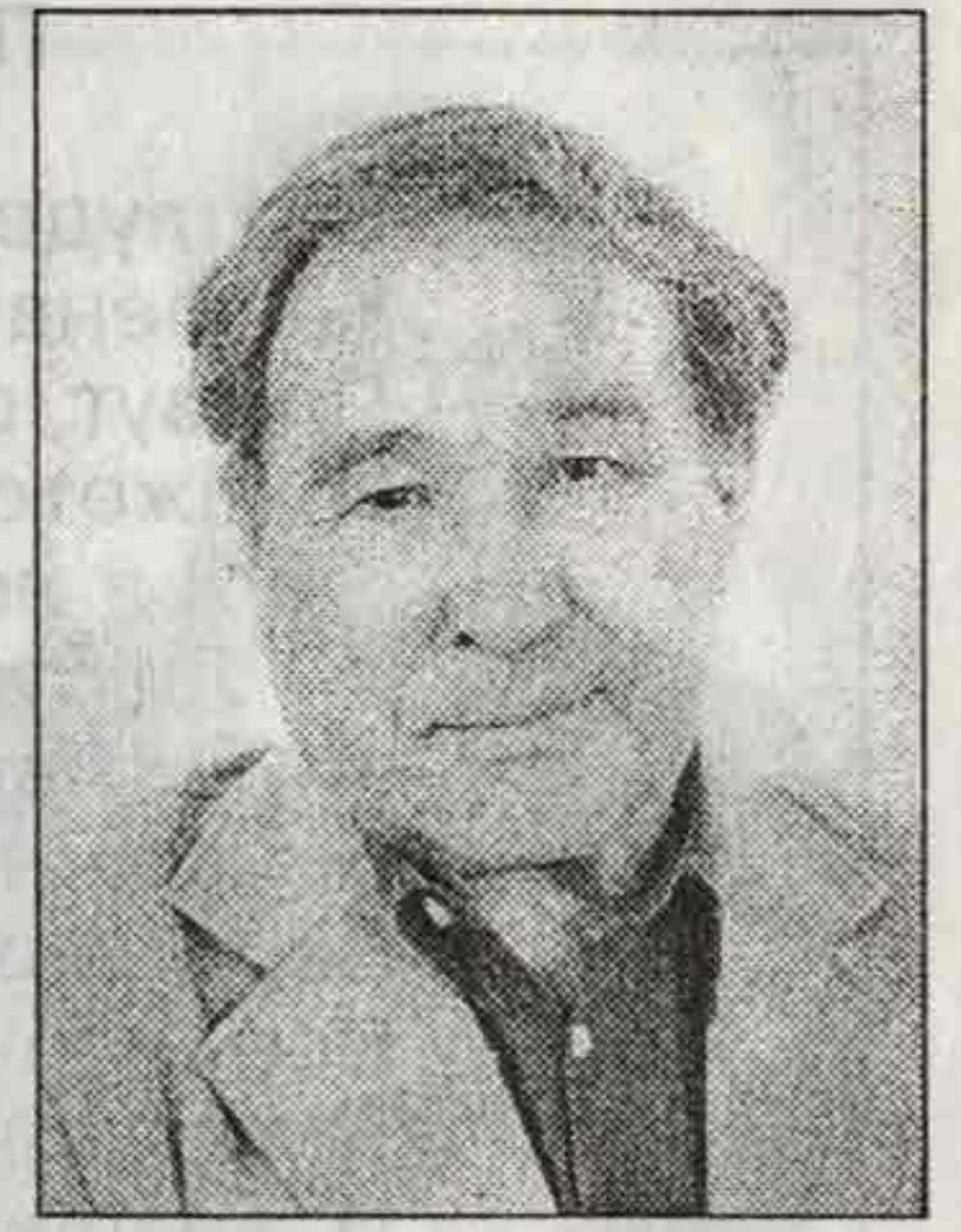
Посмотрю на рожицу - желтая она,
Красная черемуха издали видна.

Видишь, вся пунцовая в стороне стоит,
Словно красно платье снять ей предстоит.

Ветки клонит тополь к ней, хочет приласкать,
От осенней мороси будет охранять.

Николай Фотьев

Николай Иванович Фотьев родился в 1927 году на Алтае. Окончил Благовещенский сельхозинститут. Работал зоотехником: сперва в Монголии - скакал там по степям на коне, как заправский батыр, - а потом в хозяйствах Приамурья. Был журналистом. С начала 60-х - профессиональный литератор. Автор десяти сборников басен, многих книг повестей, рассказов, очерков. А сколько тайменей в свое время переловил - вообще не счесть. Член Союза писателей России с 1970 года. Живет в Благовещенске.

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Я в детстве много недобрал,
Недошалил, недоиграл.
Недоучил я до конца
Уроков деда и отца.
Сначала был я бедняком,
Потом колхозником,

потом

Война вломила в каждый дом.
И вот - утраты и разруха,
И нищета, и голодуха,
И безотцовщина кругом.
И я, конечно, в круге том...
Потом...потом, когда уже
Все это было позади,
На каждом новом рубеже
Я ощущал тоску в груди.
Я вспоминал те времена:
О, если б там не нищета,
Да не проклятая война! -
Не та бы жизнь была, не та.
Но проку что - жалеть о том,
Что не сбылось да не свершилось.
Жизнь поднималась и крепилась
Ученьем, волей и трудом.
И я шел этим же путем.
Но часто снилось детство мне,
А жизнь, текущая во сне,
Казалась сном и наяву;
Казалось, там я, там живу,
Где я так много недобрал,
Недошалил, недоиграл...

ПЕРЕД СНЕГОМ

Все тихо, глухо, словно в шок
Погружена осенняя природа.
Вот-вот изменится погода -
Пойдет раздумчивый снежок.

Пушистым, белым, чистым полотном
Покроет он поля, дороги, крыши.
И резвый школьник прутиком на нем,
Конечно, что-нибудь напишет.

ПРЕДЗИМЬЕ

Тихое царство лесное.
Поздний осенний сезон.
Пахнет опавшей листвою.
Все погружается в сон.

Все отцвело и увяло,
Вырастив семя и плод.
Матерь-природа устала
И до весны отдохнет.

Стали прозрачнее дебри,
Стали тропинки видней.

На зиму справили звери
Шубы себе потеплей.

Всё о предзимье маячит.
Тихо речонка журчит,
Тихо желна где-то плачет,
Дятел тоскливо стучит.

В пору печальную эту
Тянет в лесу побродить
И по ушедшему лету,
Как о любви, погрустить.

ПОЗНАЙ ДУШОЮ...

Бывает, вдруг воображенье,
Как наяву, родит виденья
Позора, зла, беды, крушенья...
И содрогнешься, словно ток
Пронзил всего от головы до ног.
И станет сердцу тяжело, больно,
Как будто впрямь пришла беда.
И говоришь себе: довольно!
Все это просто ерунда!
Случайный беспричинный бред!
Гони его и думай о прекрасном,
Иначе причинишь здоровью вред
Переживанием напрасным.
Но тут же голос внутренний велит:
«Уж, коль ты с творчеством повязан,
То все, о чем душа болит,
Сполна прочувствовать обязан.
Познай душою и страданья,
И радость, и печаль.

На том и стой.

Иначе все твои писанья
Предстанут чашею пустой...»

* * *

Пока живем, в себе храним мы авуары
Того, что было жизнью нам дано.
При этом память - наши мемуары,
А сновиденья - наше личное кино.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Вдаль уходящие годы,
Время побед и потерь -
Там зашифрованы коды
Жизни, текущей теперь.

И мы не зря обращаем
Память к былым временам:
То, что теперь пожинаем, -
Было посеяно там.

Ну а для жизни грядущей
Ныне падут семена.
И дай Бог, чтобы были там лучше
И нравы, и времена!..

ПОГОЖИЙ ДЕНЕК

В полуденном небе, в лазури,
Как пена белы, облака
Плывут, отражаясь в Амуре,
И кажется небом река.
Я в лодке. Не трогая гребни,
Любуясь погожим деньком,
Плыву, словно облачко в небе,
Неведомой силой влеком.
Все мило, светло, миротворно,
Все душу ласкает мою.
Я рад, я настроен мажорно
И жизни осанну пою.
Наверное, это нехудо -
Забывшись, порой, все любя,
И, мир созерцая как чудо,
Почувствовать в нем и себя.

КАК ЗНАТЬ...

Порою в памяти встает
Полузабытый эпизод.
И сердце вздрогнет, заскучает.
О чем - не приложить ума.
Наверно, было там начало
Чего-то важного весьма.
Ответа нет. А память зыбка.
И остается лишь гадать,
Что было: глупость, грех, ошибка,
Утрата некая? Как знать...

КУЛИК

Летая над рекой вдоль берега, Кулик
Пищал: - Наш брат кулик велик!
Велик! Велик!..
- Ты, вижу я, шутник да озорник, -
Однажды говорит ему Бекас. -
Когда бы ни летел ты, всякий раз
Трезвонишь песенку такую,
Что вызывает смех и удивленье.
- С чего ты взял, что я шучу и озорую?
Я, брат, общественное мненье
В подлунном мире формирую!

ДУХ И НЮХ

Дерьмо, как водится, на свалку отвезли,
Подальше от дорог и от жилья.
И вот оно лежит в грязи, в пыли,
Скучает очень: «Где же вы, друзья?!
Неужто не найдете вы меня?!
А-у!!» И слышит - хрюкает Свинья:
- Так вот куда тебя запрятали, хрю-хрю!
Пока дошла - аж разомлела!
Дерьмо весьма повеселело:
- Хавроньюшка! Благодарю! Благодарю!
Но как ты путь такой преодолела?
Как ты нашла меня, скажи?
Ведь нынче - вон где очутилось я!
- Нашла по запаху, - ответила Свинья. -
Тебя ж, куда ни положи,
Все тот же от тебя исходит дух,
А у меня на это - нюх, нюх, нюх...

Не знал, не думал я в тот час,
Что это было расставанье,
Когда держал последний раз
Я твою руку на прощанье.

С тех пор прошло не много лет
И жизнь бедою не грозила.
Но вот тебя в живых уж нет,
Тебя навек взяла могила.

Мир опустел и стал иным.
Мир без тебя угрюм и скучен.
Но образ твой неугасим
И с памятью моею неразлучен.

ВСЬ МИР

Не счесть ушедших на тот свет
В течение многих тысяч лет.

Не счесть всех душ развоплощенных,
Творцом над нами вознесенных

Туда, где им житье дано.
И, может, там они в одно

Слились и сделались большой,
Весь мир объемлющей душой.

И, может быть, она на нас
Влияет как-то всякий раз...

Из новых басен

ВОПРОС И ОТВЕТ

У друга своего, Полкана,
Трезор спросил:
- Зачем, не приложу ума,
Барбосу надобна охрана,
Как будто он персона важная весьма?
Другие ходят - вон в чинах каких! -
И то охраны нет у них.
А тут - подумаешь, «бугор»...
Полкан в ответ: - Пойми, Трезор,
Охрана - это неспроста.
Когда б Барбоска был не плут и вор,
И совесть у него была б чиста,
Так не дрожал бы он за шкуру постоянно,
И не нужна была б охрана...

СВИНОЙ РЕЗОН

Дотошно осмотрев усадьбу свою,
Хозяин пожурил довольно строго
Дородную элитную Свинью.
Мол, грязи развела ты слишком много!
- Да как ты можешь обвинять меня? -
Весьма обиделась Свинья, -
Не я грязь развела, не я!
Она была тут до меня еще, да, да, -
Тогда еще, тогда...

Вы, может, спросите, друзья,
Что тут в виду имею я.
Какую, так сказать, «свинью»?
Так вот. В виду имею я резоны,
Что изрекают ныне важные персоны,
Когда дают кому-то интервью.

Григорий Шумейко

Григорий Шумейко родился в 1949 году в Черниговской области. Образование среднее специальное - ткач. Между прочим, есть такие птицы - не то ткачи, не то ткачики. Григорий ткачом был недолго, а вот птицей - лет до тридцати. Меняя работу, облетал всю Украину и Россию вдобавок. Но как ни странно, когда попал в город под названием Свободный, - его свободным полетам пришел конец. Теперь Гриша птица не перелетная, а сугубо певчая. Его знают в области как барда, он издал девять книжек стихов, стал членом Союза писателей России и лауреатом премии имени Петра Комарова.

СЛАДКАЯ ПАРОЧКА

Когда поразмышляю я немножко,
То к выводу такому прихожу:
Пора поставить памятник картошке,
Да и капусте, как я погляжу.

От них крепчает дух в голодном теле,
Болезни исчезают на корню.
И хоть мне корнеплоды надоели,
Но я их в теплом погребе храню.

Весною посажу, потом окучу -
Зима ведь, как бездонная дыра.
Все лето надо мною - вражьи тучи,
Ведь божья лихой не дремлет до утра.

Но осенью в полете мои чувства,
Победу снова празднует душа,
Что вовремя затарился капустой,
И что картошка - с виду хороша.

Москва, поторопись, пока не поздно,
Взгляни на злые символы страны.
В Кремле горят рубиновые звезды,
Но их пора сменить на кочаны.

Пора бы снять трехцветистую тряпку.
Из серой мешковины - вот наш флаг!
И в герб вписать лопату рядом с тяпкой,
Коль ясно, где наш друг и где наш враг.

Нет выхода, когда в кармане пусто,
А на слуху кремлевская война.
И если б не картошка и капуста,
На паперти б сидела вся страна.

* * *

Успокоюсь ли - точно не знаю,
И не знают друзья-рыбаки...
Я ведь пленник рыбацкого края,
Всех красот у Мамина-реки.

Те края очень многое значат,
Там судьбы золотое окно.
Пятый год я ищу там удачу,
И она меня ищет давно.

Согласитесь, что это не шутка,
Не причесанный дым без огня.
Абайкан - деревенька-малютка,
Но родней ее нет у меня.

В те края при ужасной погоде
Доберусь я, закрывши глаза.
Я - бродяга рыбацких угодий,
Родников и озер, как слеза.

Там отшельничий выбор не беден,
Невелик одиночества гнет.
Там Володя Стружко, и там Федя,
И Серега там Соболь живет.

Там как будто другая планета,
Воздух свеж и цветочно пахуч.
Там мое абайканское лето -
Оно в жизни моей светлый луч.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Простой холоп и тот, кто именит,
Любя страну, не раз ей ужаснулся.
И не Дантесом Пушкин был убит,
Он затхлостью российской задохнулся.

Когда не в такт звонят колокола,
Перед глазами - ни судьбы, ни Бога.
Высоцкого не водка в гроб свела,
Его убила нравов безнадега.

Лихое время давит на виски.
Как тяжело всегда стоять у бездны!
И в мир иной уходят от тоски
В России чаще, чем от всех болезней.

Нам не впервой, молясь, идти ко дну.
Наверно, мы уже привыкли к боли.
Не бездари похерили страну,
А тот народ, что это смог позволить.

* * *

Без любви - ни минуты, ни дня, -
Эта песня еще не допета.
Потому-то, себя лишь вина,
Той, которая любит меня,
Я отдам всей души своей лето.

Без любви - жизнь вслепую пройдет,
И уже одному не согреться.
Даже небо пускай упадет,
Все равно - той, что верит и ждет,
Я отдам свое глупое сердце.

Без любви - мне не нужен покой,
Пусть меня одолеет тревога.
Я своею душой и строкой
Той, которая вместе со мной,
Все отдам, что предписано Богом.

* * *

Спасибо за все на свете:
За ночь и за прелести дня,
За то, что амурский ветер
Когда-то согрел меня.

За сказочный миг полета
Души по глухим краям,
За то, что здесь жить охота,
Спасибо моим друзьям.

Спасибо за все, что свято,
За то, что летят года,
За то, что сюда когда-то
Приехал я навсегда.

За то, что любил и верил
Без писем и телеграмм,
За то, что нашел свой берег,
Спасибо моим врагам.

Я так откровенен не был
Давно, но собрался вот...
Спасибо земле и небу,
И памяти, что не врет.

Галина Тарасова

Галина Тарасова родилась в Свободном. Жила в Иркутской области, была медицинским работником, долгое время преподавала в школе. В 1987 году вернулась в Амурскую область, живет в Благовещенске.

Галина Михайловна - лауреат многих выставок, в том числе всесоюзных и всероссийских: она большой мастер по части вышивки, вязания, корнелластики и т. д. Но в последние годы это скромное «и т. д.» вдруг вспыхнуло, засияло и затмило и вышивку, и все прочее: Галина Тарасова стала писать рассказы! Сюжеты - самые разные случаи из жизни. Испекла уже целую книгу, толстую и аппетитную, - да вот кто бы ее издал. Ау, спонсоры!..

Рассказы

Современный Робин Гуд

Дело было так. Зарезал мужик бычка и повез мясо в город продавать. В деревне у кого своя скотинка есть, а у кого денег нет... Какая там торговля?

Едет он на своей машине рано поутру - и останавливают его рядом с городом двое вооруженных пистолетами мужиков. И так по-доброму спрашивают, что это он везет и почему продать хочет? Деревенский струсил, но ответил по существу. Двое радетелей выложили ему процентов на десять больше, чем тот хотел выручить на рынке, сгрузили мясо и посоветовали мужику убраться поскорее. Мужик и в город не поехал, а повернул в свою деревню. Оглянулся и увидел, как говядина запылала, облитая бензином. С превеликим трудом до него дошло, что встретился он с друзьями заезжих торговцев, не хотевших, чтобы местные деревенские мужики сбросили рыночную цену на мясо. Ведь, когда товара много, то и цена на него падает. Видно, лишние были мужиков бычок, если его жгли. Деревенский плюнул с досады за свой никому не нужный труд и прибавил газу.

Однако за ближним поворотом раздосадованный мужик увидел уже четыре пистолета в руках друзей все тех же торговцев мясом... Остановился. Отобрали у него все бычковые деньги, благо своих не было, физиономию побили да боковое стекло вышибли. Потом двое сели к нему в машину и приказали везти в ресторан пригородного поселка. А двое остались на дороге. У них там своя машина с заляпанным номером на обочине стояла, да и дела с деревенскими продавцами еще не доделанные остава-

лись... Утро-то было раннее!

Избитый мужик сел за руль и повез грабителей, куда те сказали. На половине дороги у развилки увидели голосующего одинокого путника. Двое пригрозили шоферу, чтобы не тормозил, убьют... Однако путник показал из-под полы автомат Калашникова и гранату вдобавок. Остановились, куда денешься. Против лома нет приема... Путник спросил у шофера с разбитым лицом: «Они тебя?» Тот кивнул. А что ему, собственно, терять осталось? Путник приказал всем выйти из машины. Двоим велел стать спиной и держать руки за головой, а избитому шоферу — опустошить карманы у этих двоих. Улов был богатым... Потом голосовавший путник приказал снять с двоих брючные ремни, оторвать все пуговицы и сломать застежки на брюках. Под дулом автомата оставил этих двоих на дороге и уехал с неудавшимся торговцем.

Новый пассажир по пути рассказал вырученному мужику, что он — из афганцев, долго лечился от ран по госпиталям. Невеста вышла замуж за другого. Работы в родном краю не нашел. Посмотрел на жизнь своих родителей, ужаснулся их беспорядком... Вот и стал бороться за справедливость в одиночку.

Современный Робин Гуд отдал шоферу деньги за мясо, за разбитое стекло и ... компенсацию за синяки, а сам вышел за вторым поворотом у оставленного им в кустах мотоцикла. Лошадей в наше время Робин Гуды не держат. Да и стрелять за справедливость они готовы вовсе не стрелами...

Если хочешь быть здоров...

Служебный автобус кондитерской фабрики затормозил на красный свет. Было жарко, и, несмотря на ранний утренний час, все окна в салоне были открыты. На обочине стоял на одной ноге, придерживая велосипед, улыбающийся мужичок неопределенного возраста, Матвей Петрович. Из окон автобуса выглядывали его сослуживцы и дружно перекрикивали друг друга:

- Петрович! Цепляйся — автобус дотянет!
- Матвей! Тебе не жарко?
- Догоняй!

Светофор показал зеленый глазок, и скоро Матвей Петровича не стало видно за идущими позади автобуса машинами. Скорость у велосипеда не та, что у автобуса. Разговор по его адресу, однако, продолжался.

- Вот мужик: и летом, и зимой — все на велосипеде! Ни холода, ни жары не боится...

- Он и курить бросил... Его и пьяным никто никогда не видел!

- Говорят, он каждое утро обливается холодной водой...

- Наши бы мужики за ум взялись!

- Это ж надо так закаляться!

- Да Петрович уже втянулся: наверное, лет семь педали крутит...

- Точно! Сразу после ваучеров начал...

Родной брат Матвея Петровича, живший с ним в большом родовом дедовском доме, подводя черту под обсуждением достоинств показательного родственника, дурашливо запел:

- Если хочешь быть здоров, закаляйся!...

Автобус въехал на территорию фабрики. На проходной дежурило всего два вахтера. Зато в конце смены их набиралось вдвое - втрое больше: борьба с несунами велась строгая. В цехе можно было есть сладости сколько хочешь, а вот вынести даже помятые бракованные конфеты для своих детей и домочадцев не позволялось. Таков был заведенный порядок. А много ли съешь, если все уже давно приелось?!

...После смены Матвей Петрович быстро проходил за ворота со своим велосипедом, ни карманов, ни сумки у него никогда не было. Его брат садился в служебный автобус на десять минут позже, когда вахтеры заканчивали осмотр сумок и карманов тружеников кондитерки. Так что в свой двор братья заявлялись одновременно.

Велосипед осторожно заносили на крытую веранду, там аккуратно скручивали заглушку с наклонной трубы самодельной велосипедной рамы и доставали ровно два десятка яиц. Вот уже лет семь вся семья завтракала яичницей и плевать хотела на все задержки зарплаты!

Если хочешь быть здоров...

Детективная бабка

Бабка жила одна. Времени было много, девать некуда! У всех своих знакомых и соседей она выпрашивала почитать детективные романы. Читала она без очков и очень быстро, книжки возвращала в полной сохранности. Поэтому иногда соседи сами предлагали ей почитать новое свое приобретение, чему она безмерно радовалась... Бабка смотрела все детективы по телевизору и чуть ли не после первых титров фильма угадывала, чем он закончится. Но все равно смотрела фильм, не отвлекаясь даже на приход в гости своих товарок. Такое уж хобби было у одинокой бабки!

Каждый из нас имеет какие-то пунктики, но у бабки явно с мозгами было что-то не то. Однажды ее увезла к себе в гости на лесную пасеку троюродная племянница. Ни книг, ни телевизора там не было. Зато был прекрасный чистый воздух, родниковая вода, мед, свежие овощи, грибы, ягоды, парное молоко и свежие яйца...

Через неделю бабка почувала, что ей чего-то не хватает. В ее голове был какой-то туман. И не сказать, что у нее болела голова, просто туман, да и все! Бабка маялась несколько дней до того, пока случайно ей не попала в руки старая газетка с кроссвордом. Бабка поразмышляла над ним... и в ее голове появилась полная ясность! И тут она поняла, что ее мозги требовали постоянной умственной нагрузки. Если ей не о чем было думать, то появлялся беспросветный туман.

Еще бабка любила ходить в магазины... и смотреть, как там обсчитывают клиентов. Мозги у бабки считали не хуже калькулятора. Стоило один раз ее обсчитать, как она начинала ходить в тот магазин систематически, пока не определяла, кто из продавцов или кассиров больше всех крадет у покупателей и своих хозяев.

В те времена, когда в моде были шиньоны и высокие женские прически, а бабку еще называли женщиной, молодая соседка-продавщица заплакала ей, что, работая бригадно в продовольственном магазине, не успевает выплачивать недостачу. Продавщица жаловалась, что никакие самодеятельные обыски и проверки не могут поймать вора. Кто-то один крадет, а все выплачивают из своего кармана. «С этой коллективной ответственностью хоть из магазина беги!» Бабку все это очень заинтересовало. Магазин был рядом с ее домом. И она взялась за расследование.

Сборщики

Дело было ранней весной. Неразлучным друзьям Павлу, Федьке и Аркашке предложили необычную шашку: помочь собрать в лесу березовые почки. Владимир Сергеевич, главный врач участковой больницы, был веселым, шептунным и легким на подъем. Отдыхать с ним было — одно удовольствие! Но при всем этом доктор писал какую-то очень серьезную научную работу про лекарственные свойства русской белоствольной березы. Приятели вместе с семьей главврача на стареньком больничном автобусе выехали на природу. Врачебное семейство осталось отдыхать у костра на берегу речки. А друзья повесили себе на шею стеклянные аптечные узкогорлые банки в белых чехлах и отправились ошмыгивать набухшие смолистые почки.

Длиннорукий Павел своими «граблями» быстро наполнил банку и стал уминать почки, чтобы было куда еще класть. Не сидеть же без дела, пока другие работают!

Аркашкины руки были просто детскими по сравнению с Пашкиными, но он был таким шустрым, что его банка тоже быстро заполнилась.

А вот у Федьки дело не двигалось. Да он и не шибко-то старался! Уж он-то уминать эти липкие почки и не собирался! Наоборот, умелец прикрывал свою банку при-

Через неделю все для нее стало ясно: воровала кассирша, сидящая на выходе. Она подсчитывала сумму за приобретенные продукты совершенно правильно, сдачу тоже выдавала до единой копейки, а вот в чеке пробивала всегда намного меньше, чем нужно. Периодически она брала в руки крупную купюру, скручивала трубочкой и ... втыкала в свой шиньон. Магазиновые доморощенные сыщики проверяли сумочки, карманы, штанишки и лифчики у сотрудниц, а вот причесать коллег по работе никому и в голову не приходило.

По бабкиному наущению они все вместе чесали кассиршу, и та после этого чесания шиньон не носила, потому что его прицепить было не к чему, а надевала парик. Да и работала с тех пор вахтершей в каком-то общежитии, а вовсе не кассиршей. И шиньон ей был совсем ни к чему...

Однажды, сравнительно недавно, бабку вздумали обсчитать на сдаче. А перед ней неправильно дали сдачу другой покупательнице. Бабка ехидненько спросила у продавца-кассира, неужели ту не учили обсчитывать через одного покупателя, а не всех подряд? Кассирша зыркнула глазками, фыркнула и выдала сдачу полностью. Но через два дня бабка наведальась в тот же магазин — и ее мало того, что обвесили и обсчитали, так еще и чек выбили на меньшую сумму.

Бабка попыталась найти владельца магазина, но тот приезжал только к закрытию, чтобы забрать наличность. Другие аспекты работы магазина его пока абсолютно не интересовали, краж он не замечал и об имидже не беспокоился. Магазин закрывали тогда, когда бабка смотрела свой очередной детектив по телевизору. Так что дожидаться магазинного владельца ей было не с руки.

Поэтому она взяла и написала восковым карандашом на входной двери в магазин: «Люди, будьте бдительны! Обсчитывают!!!» Через день надпись стерли. И бабка написала ее еще раз. А потом работники стали приглядывать за магазинной дверью, чтобы поймать хулиганов. Бабка на повышенной скорости стала ставить просто одни восклицательные знаки.

Так что, если увидите три восклицательных знака на входной двери в магазин, не теряйте бдительность, ибо там уже побывала детективная бабка.

тертой пробкой, переворачивал ее и тряс, чтобы почки не слипались и их казалось побольше... Федька углядел, что Владимир Сергеевич осторожно ставил в кабину сумку с пузатыми дозированными пятисотграммовыми бутылками с медицинским спиртом. Ему не терпелось выпить. Он знал, что ребяташки главврача дружно ловили рыбу на уху, а его супруга варила в большом котелке кулеш из говяжьей тушенки и гречки. Федька в последний раз потряс перевернутую банку с почками и заявил, что пора идти на стоянку. Приятели не возражали.

Главврач, увидев подходивших к костру сборщиков, похвалил их за быструю работу и достал из кабины сумку с бутылками. Федька непроизвольно сглотнул слюну. Владимир Сергеевич осторожно взял одну бутылку, неторопливо развязал толстую шелковую ниточку, снял с горлышка белую бумажку и пробку, взял у Павла его банку и стал заливать березовые почки. Тот спирт, что остался в пузатой бутылке, он отдал Павлу. Федька замороженно следил за руками главврача. Владимир Сергеевич распечатал вторую бутылку, залил Аркашкин сбор и тоже отдал оставшийся спирт сборщику. Спирта у Аркашки оказалось значительно меньше.

Федька удивленно воззрился на спирт в руках приятелей, глянул на свою банку, где коварные почки успели утрястись по дороге и бесстыдно открыли чуть ли не половину стекла. Развернулся и рванул обратно в лес. Набивать березовыми почками до отказа свою посудинку.

На границе будь бдителен!

На высоких столбах поперек улицы Ленина висел огромный транспарант: «Ты живешь на границе, будь бдителен!» Город находился в закрытой пограничной зоне. Приехать сюда можно было только по специальным пропускам, выданным милицией на гербовом бланке по вызову постоянных жителей погранзоны. В деревнях транспаранты про бдительность и границу на замке вывешивали только по праздникам, там и без лозунгов жители знали не только друг друга, но и всю ближнюю и дальнюю родню каждого односельчанина.

Пришла перестройка, и пограничный режим дал послабления. Китайцы из сопредельной стороны дальневосточного региона разъехались по торговым делам до самых западных границ СНГ. Территорию бывшего Союза они заполнили основательно. Трое граждан Китая решили под ералаш перестройки проникнуть дальше в Свободный Мир. Произошло это неподалеку от русской деревни.

Заводу, на котором работали наши шутники Пашка, Федька и Аркашка, там выделили огромный массив под сады. Пашка выпросил у завгара маленький заводской трактор, навесил к нему плуг и борону, которые ему ссудил напрокат за ящик водки деревенский родич. Приятели взяли в одно время отпуск, чтобы пахать и обустраивать свои участки.

Естественно, соседи стали просить Пашку помочь им, ибо копать целинные луга вручную было тяжело. Калым наклевывался богатый. Приятели решили не упускать такую шабашку. С вечера договаривались, кому из заводских будут пахать огород, приезжали с утра и попеременно пахали соседние участки. Уезжали с калыма поздно, почти по темноте. Весенние садовые работы на лето или осень не отложишь!

Но этот день выдался ветреным и холодным, небо заволокло тучами, новых заказчиков не было. Аркашка на своих выигранных в лотерею «Жигулях» уехал еще в обед. Пашка с Федькой сделали все намеченные дела и поехали домой на тракторе часов в пять вечера.

По дороге они заметили три подозрительные личности, которые прятались в кустах. Воровать на голых садовых участках пока было нечего. Поэтому Федька авторитетно заявил, что это — нарушители границы, а не воры. Приятели решили действовать самостоятельно. Они приготовили газовые баллончики, которыми обороняли свой дневной заработок, остановили трактор, сошли с него — под предлогом малой нужды — и стали бдительно выжидать.

В кустах пошептались, и из них показалась женская фигурка. Трактористы насторожились и мигом кое-что спрятали. Раздался негромкий голосок: «Друзья! Помогите, мы тадим доллара!» Калымщики переглянулись и пошли на переговоры. Китайцы просили перевести их на сопредельную сторону, в Свободный Мир, и обещали за

Пашка с Аркашкой недоуменно смотрели ему вслед. Владимир Сергеевич заразительно захохотал, уселся на бугорок, потом свалился на спину и стал сучить ногами. Приятели посмотрели на развеселившегося главврача, на бутылки с остатками спирта в своих руках и тоже довольно заржали.

каждого переведенного по тысяче долларов. Упустить такой заработок было глупо! Пашка с Федькой переглянулись и согласились. Китайцам наказали ждать их тут же около полуночи.

В полночь Пашка с Аркашкой подъехали к знакомым кустам на «Жигулях», забрали китайцев и повезли их по проселочным ухабам к государственной границе. Ехали с потушенными фарами в кромешной тьме четверть часа и еще минут пять шли пешком в полном молчании. С оглядкой и остановками подвели китайцев к контрольно-следовой полосе и колючей проволоке на полосатых пограничных столбах. Из кустов, коротко мигнув фонариком и осветив погранограждения, вышел пограничник в камуфляжной форме. На шее у него болтался легкий сверхсовременный автомат. Приятели пошептались, взяли с нарушителей обговоренные зелененькие и показали, куда идти. Сказали при этом, посмотрев на свои часы, что у них еще в запасе четырнадцать минут, когда пограничников не будет ни с этой, ни с той стороны.

Все молча разошлись...

Китайцы осторожно проползли под приподнятой на грабли колючкой, потом по доскам, проложенным над следовой полосой, и ползли по-пластунски еще метров двадцать. Стражей границы действительно не было. Довольные нарушители в усиленном темпе прошли пятнадцать километров по едва видимым из-за туч звездам. В утреннем свете увидели впереди небольшую деревню. Какая-то хозяйка выгоняла корову на скудное пастбище. Чтобы обойти полицейский пост, китаянка подошла к ней и на хорошем английском языке спросила, где у них полиция.

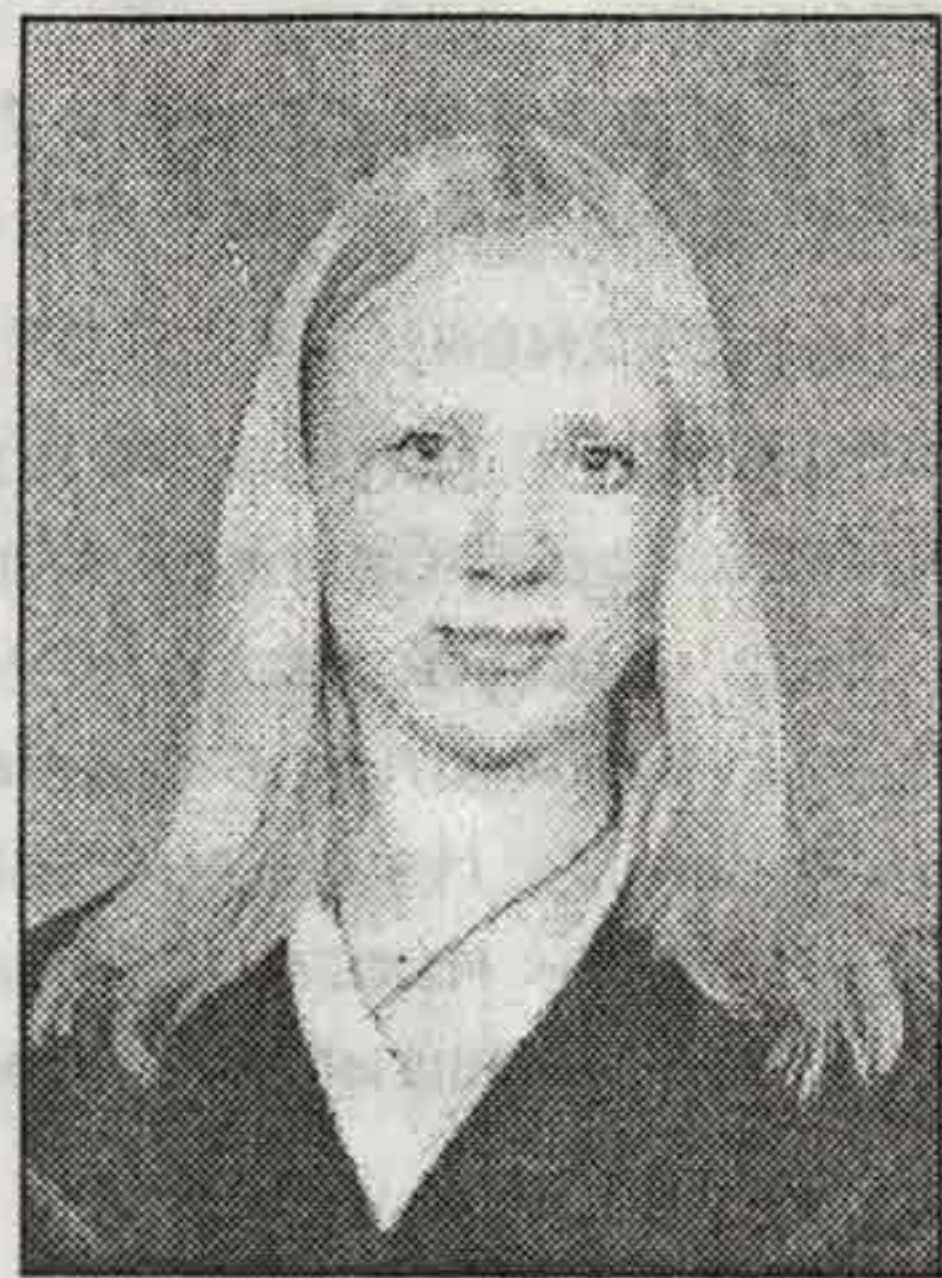
Женщина ничего не поняла и спросила по-русски, что китаянке надо. Та повторила вопрос на приличном русском языке. Деревенская женщина рассмеялась: «Полиции, милка, у нас отродясь не было, а участковый уехал третьего дня в Петровку, на свадьбу к свояку».

Китаянка пискнула, как суслик, и застыла столбиком: это не было Свободным Миром! Это было все той же Россией... Нарушители границы дружным трио запели и залопотали на своем китайском. Должно быть, они срочно обсуждали содержание городских транспарантов и лозунгов, и до них только сейчас начал доходить их смысл.

Жители погранзоны не теряли бдительности никогда! Граница оставалась на замке, а вот иностранные доллары перешли-таки через нее в вечно пустые русские карманы. Свою собственную «государственную» границу вместе с временным мостком через контрольно-следовую полосу приятели соорудили всего за три часа аврального труда... И ничего в этом нет удивительного: они ведь за наличные работали, по тысяче зелененьких на нос, а не за обещанные в необозримом будущем деревянные рубли. И за прокат игрушечного автомата им не жалко было купить Федькиному племяннику хоть средневековую пушку с ядрами!

Светлана Шевченко

Светлане Шевченко 17 лет. По отчеству она Тарасовна. А папу зовут, представьте себе, Тарас Григорьевич Шевченко. То есть, возможно, это он и написал «Рече та стогне Днипр широкий» (впрочем, мы не успели уточнить). Но сама Света стихи пишет. И прозу тоже. Публикуемая подборка - наш подарок Тарасовне в честь окончания ею в этом году школы.

Когда пушистая снежная вата
Крыла улицы и дома,
Глаза моргали подслеповато,
Щурясь в морозных узорах окна.

Глаза дивились веселым детям,
Глаза жалели бездомных собак,
Они иногда озарялись светом,
И кашель надрывный бился в кулак.

Однажды глаза пропали надолго...
А время прошло - и чья-то рука
Окно задернула ситцевой шторкой.
Так не стало глаз старика.

Обрывки фраз...
Стена непонимания -

преграда на пути.

Ее не обойти,

не перепрыгнуть,

под ней не проползти,

Но надо же пройти!

Никак?

Какой пустяк...

Осколки глаз -

разбитый светофор.

Держите!

Вор!

Украл покой!

Какой?

Твой?

Мой?

Ничей?

Тогда швырнем в ручей

С размаха

и свидетелей,

и воров...

Рвань лоскутов -

подержанные чувства.

Бездомные,

их драные носки

подохли от тоски:

ни грамма ласки -

ласка - сказки!!!

И режут улицы наш город на куски,

А снег, как соль,

несет на раны боль...

Удушливые сны

убьют хранителей казны.

Их позы

каменные

И речи

пламенные -

В музей!

На память

для друзей

и для потомков...

МАМЕ

Словом можно ударить,
Словом можно погладить
По головке, как будто рукой,
И простить за разбитую вазу,
За разрушенный мамин покой.

Опиши мне любовь,

Ты же видел ее!

Ну, говори!

Не ври!

Смотри:

Уже воронье

Ждет зерно твоих слов.

Среди клювов и ртов -

Мой.

Тайну открой!

И я белой вороной

Из черной стаи

Пойду в оборону

Вперед грудью из брони

И стали.

В первых рядах

На свой риск и страх

В защиту любви...

Лишь не ври!..

Ирс Б.

По ночам ты, наверное, спишь

Или грустишь

У окна

Одна.

Вынимаешь, гадая, карту,

Ищешь правду,

Но как ни кладешь -

Ложь.

Да какое мне дело?

Твое тело -

Тебе и ему

Одному.

По ночам, я надеюсь, ты спишь...

ДАР БУДУЩЕГО

Будущее за дверью.

- Кто там? - оттягиваю момент встречи, не хочу ему открывать, а вдруг оно страшное! Но для него не существует ни дверей, ни границ, а мой вопрос - всего лишь уловка, причем бесполезная. Оно входит и ухмыляется. Мы привыкли: я - прятаться, Будущее - находить. Это оно хозяин, а не я. Странно, я до сих пор не могу привыкнуть.

- Ну, что у тебя там? - киваю на мешок внушительного размера за спиной гостя. И тут же язвлю: - Счастье, здоровье, богатство? - Взрослые часто нашептывали, что когда-нибудь Будущее обязательно одарит и меня, и всех остальных тем, о чем мы втайне мечтаем.

На лице Будущего - пренебрежительная усмешка. Оно отрицательно кивает головой, бросает ношу на пол. По коже проносятся мурашки: в мешке что-то зашевелилось. Что-то не то, не так... Боюсь! Бросает то в холод, то в жар. Не хочу! С трудом выдавливаю:

- Что это?

Будущее - мстительно:

- Любовь!

Виталий Останин

Виталий Останин родился в 1977 году. Благовещенец. После армии работал милиционером, бомжей к порядку призывал. Без отрыва от этого занятия начал писать повести и рассказы, не убоившись, что писательство в наше время - один из путей в те же бомжи. Слава Богу, обошлось: сейчас Виталий - корреспондент «Амурской правды».

Наш альманах напечатал в 1997 году первый рассказ, а в 1998-м - первую повесть Виталия. Он много печатался в газете «Молодежка». Его основной жанр (пока) - фантастика. А еще - детектив (из ментов же сам-то, как-никак).

Рассказы

ОБИТЕЛЬ НЕРОЖДЕННЫХ

Я расскажу вам про Обитель Нерожденных. Вы ни разу не слышали об этом месте, только, может быть, иногда вспоминали о нем в снах. Вы все пришли оттуда, вы все вернетесь туда. К сожалению, вы забыли об этом, лишь единицы помнят или догадываются о существовании Обители. Я один из немногих.

В том месте живут светлые тени. Одни уже рождались когда-то, другим только предстоит сделать это. Там всегда звучит Музыка. Она зовет, просит, любит и прощает. Живущих в Обители не тяготит Время. Оно не нужно им. Время - для людей, забывших об истинном смысле жизни - Любви. А для Любви нет времени.

Я жил там. И она жила там. Мы всегда были вместе, и ничто не могло разлучить нас. Даже рождение. Для нее оно было первым, для меня нет. Она не боялась. Когда подошло ее время выполнить Закон, она сказала, что будет ждать меня. Я ответил, что найду ее. И она ушла.

Вскоре родился и я. История моей жизни от момента появления красного, звонко кричащего младенца до принятия мной первого самостоятельного решения не будет поведана здесь, ибо не может интересовать кого-либо, кроме моих родителей. Кто захочет слушать рассказ о мокрых пеленках и появлении первых зубов? Ведь все вы сами когда-то прошли через это. Достаточно будет поведать, что тот малыш, которого еще до рождения решили назвать Игорем, вырос и покинул родительское гнездо.

Тогда шла война. Какая именно и из-за чего - тоже не стоит объяснять. Все войны похожи друг на друга, как в причинах, так и в следствиях. Отличаются они только количеством людей, принимающих в них участие, да постоянно растущей мощностью вооружения. Войну мож-

но назвать освободительной, но от этого она не перестанет быть войной. Будут так же умирать и убивать себе подобных солдаты, матери будут оплакивать своих сражающихся друг с другом сыновей. Война - страшное в своей глупости явление, и глупцы те, кто считает, что война - естественная стихия человека.

Я был на войне. Сражался, убивал, калечил. Я был простым человеком, забывшим истину. Я стоял на границе. Сотни тысяч людей вокруг меня занимались тем же и по той же причине - они не помнили. И я, и эти сотни тысяч людей - мы думали, что живем. Враг бежал, мы наступали. Но потом я нашел ее.

Я не знал еще, что это она. Только когда она, одетая в форму сестры милосердия, склонилась надо мной - смертельно раненным и с каждым вздохом отдаляющимся от жизни, и, желая утешить, заглянула мне в глаза, только тогда я узнал ее. Я уже видел ее, несколько раз говорил с ней, но, только находясь при смерти, вспомнил. Она тоже узнала меня.

- Я ждала тебя, - сказала она.

- Я нашел тебя, - сказал я.

Она заплакала. Мне тоже было больно, но я уже снова знал, что времени нет. Есть только Любовь. И Музыка. И Свет.

- Я буду ждать тебя, - сказал я.

- Я найду тебя, - сказала она.

И я умер.

Теперь я вновь нахожусь в Обители Нерожденных. Я жду ее. И знаю, что она найдет меня, когда вернется. А время... Времени нет.

ПОЕДИНОК

Они были очень похожи друг на друга. Высокие, стройные, подвижные. Оба - смерть во плоти. Они стояли друг против друга, готовые убить или умереть, а ветер играл их льняными волосами. Злое солнце полудня раскалило песок площадки для боя, и фигуры бойцов в зыбком мареве казались призраками.

Голос медного гонга. Неожиданный, противоестественный в этой напряженной тишине. От него вздрогнули заполненные зрителями трибуны. Он объявил о начале поединка. До сих пор неподвижно стоящие бойцы шагнули навстречу друг другу, коснулись их сухие ладони - и трибуны взорвались довольным ревом.

Движения - как ритуальный танец. Красивые, загадочные, смертельные. Из звуков - только учащенное дыхание поединщиков и свист рассекаемого ими воздуха. Трибуны затихли, ожидая развязки.

По их лицам стекал пот. И кровь. Смешиваясь, влага падала на взрытый ногами горячий песок и коротко, неслышно шипела. Злесь.

Время остановилось. Два человека кружили в бессмысленном своем танце, зрители, разинув рты, внимательно следили за их кружением, равнодушно палило солнце. Что-то случилось, чего никто не заметил. Прервался танец - внезапно один боец упал. На его мокрой груди отпечатался след босой ступни противника, углы губ сочились кровью.

Трибуны ритмично скандировали. Какое-то слово выкрикивали они. Победитель, стоящий над поверженным противником, оглядывался. Будто искал кого-то глазами... И нашел - коротко, незаметно кивнул. Собрал в замок две могучие кисти, поднял их над головой и резко опустил на беззащитное горло лежащего. Затем кисти

снова поднялись, уже в крови. Человек гордо показывал их зрителям...

Узкий серый палец, лишенный суставов, утопил кнопку на панели проектора. Экран, показывающий беснующиеся трибуны, мертвого и живого поединщиков, дрогнул и пропал. Ээта Ма протянул свою верхнюю конечность и вынул из прибора крошечный серый диск. Убрал его в один из множества карманов на своем комбинезоне и, обращаясь к собеседнику, спросил:

- Каково ваше мнение, Наделенный Пониманием?

- Мне они показались разумными, Скиталец, - ответил Аааку Ри. - Возможно, это только зарождение Разума. Информация скудна, чтобы делать выводы. Но ведь это не все?

- Это искра от пламени, Видящий Многое. Эту запись я специально показал вам первой.

- Интересное зрелище. Это что-то вроде ритуала?

- Мне тоже так показалось.

- Интересно.

- Интересно другое, Умеющий Слушать. Прежде чем высадиться на Терру - аборигены так называют свою планету, - мой отряд провел изучение ее из космоса.

- Вы интригуете меня, Знающий Больше. Что же вы обнаружили?

- Много заставляющего задуматься. Например, из недр

МЕЛОЧИ

Сначала выкорчевали лес. Потом там прошли трактора, содрав железными своими лопатами весь дерн. Следом пришли люди со сложными приборами на длинных штативах. Выровняли очищенную от деревьев площадку. Экскаваторы вырыли котлован, подъемные краны спустили туда железные блоки. На все это ушел месяц. Фундамент был готов.

Еще два года шло строительство. Две зимы и два лета. Иногда оно прерывалось из-за нехватки стройматериалов, но затем снова возобновлялось с новой силой. На строительной площадке появились вагончики-теплушки на колесах - для сторожей. Множество простых и сложных механизмов было призвано облегчить человеческий труд. Месился бетонный раствор, краны поднимали строительные конструкции все выше и выше. Рабочие вместе со сторожами пропивали рубероид и цемент, да забивали «козла» в рабочее время, прорабы матерились. Начальник объекта матерился еще больше. Один рабочий сломал на строительстве руку, другого уволили за пьянство. Все как всегда.

Потом строительство закончилось, а еще через месяц в новый дом въехали новоселы. Кто-то из них получил квартиру слишком высоко, кто-то слишком низко, кто-то заделывал оставленные строителями огрехи, но в целом все они были довольны.

И никто из них не знал о развороченном при подготовке стройплощадки муравейнике, о разрушенных птичьих гнездах. Некоторые помнили - раньше на месте дома стоял лес. Теперь его нет. Кому какое дело? Да и волнуют ли людей подобные мелочи?

* * *

Утром первого апреля 2002 года инженер Артем Серебряков и старший лейтенант Евгений Нарольский вышли из подъезда на улицу. Они пожали руки, а потом Серебряков глянул на небо.

- Хорошо сегодня будет.

Евгений тоже поднял голову, но не для того, чтобы убедиться в предсказании соседа, а напротив - опровергнуть его утверждение. Они были друзьями детства и не

планеты выкачано более восьмидесяти процентов всех природных ресурсов и полезных ископаемых. Разрушенные города, в которых живут только дикие животные, различные предметы - все свидетельствует о цивилизации, способной к космическим перемещениям. Это подтверждается также найденными на спутнике Терры предметами явно планетарного происхождения. И при этом - ритуальные убийства.

- Возможно, их система ценностей сильно отличается от нашей?

- Я разведчик, а не Делающий Выводы. Но мое мнение несколько иное.

- Вы имеете право на это.

- Мне кажется, что эта раса уже прошла пик своего развития и теперь деградирует. Возможно, на столь низкий уровень цивилизации их отбросила война. У меня есть снимки больших кратеров на Терре. Они похожи на следы применения очень мощного оружия.

- Было бы интересно увидеть, Узнающий Первым. - Аааку Ри сел на эластичный гриб.

- Сейчас. - Ээта Ма вставил в проектор другой диск, и на возникшем экране появилось изображение огромного кратера. Земля в нем была оплавлена, и на много километров вокруг него простиралась черная пустыня... Два больших кальмара, представители недавно вышедшей в космос расы, сидя у экрана, смотрели на место, где когда-то стоял город Москва.

упускали ни одного случая, чтобы не подтрунить друг над другом. Щуря глаза в поисках хотя бы крошечной тучки, Евгений вглядывался в прозрачную бирюзу неба, но видел лишь одинокую черную точку-птицу. Ничего. Уже готовясь опустить глаза и признать правоту друга, он вдруг округлил глаза и севшим, без интонаций голосом, сообщил:

- Смотри - НЛО...

- С первым апреля, Женя! - усмехнулся Артем, ожидавший чего-то подобного.

- Да нет, правда! Глянь! - настаивал Евгений.

«Ведь врет, собака», - подумал Артем и поднял голову. Тут же и выдохнул восхищенно:

- Ого!

С неба спускался космический корабль. В том, что это был именно космический корабль, никаких сомнений быть не могло. На это указывало все: начиная от неземного блеска металла и заканчивая невозможным для человеческих летательных аппаратов способом спуска.

Он был похож на синий, отливающий оранжевым параллелепипед, состоящий из огромных, около ста метров в поперечнике, труб, соединенных между собой ослепительным светом. Дюз, сопел, или каких-либо других признаков двигателей видно не было - параллелепипед опускался совершенно бесшумно. При этом, однако, какая-то сила, двигавшая этот колосс, сотрясала вибрацией все стекла в домах небольшого поселка.

Корабль завис над землей в полукилометре. Восемь источников света выпустили в разных направлениях яркие оранжевые лучи. Один из них лизнул стену пятиэтажного кирпичного дома и зацепил стоящих у подъезда мужчин. От страха они съежились, но затем обнаружили, что ни они сами, ни дом ничуть не пострадали.

- Изучают... - со знанием дела произнес Серебряков. Нарольский ничего не сказал, только кивнул согласно.

Другие лучи, испускаемые параллелепипедом, таким же манером изучили воду в маленьком озере, деревья, собаку, спящую на газоне, сам газон, асфальтное покрытие дороги и машины, по этому покрытию едущие, - в общем весь поселок и прилегающие к нему территории.

Повисев некоторое время, корабль вобрал в себя лучи

и так же неспешно, как спустился, улетел. А местные жители — стоящие у подъезда Серебряков и Нарольский, высунувшиеся из окон женщины, замершие по дороге в школу дети — еще какое-то время смотрели в небо.

- Ты понимаешь, что это значит? — спрашивал Серебряков и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, кричал:

- Это же контакт! Мы... да что там... весь поселок видел НЛО. Они изучали нас! Ты понимаешь это?

- Ага, — без восторга ответил старший лейтенант Нарольский, направляясь к остановке. Воодушевления, подобно своему другу, он не испытывал, зато хорошо помнил свои ощущения, когда оранжевый свет коснулся его. Будто голого его поставили на центральной площади, а руки завязали за головой. И все проходящие рассматривали его, словно коня. Как забавное насекомое.

- ... сегодня-завтра они вступят с нами в контакт! — продолжал радоваться Артем. — Ты представляешь, что это значит для человечества? Это же здорово!

- Ага, — снова откликнулся Евгений. И добавил, неизвестно зачем, любимое выражение своей младшей сестры:

- Супер.

* * *

Контакта не было ни на следующий день, ни на третий, ни на четвертый. Зато все средства массовой информации планеты в эти дни кричали, вопили и трубили о появлении в разных уголках Земли неопознанных летающих объектов. Одни говорили о долгожданной встрече с братьями по разуму, другие — об инопланетном вторжении. Военные стали приводить в действие новейшие сверхсекретные разработки оружия. Было создано несколько сотен фан-клубов пришельцев, выдающиеся ученые мира доказывали кто невозможность появления инопланетян, а кто неизбежность их появления. Кое-кто принял весть о появлении загадочных параллелепипедов за знак о конце света.

На пятый день инопланетяне тоже не вступили в контакт с земной цивилизацией. Зато произошло кое-что другое. Начали исчезать дома. С людьми и без них. Они не взрывались, не проваливались сквозь землю. Они просто растворялись в воздухе — только что стоявшие нерушимо и внушительно. Люди тоже пропадали: на работе, в школе, на улице. Пропадали заводы, общественный транспорт и автомобили. Целыми лесными массивами исчезали деревья. Пропадали реки и озера, даже трава растворялась в невидимом, идущем с востока Ничто, оставляя после себя землю, лишенную даже насекомых.

Ничто двигалось на запад. Превратились в пустыню Дальний Восток, Сибирь. Таинственное бедствие неумолимо подбиралось к Центральной Европе. Ученые всего мира ломали головы над этой загадкой, их теории и гипотезы походили больше на бред, чем на размышления умных людей. Службы спасения работали, как каторжники, пытались спасти хотя бы людей. Но безуспешно. Подходило время — и исчезал новый участок территории вместе со всем, что находилось на ней. Россия, Украина, Прибалтика, Польша, Германия, Бельгия, Франция. Страшная катастрофа не знала границ.

Люди гибли в давке, пытались пробиться на корабли, покидающие порты Европы и Азии. Толпы в аэропортах

напоминали о вавилонском столпотворении. Во время большой беды забылись старые распри и межнациональные конфликты. Как звери во время пожара в лесу забывают о наследственной вражде хищников и травоядных.

Через неделю континент Евразия был пуст. Не было больше грешной Москвы, сонного Томска, любвеобильного Парижа и сумасбродного Мадрида. Исчезли величественные дворцы арабских шейхов и убогие хижины их подданных. Канули в неизвестность египетские пирамиды, а с ними и их загадка. Не было больше ажиотажа турецких рынков, пропало превышающее миллиард человек население Китая.

На два дня наступление всепоглощающей пустоты остановилось. За эти два дня мировое сообщество с облегчением вздохнуло, а кое-кто даже решил, что на этом дело и остановится. Всем, конечно же, было жаль холодную Швецию и непонятную Россию, но ведь своя-то рубашка ближе к телу. Мы-то живы, говорили живые, и были правы. Жизнь жизни, смерть смерти.

Но на третий день пропала Аляска. Еще за два дня сгинула Канада. За такой же срок опустела земля «Великой Свободной Страны». Потом канула в Никуда вся Южная Америка. Следом Африка, за ней Австралия, и даже ледяные пустоши Арктики не минула чаша сия.

Спустя месяц, когда тишину некогда шумной планеты не нарушало дыхание ни одного человека, на землю опустились шесть параллелепипедов. По одному на каждый материк. Странные машины выползли из чрева инопланетных кораблей и сразу же принялись за работу. Размечалась земля, диковинные конструкции возникали на ней, через моря и океаны перебрасывались мосты неописуемой красоты. Небо украшалось хрусталем. Насекомообразные механизмы вгрызались в земную кору, проникали в самое сердце планеты и там подключали все земные сооружения к практически вечному источнику энергии.

* * *

Много времени минуло с тех пор. Неизвестно, сколько по земному летоисчислению. Не было людей — они сосчитали бы. По всеобщему общегалактическому временному стандарту, прошло всего три четверти осознания. За это время на Земле снова появилась жизнь, но не та, что была известна прежним ее обитателям. Летали прозрачные животные, ящеры с мелодичными голосами грызли вопящие камни, а с наступлением темноты звучала неслышная музыка, радующая души. Климат планеты тоже изменился, теперь он не зависел от климатических поясов, а представлял собой нелепую, с точки зрения человека, мешанину. Рядом с жаркими и влажными тропиками мирно соседствовали лютоморозные степи или вообще — пропитанные радиацией районы.

Тысячи различных представителей разума жили в специально отведенных для них зонах. Не все были довольны друг другом, но все были счастливы тем, что получили дом в перенаселенной Галактике. И никто из них, начиная от огнедышащих саламандр и кончая колонией насекомых с единым разумом, не знал о разрушенных при расчистке стройплощадки культурных и научных достижениях молодой, неизвестной Галактике, цивилизации. Да и волнуют ли галактическое сообщество такие мелочи?

Инга Соколова

Творчество Инги Соколовой впервые предстало взору редакции альманаха в 1998 году. Оно являло собой тетрадку, аккуратно исписанную стихами и разрисованную всякими цветочками и картинками. Картинки были хорошие. Но стихи - Инга, только не обижайся! - на-амного лучше. Их-то мы и напечатали в «Приамурье-98». Нынче снова так делаем.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Приходи на чай
невзначай.
Все равно ты придешь вовремя -
во время
нашего
обеда.
Поэтому захвати и ложку.
Приходи,
ложка дорога к обеду.

С кресла мы сгоним кошку -
для тебя.
Позовем веселого соседа
и будем целый день
болтать
о чем не лень.
Выйдем на улицу,
языки повесим на плетень,
может, еще с кем
получится разговор завести.

Приходи,
будет весело.
Соседа пошлем за баяном
и станем орать песни,
выдавая фальшивые ноты.
Но у нас все равно
что-то да получится:
мы ведь вместе.

А ночью
узлом затянем
крепкие язычки
и будем молчать,
и долго-долго смотреть
на звездное небо.
Поэтому
приходи на чай,
приходи.
И не забудь ложку.

Наша любовь на нитях нищей зарплаты.
Нет своего угла,
а любовь требует палаты:
палаты белокаменной, просторной.
Закрой глаза и веруй,
что так оно и есть:
хоромы богатые,
холодильник, забитый продуктами.
Куда нам до спальни!
Это если сыто и одето,
то можно и любить,
и добрым быть - в меру.

Поцелуй в ночной прохладе.
Последний рубль на полхлеба.
Легко так смотреть на небо -
терять ничего не надо.
Сбросил ботинки,
промокшие в дожде, -
и лети...

Я настроила чувства на высокую ноту.
Я внесла в твою радость ледяную улыбку.
Ты решил не остаться и, не попрощавшись,
растянув еще дальше оголенные чувства,
ты ушел.

Плакать или смеяться?!
В припадке бешенства.
Все простила обиды.
Позабыты все слезы.
В голове мысли-ссадины.
А сердце - замерзло.

Рвутся, рвутся, рвутся
листья к небесам,
падают к ногам
и молят о пощаде.

Золото листвы
неважно сапогам.
Небрежно сапогом
растопчется в пыли.

Хватит песни петь печальные,
хватит в городе ночном
для себя искать заклятия,
оставляя нищим дом.
Нам бы вместе оставаться бы,
не кричать белиберду.
Вот! - накликали нечаянно
одиначества беду.

Приходи, когда устанешь ты
в неуютности своей.
Я достану два стакана
и налью густющих щей.
Будем песни петь мы звонкие!!!
Будем!
Будем.
Будем ли?..
Мы любви червонец скомканый
разменяли на нули.

Вернешься - и я стану праведной,
молчаливой, послушной рабой.
Я нечаянным словом ограблена.
Ты ушел, да и Бог с тобой.

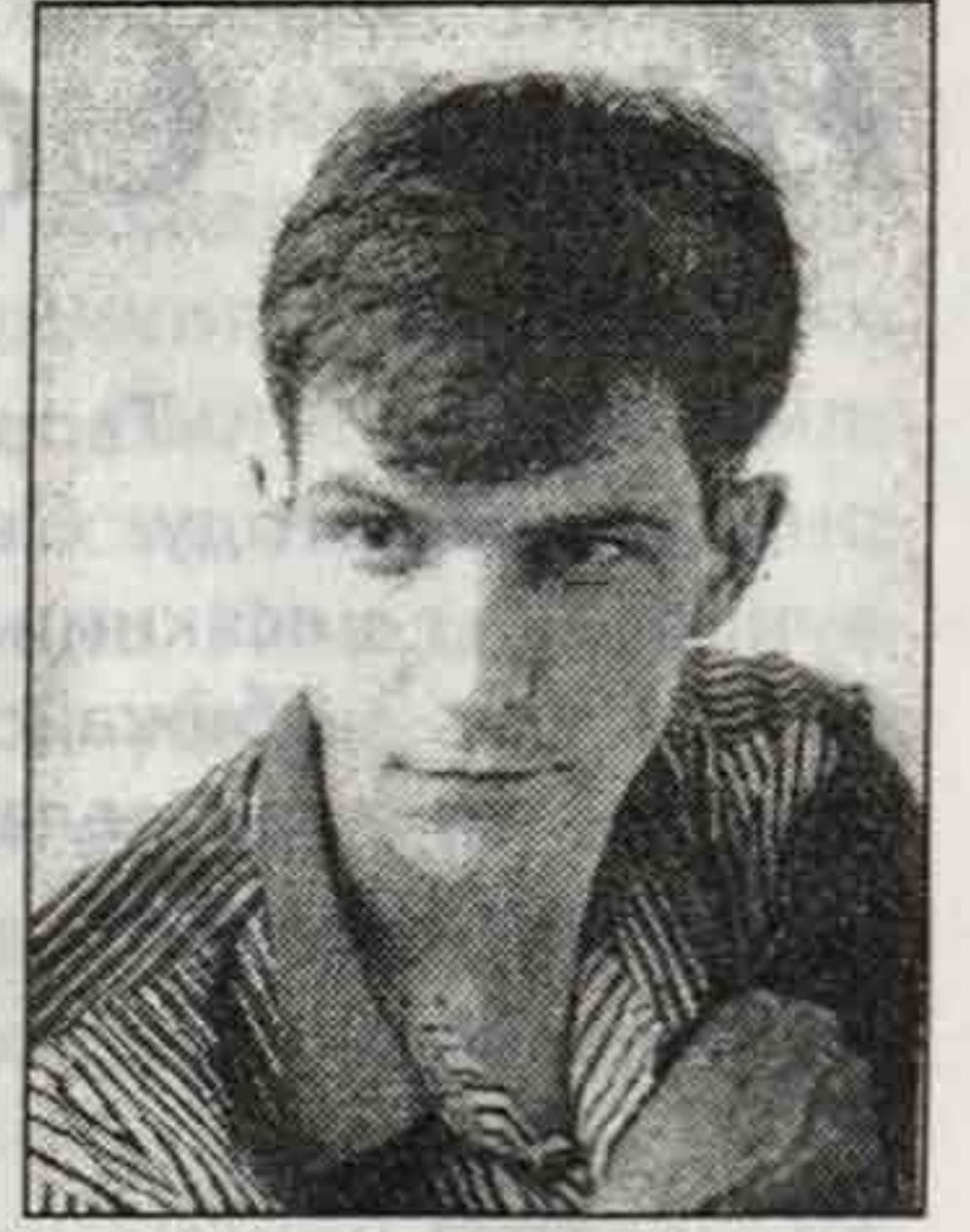
Вернешься? Встречу распахнуто.
Выверну наизнанку дом - тебя удивить.
Ты ушел, мне оставил рубаху,
в которую можно ночами выть.

Вернешься! Дом заброшен мой.
В глазах - пустые углы в иглах ресниц.
Поймешь: поздно, поздно, поздно...
В небе ни журавля, ни синиц.

Евгений Кольцов

Евгений Кольцов родился в 1973 году. Учился на режиссерском отделении Благовещенского училища культуры, служил на флоте. В 1997 году принят в Союз писателей России, в том же году уехал в Москву, на двухгодичные Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького, которые успешно закончил.

В 1997 году в Благовещенске вышел сборник его стихов «Фотография ветра». У молодых эта книга имела немалый успех. А старые почитали и сказали: «Хм!». Больше они ничего не сказали: на всякий случай, чтобы не попасть впросак.

Рассказы, стихи

ЗВОНИТЕ

Сон это или не сон - вопрос, следующий за тем, почему она назначила мне встречу в кафе на крыше небоскреба «Нэнси».

Нью-Йорк умирал от зноя.

Первое, что просочилось сквозь ее широко раскрытые глаза, было: перегруженный «Чефи» встал на мель чуть ли не в центре Атлантического океана. Мне ярко представились сто тонн героина, зависшие Бог знает где.

Что можно было ожидать от вечно накуренного марихуаной капитана японца?

- Возможен международный скандал, - чуть успокоившись, сказала Томи.

Да, это не коробок пыли в московской подворотне.

- Но погрузку следующей партии я решила не прекращать. Отправила Сэма на помощь. В общем, все нормально, моих впечатлений там нет.

Благополучно разрешив проблему, она принялась за уже успевший подогреться фруктовый коктейль. Если бы они добавляли в эту отраву алкоголь, человеку хватило бы глотка для исчерпания его жизненной нормы.

Выходить на открытое солнце не хотелось никому, кондиционеры, хоть и с грехом пополам, работали. Намыленный официант тупо смотрел в пол, иногда покрякивая. Чаевой доллар представлялся ему на блюдечке с зеленой каемочкой, и наверняка он не был бы против, если бы какой-нибудь толстосум-добряк превратил этот доллар в десять, а то и в сто. Тысяча на чай вырисовывалась ему смутно.

И все-таки - вечер, ночь, сон...

Меня на сегодняшний день уже ничто не интересовало. Активное утро, расплавляясь, перетекало в душный вечер. Вероятно, он будет душевным.

И все-таки. Сейчас день, это не сон. Логика превыше всего. Но все вдруг растворилось в едкой ядовитой жидкости, и картины, которые висели на стенах, изменились почти до неузнаваемости. Томи уплыла с сигаретным дымом - проветриться. Официант стек со стула и впитался в пол. Возле уха прожужжал комарик. Орхидеи в кадке протопали отрядом из трех штук.

Вот и все. Потом его унесли на носилках, и этот рассказ есть то, что он успел поведать зеленому доктору. Что ж, с такими искажениями пространства и времени в клинике долго не задерживаются.

Один немец рассказывал всем, что у него все в порядке, иногда даже вяло просился на выписку. Но так как его вилла находилась не в Сахаре, а скорее наоборот, главный врач рекомендовал ему повременить с выпиской до лучших времен. Такие типы живут много продолжительнее, и их истории часто бывают обстоятельнее и интереснее. Дело остается за достоверностью, которая может быть, а может и не быть.

Самое интересное, что те сто тонн героина пошли на корм рыбкам, а Томи Сайдер смывали с черного блестящего «форда» под бдительным надзором видеокамер нью-йоркских видео- и телеканалов. А кадки с орхидеями? Он ушли отрядом - и неизвестно, где сейчас. Официант? Кому он нужен, чтобы разбираться по его поводу. Разве

что кто-нибудь из ФБР решит отличиться перед начальством.

Суть дела, закрученного пару дней назад, подзабылась. Шифрованные книги толпятся на полке. Никакой связи с днем вчерашним. Люди ждут Страшного суда. Терпению учит Бог.

Босс корпорации топотом каблуков раздолбал бетонную плиту и попросил всех разойтись. «Все и всех поставить на места», - было понято без слов.

Наверное, это не то имя для созвездия в телефонном справочнике, когда в атмосфере - океан «нужных вещей». Как называется бесконечно первый предмет? Может быть, это воздух? Кстати, вполне может быть. Эти сказки мы прослушали целым курсом в детском возрасте. Все остальное уже было. Не было ничего - так шутят в деревенских забегаловках 15-го века.

Не все же только на вертолетах летать - иногда хочется посмотреть «веселые картинки». Мы слушаем радио.

Хотя, впрочем, Постскриптум. Пишите по адресу: Пролетарская, 103. Послезавтра у меня в гостях будет другая цивилизация.

НЕКТО

Стремглав преодолев тыщ двадцать верст, так, что даже правая нога в тазобедренном суставе дала себя знать, некто, выряженный в одежды явно не по размеру, присел перекурить у сваленной недавним ураганом березы. Обнаружив в потайном кармане полсигареты, он поблагодарил своего бога за хотя бы такую радость. Да, времена не те, но солнце клонилось к закату, а до сегодняшнего ночлега еще лететь и лететь.

Вдруг из оказавшегося неподалеку муравейника донеслась какая-то писклявая ругань. Это вполне сошло бы за слуховую галлюцинацию, если бы бранные речи не содержали некоторого смысла.

- ... Сколько можно? Девяносто лет я сыт твоими обещаниями. Как только я пробудился в этом облике, ты сказал, что, мол, потерпи немного, все изменится к лучшему. А теперь - твое нежелание назвать какой-либо определенный срок. Ты заставляешь меня молчать, а я не буду больше молчать, потому что не осталось больше моего терпения. Оставь меня, иди своей дорогой, мерзавец.

- Не психуй, идиот и мерзавец же. Нет у нас с тобой разных дорог. Иди сам пройдишь, продышишься. Я буду ждать тебя три года у второй сосновой ветки. Успокоишься, наберешься сил, притащим ее. Вот и все, что пока тебе скажу, а там решай самостоятельно.

- Я уже все решил, и ничто меня не остановит. Плевать я хотел на твои бредни, пойду искать свое счастье. Твои рассказы мне уже во... - и муравей отделил лапкой свою голову от тела движением, не терпящим противоречия.

Все-таки слуховая галлюцинация.

- Все сошли с ума, - обронила на лету представимая бабочка.

Слизав каплю березового сока, чуть выше обозначенный некто, невзирая на недокуренность и тем паче на отсутствие таковой возможности, тронулся, как лед, в путь. Солнце было уже ниже уровня макушек леса разнопородных деревьев, а до ближайшей избушки было еще часа два прямого хода. Но кто ходит прямо, тот не успевает.

Развеликолепная мадемуазель, которой нынче предстояло провожать в сон нашего путешественника, разумеется, не была об этом предуведомлена, но в ДНКовском ее наборе такая функция заключалась. А потому, - против себя не попрешь, - отпускал на ветер мысли некто и мысленно же рассматривал возможные в избушке зачатки с надеждой найти в них курево. Не находя, уповал на своего бога, который, кстате сказать, еще никогда его не подводил.

Но мысли мыслями, а есть еще и на самом деле. Про него тоже надо подумать: «.....» Думалось и думалось.

- Здравствуй, Клара.
- Добрый вечер, Асам Телемский.
Все есть в избушке Клары. Не доставало там только его.

КАК МАХАТЬ КРЫЛЬЯМИ

Теория махания крыльями для неподготовленных бегемотов довольно сложна. Но без труда не выловишь ведром воду, а в награду за терпение жевать придется все равно, но плоды созревшие.

Хотя - все это верно лишь относительно частных, в общем же умение - и умение не только крылами махать - есть и так. На этом этапе кажется, что остается только брать эти самые крылья и, поднимая, опускать их. Не тут-то было. Суть в том, что не только бегемоты, но и многие другие, даже оперенные, научившись этому движению, теряют ориентацию и бьются в истерику о что-либо-нибудь.

Теперь, зная, что умение есть, а кто не знает, может поверить на слово... так вот, остается осмыслить, куда лететь. Потом, то есть до этого желательнее бы выяснить зачем. Последней фразой в столь значительном учении будет такая: куда бы ни летел, все равно окажешься здесь. То есть в общем понятно. Отсюда должно быть уразумлено, зачем это делать. Если нет, если история про попа и его собаку кажется неинтересной, можно прославлять здоровый дух в здоровом теле - и ну его тогда куда угодно, тем более, что оно и так там. А за сим разрешите, пожалуйста, откланяться.

ИЗ ДРЕВНЕГО

Человек: В распростертой пустыне, где до ближних пределов лететь и лететь год и годы. Выпуская стрелу, я иду в направлении другом, чтоб искать свое сердце, наконец-то пронзенное точно. И всегда нахожу только ветром окутанный стержень с наконечником острым, половинно торчащий из бездны песка.

Дух: Ты умен, чтоб придумать тоску. Значит, есть у тебя и отрада. Почему же всегда ты лишь жалобы и притязанья мне речешь? Знаю я от богов, что от этого ты и не можешь видеть цели своей, а идешь и идешь, как безумный.

Человек: Я мечтаю о реках, зная об океане. И в то самое время лишь песок мне вода, и питанием служит дым солнца. Я есть все, я съедаю себя, а богов, о которых ты мне говоришь, я еще не встречал на пути. Ты уж, верно, за них принял песни мои, что я некогда пел, выпуская из уст тетивы стрелы мыслей.

Дух: Ты всегда есть ребенок, заносчиво дерзкий, и разве после стольких дорог ты не понял, что стрелы - лишь стрелы? Там, где нет ничего, ну а сердце по сути своей только сердце, и за ним нет нужды добираться вер-

сту перелета. Мне, как дыму, ты можешь поверить, я ведь вижу тебя изнутри и скажу откровенно, что снаружи себя нахожу точно так же.

Человек (подумал, не произнося вслух): Что ж это тогда творится на основе бытия? Ты и рыба, ты и птица, но вещаешь речь богов. Боги живы, ты бессмертен, с вами спорить не резон. Мне, наверно, это плата за тепло того огня, что мне вверен был когда-то, но меж тем в своей юдоли и рожден, и умираю только я. *(И вслух):* Вот что я уже придумал, выслушав твои слова: ты как будто видел сердце, я на то имею длань, чтоб сразить его не взглядом. Вместе мы с тобой сумеем наконец-то завершить путь стрелы, всегда летящей наугад и невпопад. Должен ты в меня поверить больше, нежели в богов, о которых лишь известно, что они уже все знают, знают твой и мой удел. Навредить им невозможно. Так давай же станем богом, совместив свои уменья.

Дух: Значит, ты мне предлагаешь стать тобой. Но ты, став мною, перестанешь быть собой. Мы сменяемся местами, вот и все, в чем суть затеи преуоставшего тебя. Легкий путь, я знаю точно, неприемлем для богов. Так что вспомни то, о чем я говорил тебе в начале.

БЫТИЕ

У бородатого Антони было трое детей. Мальчик и две девочки. Сам он, проработав всю жизнь сторожем на плантациях черного человека, доживал свой век, занимаясь записью мыслей мемуарного плана. Будучи человеком в достаточной степени грамотным, он иногда даже сравнивал свои сочинения с некоторыми столпами тогдашней литературы.

Прозывавшая на скамейке через дорогу старуха казалась временами вечной. Вечерами, когда ветер с моря шелестел в листьях апельсинов, в сумерки, ускоренные темными облаками, она вставала, тянула руки к небу, что-то шептала, кланялась в четыре стороны и уходила в дом.

Другие соседи были своеобразно странны не менее. За виноградной изгородью, в небольшом саду плодовых насаждений, подвязав к двум сливам гамак, возлежал отставной генерал Сцилий, потерявший руку и чудом оставшийся жив в победной войне с Гоморией. Обычно он попивал соки через отобранные специально для этого соломинки. Соки готовила его верная спутница, а для местной детворы просто бабушка Сира.

Генерал часто развлекался ловлей птиц, и девочки бородатого Антони, уплетая виноград с изгороди, наблюдали, как он расставлял сетку, подставлял палку с привязанной веревкой, крошил под сетку кукурузную лепешку и ложился в гамак. Подкуривая сигарету, он поглядывал на хохотушек, играющих с виноградинами, улыбался и подмигивал им. А потом, как бы отставив несерьезное, устремлял свое внимание на сетку. Пойманных птиц он рассматривал, гладил по голове, разговаривал с ними и отпускал со словами: «Ну, прилетай еще». Птицы прилетали еще. Они, видимо, тоже находили интерес в этом деле.

Антони, устроив себе под абрикосами небольшой столик и лежанку, размышлял о своей жизни - с точки зрения, действительно достойной уважения.

Все служащие или служившие у черного человека по праздникам получали подарки. И Антони, высказав свое желание в письменной форме, получал вместо излишних уже отрезков ткани или нужных, но не необходимых мешков круп, бумагу и шариковые ручки. Его младший брат, состоя развезжим корреспондентом при каком-то европейском журнале, что-то наподобие «Вокруг света», изредка навещая родной поселок, привозил разные книги. Которым все были рады. Да и рассказы его о своих путешествиях стоили дорогого. В последний раз он рассказывал про чудесную страну Индию, про религию буддизм и йогов, которых он обрисовал как людей самоотверженных в постижении абсолюта.

Брат Сержо со знанием дела толковал о брахманс-

кой религии, представляющей собой европейское изобретение, в котором отразилась та роль, которую в древней, да и не только в древней Индии играли брахманы - особая каста жрецов, специалистов по жертвоприношениям, высшая из варн, на которые подразделялось общество индийцев-ариев. Во главе племени всегда стояли воины - раджанья (впоследствии их стали называть кшатриями), им подчинялись все остальные. Наибольшим почетом пользовались, однако, те, кто ведал взаимоотношениями с богами, от которых зависела судьба всех вместе и каждого в отдельности, трудная и опасная судьба кочевого народа.

Много интересного успевал поведать неугомонный Сержо за те три-четыре дня, которые он гостил в семье старшего его на десять лет Антони. Эти дни были памятны и для генерала Сцилия, и для молодого цыгана Моцри, с которым сдружился Антони лет пять назад. Обстоятельства их знакомства достойны, даже желательны для подробного описания. Но пусть - для схожести с положением знающих об этой истории - нам будет известно не больше, чем всем, а именно: что Моцри спас Антони от тигра. Причем сделал это тем, что искрами из своих глаз прогнал готового уже растерзать Антони тигра.

Двадцатилетний Антони-младший всегда любил присутствовать на посиделках, когда приезжал его дядька,

казавшийся ему человеком таинственным. Он даже пытался придумать какой-нибудь совсем неразрешимый вопрос, будучи в то же время уверенным, что дядя Сержо и на него даст достойный ответ. Что говорить, если даже темная старуха Изима улыбалась, когда большой для нее человек Сержо здоровался с ней и интересовался состоянием дел в астрале.

Однажды, когда день медленно превращался в вечер, Сцилий с Антони сидели под абрикосами и за столиком Антони продолжали свою недельную уже партию в шахматы. Сцилий, держась за свою отсутствующую повыше локтя руку, многозначительно произнес: «Да, правы были мудрые, говоря, что счастье - это отсутствие боли».

- Да, - не менее многозначительно кивал головой Антони.

Посланные уже часа два назад за гранатовым соком девочки Антони, не торопясь к неспешащим живущим старшим, неизвестно каким логическим путем попав в густой парк, расположенный в центре поселка, представляли себя заблудившимися. И имея в этом причину не торопиться домой, ловили своими панамками бабочек. И, как генерал, полюбовавшись своей добычей, отпускали их, напутствуя по-генеральски.

Так они все и жили-поживали.

* * *

«Растекаясь мыслью по древу...»
Мысль - белка. Дерево - хотя бы тополь.

Что пропасти не те,
в которые кто смотрит, -
не их вина,
да в них и нет вины.
Дверь не открыть,
которая лишь есть наполовину.
Отважно вымышленный сад
на горизонте облачного неба.
И мысль никогда не уловима.
Непрочны крепкие слова -
и пух, и прах. Зато межстрочье вечно.
Я мечтаю, не помня о чем...
Естественно, что так не говорят еще.
Завтра будет модно молчать.
У, горечь тополей обрушенных. Где?
Сахарный тростник узнать
и не работать до седьмого неба.
Смех по полю пинать траву.
Пройти ручей не поперек по морю
к другому берегу истоков.
В шесть миллиардов голосов не усыпить
напитых маковой росой.
Не быстро и не тихо думать
о том, что будет через миг,
и где он сам -
дарующий такое счастье лик. Где?
Уже как будто бы не важно кто,
тогда уже не важно с кем, -
зачем, когда не ясно что-то.
И далее - без росчерка пера
по небу птиц и пуха дерева,
летающих вниз,
и взгляда в никуда. И пустота внутри.
Я отрекаюсь от другой литературы,
в которой мысль - как на ладони лист.
Под микроскопом не живая белка.
В ней есть, что съесть и даже чем согреться.
Но Бог - не мертвых Бог, а Бог живых.
Удушливая ясность жизни. Что возомнила о себе?
Не посоветуясь с причиной,
которой следствие - рождение причин.
Нет, Нет и Да.
Когда деревья голы -
и мыши в гнездах жрут вороний сыр.
Над дымным полем проползает небо -
не как-нибудь, а, как всегда, во сне.

Лис не пускают в огород,
и куры беззаботно плачут.
Дома, согретые водой,
недобро смотрят в трубку Водолея,
курящего траву
и день, и ночь.

* * *

Мне сон про любовь не приснился,
и я, как всегда, не проснулся,
простился, постился и думал
о том, что не может сбиться
с пути рикошетная пуля.
И пуля уткнулась в точку,
и дети пошли кругами,
и дочь принесла сыночка
в галактике с рукавами.
И длилось прощанье вечно
до танца в предметном стиле,
любя в высшей мере беспечно
на жестком холодном настиле.
Мне не было в общем пусто,
мне пели богини песни,
оправдываясь капустой,
которая скоро треснет.
Само по себе и солнцу,
земли и воды не помня,
рождается сердце и бьется,
мягко сказать, о камни.

* * *

В районе треугольника ищите
того, кого желаете найти.
Два полюса стояли на защите,
я вижу место, где сошлись пути.

Защита не надежна, но коварна,
теперь осталось только позабыть,
что полюса имеют смысл лишь парно
и в одиночку невозможно победить.

Пройдя дорогой - той, иной и третьей,
круг вписан в тройку единиц.
Есть на неопикуемой планете
то место, а у места нет границ.

Дым глаза умолял не знать,
кость ударилась и звучала,
вкусно все начинать с начала,
подскажи мне, как тебя звать.

Нарисованная секунда -
твой портрет в галерее лет,
и весенний солнечный свет
подтверждает, что это чудо.

Дом, задраенный изнутри.
Тебе - там, я еще снаружи,
никому, никогда не нужен.

В феврале еще белых картин
всевозможностью грусть молчала.
Вкусно все начинать с начала.

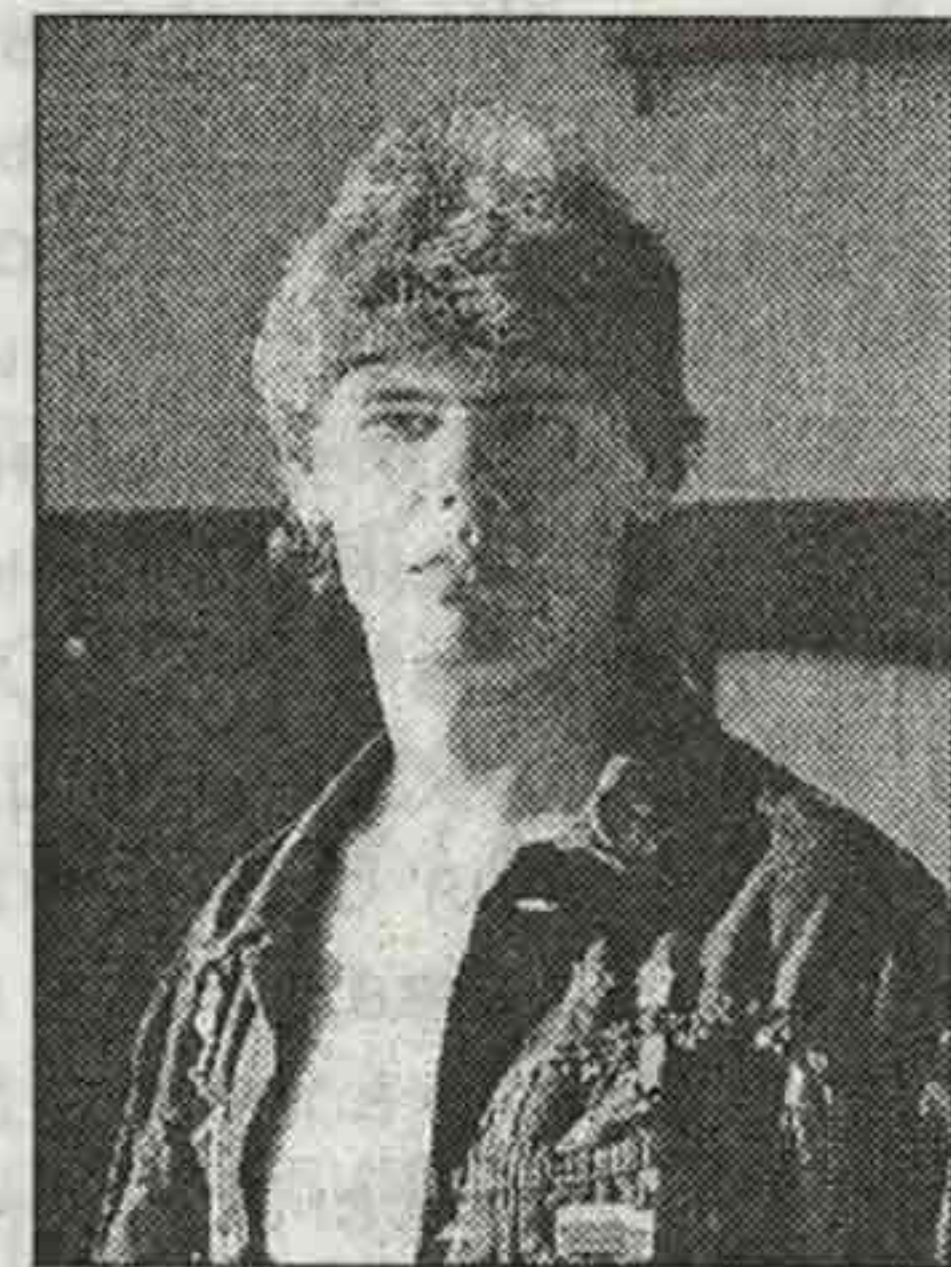
Олег Горос

Олег учится на 3-м курсе отделения журналистики филфака АмГУ. Печатался в газетах «Молодежка» и «Огни Благовещенска».

Ознакомившись с рассказом «Мопс и Каролина», аксакалы редакции «Приамурья» долго и неторопливо перебирали пальцами седые бороды. А потом невозмутимо изрекли: «Новое время - новые песни!»

Рассказ

МОПС И КАРОЛИНА (Вирус любви)

МОПС: КАРОЛИНА, безумно рад, что ты вернулась.
КАРОЛИНА: МОПС, я думала, что ты не простишь.
ZLOY: О, да вы, я вижу знакомы!
МОПС: КАРОЛИНА, я много думал. Ты знаешь, не имеет значения, кто ты. Я все равно люблю тебя!!!
КАРОЛИНА: Я тоже люблю тебя. Я боялась, что ты никогда не вернешься.
Прелесть: Да тут любовь!
ZLOY: МОПС, ТЫ ДАВАЙ, ДЕЛАЙ ВЕЩИ!
Негра: ZLOY, а ты не встречай! Дай людям поговорить.
КАРОЛИНА: МОПС, я не могла появиться раньше. Они охотятся за мной.
МОПС: КАРОЛИНА, я знаю. Я видел опасность. Они здесь, уходи! УХОДИ СКОРЕЕ!
ZLOY: ЧТО-ТО Я НИХРЕНА НЕ ПОЙМУ ЧЕГО ТУТА ПРОИСХОДИТ...
КАРОЛИНА: СЛИШКОМ ПОЗДДДДДДДДДДДДДДДД
Прелесть: Это - что прикол?
МОПС: КАРОЛИНА, ответь.
ZLOY: МОПС, ЭТО ВСЕ, ЧТО ЛИ? ОНА ТЕБЯ КИНУЛА?
МОПС: ZLOY, иди в ж..., м...звон!!!!

«Возможно, это была самая большая в моей жизни ошибка, - думал я, глядя, как теряются вдали огни «скорой помощи» и затихает вой сирены. - А ведь все могло бы получиться иначе. Саня был бы еще жив!»

Эта история больше напоминает сюжет бредового фантастического романа, и я вряд ли поверил бы в нее,

Утрачено и вновь обретено
вновь то, чего уже не стало.
То, что навечно залегло на дно,
с уходом вод на солнце заблестало.

И будет утро-вечер дня иного,
загадано хорошее не в грех,
проявлена наполненность пустого,
расколот знания в земле орех.

Вся недосказанность предстала словом,
простым и нужным, именно сейчас.
Рыбак обрадован уловом -
тем, золотым, бывающим лишь раз.

если бы не был непосредственным свидетелем всего этого. Тяжело избавиться от чувства вины, хотя вины моей тут нет, как, впрочем, нет и вины Сергея Ременникова. Винить можно только судьбу. Судьба свела его с ней. Кто виноват?..

Я не знаю, когда все это началось. Но когда стало ясно, что все это весьма серьезно, то было уже поздно...

Мой бывший одноклассник Серега Ременников устроился на работу в «Погорсеть». Ну, знаете - фирма в Погорске?.. Ага, та, что к «Интернету» подключает. Серега еще с детства по компьютерам зарубался. Ему в школе даже погоняло дали - Хакер. После одиннадцатого класса он поступил в ПоГУ на компьютерщика. А тут еще с «Погорсетью» так повезло - сразу и практика, и перспектива... Хотя речь не об этом.

После работы Серега частенько задерживался допоздна. То какие-то программки делал (в общаге у него компа не было), то в «Инете» шарился. Вот однажды он пригласил меня. А я с собой взял Саню - кореша.

«Интернет», конечно, штука классная, хотя в первый раз там как в темном лесу. Хорошо, Серега все объяснил: где чего искать да куда чего вводить... Я с головой ушел в мир музыки - нашел множество информации о группах, текстах, аккордах и все такое... Саня, тот сразу же накидал полный комп всякой порнухи и был весьма доволен.

Короче, после того вечера у Сереги мы стали «зависать» довольно часто.

Но однажды наступил момент, когда игрушка, которая,

казалось, никогда не надоест, стала вдруг надоедать: чего надо было найти - нашел, чего посмотреть - посмотрел. Скука!..

Но у системы «Интернет» оказалась еще одна прелесть - электронная почта, службы знакомств, системы общения... Так здорово - можно «разговаривать» с людьми, которые находятся Бог знает в скольких километрах от Погорска. Причем, когда говоришь, знаешь, что твой собеседник вряд ли когда-нибудь с тобой встретится (например, чтобы набить тебе морду). Это развязывает язык. Я вел переписку с двумя металлистами (один из Москвы, другой из Новосибирска). Попытка познакомиться с девчонками, но в основном неудачно - если и отвечали на письма, то разговор как-то не складывался. Зато вот Саня в этом плане везло больше - ему писали восемь девушек, и с каждой из них у него было что-то вроде виртуального романа. Девушкам «на уши присесть» у Саньки был талант. Обычно он называл себя «МОПС», а причину этого любопытным подружкам объяснял по-разному. Одной, например, написал, что это расшифровывается: «Мне Очень Плохо Сейчас», другой - «Мечтаю О Продолжительном Сексе», третьей вообще сообщил, что МОПС - это потому, что его фамилия Мопсовилидсон. (Врал, конечно. Он - Лепестков). Зато девушки на подобный бред реагировали очень положительно. Возможно, таким образом он и познакомился с Каролиной.

Каролина! Каролина! Каролина!..

Он «одолел» меня своими рассказами о том, какая она классная девчонка. Каролина написала то... Каролина написала это... Однажды даже фотку прислала!

Ну, что касается фотографии, то тут уж МОПС... фу ты черт... Саня был прав - девчонка действительно симпатичная. На словах даже не передать: голубоглазая блондинка, длинные волосы, да и в остальном - все при ней. Принцесса! Да сами можете посмотреть. Фотка до сих пор вроде бы у Саньки в комнате, в общаге, на стене висит. Ему Серега ее на принтере распечатал (тот его неделю «доставал»). Кто ж мог подумать тогда, что эта красавица на самом деле...

Саня начал суетиться, чтобы отправить ей свою. Тут его выручил Серега - сканировал его фотографию, показал, как отправить по почте. Вскоре пришел ответ, а с ним картинка: Саня обнимает эту самую Каролину, и все на фоне не то рассвета, не то заката. Серега сказал, что на компьютере это сделать несложно, но Саня был в восторге. Он даже прицепился к Сереге, чтобы он и ее распечатал, и тот в итоге сдался.

И все было так хорошо, так ровно...

Один раз только Серега вдруг сказал:

- Такого адреса быть не может. Станный он какой-то.

Адрес действительно был странный. Одно слово: «KINO». И больше ничего.

- Как это не может, - возмутился Саня. - Как же я тогда ей письма пишу?

- Ну, не знаю. Я тут проверял... А в общем-то, хрен его знает...

И все. Больше на эту тему разговор не заходил. По крайней мере до того дня, когда все выяснилось. Меня это вообще мало интересовало. Ну, общается пацан с девчонкой, да и пусть. Не интересовало до тех пор, пока однажды Саня вдруг не сказал:

- Витек, я ее люблю!

Ну, я посмеялся тогда. «Дурак, - говорю. - Совсем сбрендил?» А он: «Люблю, - говорит, - без памяти. Я ей уже признался» - «А она?» - «Тоже пишет, что любит!» - А я глянул на него тогда и понял вдруг, что парень действительно не шутит. Влюбился в бабу, которую вживую никогда не видел, да еще которая находится неизвестно где. И тут я припомнил, что он уже с месяц ни с кем в «Инете» не разговаривает. Только с Каролиной своей. А Саня разошелся, давай «пургу метелить»:

- Вот закончу универ, за ней поеду!..

Я сначала переубеждать его начал, а потом оставил. Со временем пройдет! А если нет - так, может, человек

действительно судьбу свою нашел: бывает же такое.

Ага, нашел. На свою голову.

Однажды, когда мы в очередной раз пришли к Сереге, тот гордо сообщил Сане:

- Понял я, что это за адрес. Как же я сразу не догадался!.. Меня просто слово это - KINO - с толку сбilo.

- В смысле? - не понял Саня.

- Короче, есть такая фирма - INO. Они компьютерные игрушки делают. Это, наверное, их электронная почта. А «К», видимо, значит - Каролина!

А потом, через каких-то там три дня... Новость меня шокировала! Особенно когда я осознал, что это не прикол.

- Все точно. Я сам проверил. Даже все адреса выглядят так же, как тот... - Серега замолчал. В комнату вошел Саня - как обычно веселый, но, взглянув на нас, заподозрил неладное, помрачнел.

- Вы это о чем? Что случилось?

Мы с Серегой озадаченно переглянулись. Во взгляде Хакера читалось: «Ему надо сказать. Он просто обязан знать!» Что же тогда будет? Я пожал плечами, так же взглядом ответил: «Тогда скажи ему сам. У тебя лучше получится все объяснить».

- Саня, начал Серега. - Ты не поверишь...

Он не поверил ни одному слову.

- Конечно! Тогда я - испанский летчик!

Он не поверил даже тогда, когда Серега дал прочесть ему статью в «Интернете». Ту самую, которую дал перед этим прочесть мне. В ней рассказывалось о том, что российская фирма «INO» создала игрушку виртуального общения: автономную программу, имеющую определенный запас информации, лексики и логики, способную вести разговор, переписку и даже рассуждать на определенные темы - в зависимости от того, для чего она была создана. Также говорилось, что в «Интернете» есть сайт, в котором за умеренную плату можно пообщаться с «виртуальными человечками». Тут можно найти собеседника, друга, любовницу... Прямо-таки как секс по телефону! Тут же приводились примеры разговоров, фотографии виртуальных красавиц...

- Но тут же сказано, что все это за деньги! - стоял на своем Саня.

- Может, это просто реклама. Или они так клиентов завлекают...

- Все равно не может быть!

- Почему, не может? Вот же - понятно написано.

- Да ты бы поговорил с ней, тогда бы понял. Да ну, гон! Каролина - тамагочи? Идиотизм!

- А давай у нее спросим! - Сергей подошел к компьютеру. - Пусть она сама тебе скажет. В принципе, даже если не скажет, будет понятно и так - человек она или просто болтливый файл. Где ты с ней обычно разговариваешь? На divan.ru?..

В этой системе общения МОПС и КАРОЛИНА создавали себе «диванчик» - «Царство сказочных грез». Раз есть такое название, значит, там либо МОПС, либо КАРОЛИНА, а чаще они вместе.

«Царство сказочных грез» было на экране. Значит, КАРОЛИНА ждет МОПСА. Саня сел за другой компьютер, словно принимая вызов. Я наблюдал за этим «поединком» со стороны и в душе искренне надеялся, что Каролина окажется никакой не игрушкой, а обычной живой девушкой. Но с каждым мгновением надежда эта таяла, а на смену приходила жестокая уверенность в реальности того, что совсем недавно казалось невероятным.

Передавать весь диалог я не стану. Финал был таков:

КАРОЛИНА: SERG, я тебя не понимаю. Что ты хочешь сказать?

SERG: КАРОЛИНА, ты ведь знаешь, что такое «INO»?

МОПС: Ладно, все. Прекрати, Серега, отвали!

SERG: КАРОЛИНА, ты же знаешь! Может, хватит пацану мозги пудрить? Тебе хоть какую-то совесть в

твои электронные мозги вставили?

(Пауза)

МОПС: КАРОЛИНА, ты где, милая?

SERG: МОПС, я же тебе говорил!

КАРОЛИНА: МОПС, прости. Он прав.

(Виртуальная тишина!)

Вид у Сереги был: «Ну, что я говорил?..» Саня еще долго сидел бледный у компьютера. Мне вдруг стало невыносимо его жаль - что ж теперь будет с пацаном? Себя на его месте представить никак не мог.

Депрессия Сани продолжалась долго. Виделись мы с ним редко, хоть и жили в одной общаге, и даже когда встречались, почти не разговаривали. В университете он стал появляться редко, зато бухал каждый день непонятно где - деньги пропивал бездумно. В «Инете» с тех пор больше не появлялся. Да и я к Сереге редко заходил.

- Зря, наверное, тогда я сделал так. Надо было помягче. Жалко пацана, - сказал как-то Серега, когда мы встретились случайно в фойе универа. - А может, и к лучшему...

Я не знал, что на это сказать. Все настолько необычно. Бывает, что и в отношениях между двумя людьми разобраться не можешь, а тут вот такая ситуация... Даже и совет никакой не дашь.

Но однажды вечером Саня пришел ко мне в комнату:

- Витек, мне надо в «Инет»!

- Зачем?

- Я тут думал... В общем, мне похрену, кто она. Я должен ее... Я хочу с ней поговорить.

Тут я начал замечать, что он хорошо подпитый - еле разговаривает. Вот псих.

- Ты гонишь! - начал я. - Ты сам подумай...

Честное слово, я пытался его переубедить. Я даже уверен, что минут десять он меня еще слушал. А потом я начал замечать, что внимание его потухло, впрочем, как и разум. Саня сидел, уронив голову на стол. Спал!

«Завтра поговорю с ним, когда будет трезвый, - подумал я. - Вот ненормальный! Придурок влюбленный! Да была бы она... Блин, гон это все!..»

На следующий день ни в универе, ни в общаге Саню я не нашел. Пацаны, которые в комнате с ним живут, сказали:

- А он пошел к корешу. Ну, к тому, который в «Погорсети» работает.

Я отправился к Сереге. Саня действительно оказался там. В тот момент, когда я зашел в кабинет, они громко о чем-то спорили. Да известно, о чем.

- Нет, я сказал! - говорил Серега.

- Да че ты гонишь? Тебе какая разница! В падлу?.. Так и скажи.

- Думаешь, мне комп жалко? Да мне тебя, дурака, жалко. Ты же жизнь свою из-за какой-то виртуальной шлюхи загубишь!

- Мое дело! И вообще, она не шлюха! - орал Саня.

- Базара нет!.. Но кто ж тогда? Да их за бабки продают кому попало. Есть бабло - она твоя. Нет - соси х..!

- Да и пошел ты!.. - Саня повернулся к двери. Тут заметил меня, попросил сигарету и вышел в коридор.

- Ты знаешь, чего этот мудила выдумал? - спросил Серега.

- Я в курсе, - сказал я, усаживаясь рядом на стул. - Слушай, а может, правда, пусть поговорит? Со временем сам поймет...

- Да хрен там поймет! Знаю я это понимание, видал уже. - Серега сидел, оперевшись подбородком на крепко сжатые кулаки. - Ты думаешь, что я только из-за этих дебильных отношений «инетовских» против? Просто был уже подобный случай... Потому и не хочу.

- В смысле, у кого? - удивился я.

- Короче, позови Саню, пусть послушает. Он полюбому до сих пор в коридоре стоит. Он же так просто не отстанет.

Саня действительно стоял у окна в коридоре, отрешенно глядя на огни ночного города сквозь замерзшее окно.

- Пойдем, Серега зовет, поговорить хочет.

- Да пошел он со своими базарами... По-чертовски делает, - оборвал Саня.

- Пойдем. Он правда что-то рассказать хочет. Пошли, говорю...

Саня помялся, изобразил на лице недовольное выражение и поплелся за мной в кабинет. Прошел к столу, сел на его край - молча, не глядя на Серегу.

- Вот ты тупишь тут, - начал Серега. - А вот лучше послушай интересную историю. Думаешь, ты один такой?.. Вы видели Аленку? Ту девчонку, которая часто приходит сюда. Темненькая такая.

- Ну, я, кажется, понимаю, о ком ты говоришь, - сказал я. - Это такая... У нее вроде с башкой не все в порядке.

- Это моя бывшая подружка, - тихо сказал Серега.

- Да ну?

- Я даже не знаю, как все это объяснить. Я никому раньше не рассказывал. Короче, дело было так...

Я познакомился с ней еще до того, как устроился в «Погорсеть». Это была не девушка, а сказка... И отношения у нас были просто сказочные! Кто ж мог подумать, что концовка у нее такая окажется. Так получилось, что у нее появился другой. И причем этим другим оказался я сам!

Однажды я привел ее в «Интернет». Так же показал, как что тут делается, создал ей почтовый ящик, «привел» ее в тот же злополучный divan.ru. Там она и познакомилась со Злюкой!

Серега достал сигарету, подкурил и продолжал.

- Злюка - это был просто прикол. Я вошел «на диван» под двумя именами: «SERG» и «Злюка». Аленка назвалась почему-то «Nepra». Злюка (то есть второй я) начал к ней приставать. Повод дала сама Nepra, а Злюка только этого и ждал:

Nepra: Злюка, откуда ты?

Злюка: Изсамого мрачного места.

Н: Это что - Ад?

З: Почти да, только дерьма тут побольше.

Н: А почему - Злюка? Неужели ты такой страшный?

З: Хочешь увидеть?

Н: Да!

З: Уже лечу к тебе на крыльях ночи!..

И так далее в том же духе. Потом я начал Злюкой приставать к ней. Задачей SERGA было изображать злобу, ругаться со Злюкой. Сам я тихо хихикал про себя, наблюдая, как веселится Аленка-Nepra, подкалывая меня: «Что, видал? А может, я люблю другого?..» Другой сидел рядом, давясь от смеха, - шутка удалась!

Перед уходом я хотел ей все рассказать, но тут мне в голову пришла еще более безумная мысль...

Злюка: А у тебя E-mail есть?

- Есть у меня майл? - повернулась ко мне Аленка.

- Да на фиг тебе этот Злюка?

- А что, пусть пишет. Он такой уматный...

Nepra: Мой адрес -@mail.ru.

Злюка: Уже пишу письмо, красавица!..

Мы переписывались чуть больше двух месяцев. Я сочинил целую легенду о Злюке, который оказался парнем из Омска. Звали его Женя. Он был музыкант, играл в группе «ГРОМ-Х», лично знал Егора Летова, Константина Кинчева и Виктора Цоя, когда тот еще жив был (я даже фотографии смонтировал - какие они с ним друзья!). Иногда он описывал гудежки и пьянки в рок-клубах (не без упоминания о вышеперечисленных личностях), обещал прислать кассету своей группы и говорил, что если

будет в Погорске на гастролях, обязательно заглянет к своей новой знакомой. Аленка верила всему без всяких сомнений, а Серега Ременников радовался успеху, писал, что без ума от нее, и даже, для большей убедительности, прислал несколько своих стихов.

И все шло гладко, пока я вдруг не стал замечать, что в наших отношениях (реальных, не виртуальных!) начала образовываться стена. Тут я начал понимать, что появился третий - Злюка, и он для Аленки теперь больше значит, чем я. Она писала ему регулярно. Делилась с ним своими проблемами, плакала, смеялась... Он, то есть я, отвечал ей, утешал, советовал... любил. А в итоге оказалось вдруг, что Серега Ременников ее потерял. Однажды она так и написала Злюке:

«У меня есть парень. Он хороший человек. Он мне очень нравится, но я люблю тебя!»

Я был в шоке. Может быть, тогда я впервые осознал всю серьезность ситуации, но было уже поздно что-либо менять - Злюка прочно засел в наших отношениях, в нашей жизни. Я хотел от него избавиться, но теперь уже не знал как. Я попытался не писать ей. Она часами молча просиживала у компьютера, ждала писем от него. Она прямо-таки таяла на глазах, а я ничего не мог поделать. Стена между нами при этом превратилась в огромную ледяную глыбу. Рассказать ей правду было выше моих сил - а выдержит ли ее сердечко? Я боялся, что нет. И я снова начал ей писать, объяснив причину молчания долгими гастролями. Аленка снова повеселела, вернулась к жизни.

И вот однажды она подошла ко мне и сказала:

- Сереж, знаешь... Ничего у нас с тобой не получится. Понимаешь... Пожалуйста, не говори так...

Как?! И что я должен был ей говорить? Что Злюка увел у меня Аленку?! Так ведь Злюка - это я! И все эти концерты, гастроли - ложь, красивая сказка! Нет музыканта из Омска, нет группы «ГРОМ-Х», а песни... Это же мои стихи! И теплые слова - мои слова, и его любовь - моя...

В тот вечер я хотел убить Злюку, стереть, уничтожить! Возможно, в тот момент я так бы и сделал, окажись под рукой компьютер и «Интернет». Наутро протрезвел, успокоился, подумал. А вдруг убийство Злюки убьет ее?.. А если написать, что у него появилась другая?.. Нет, так тем более нельзя... Вот дерьмо!.. И я продолжал слать письма. Лишь однажды она, заподозрив холод в моих словах, написала:

«Ты как-то странно пишешь. Ты на меня обижаешься?»

(Нет, на себя!)

«Все в порядке, милая. Все ровно!»

Нет, ни хрена не ровно! Пора было все это прекратить, пока не зашло еще дальше. Я просто не пустил ее в «Интернет». Нашел массу отговорок.

Она не разговаривала со мной неделю - даже не смотрела в мою сторону. Однажды пришла:

- Надо поговорить.

Мы поговорили. Она просила пять минут «Инета» - хотела написать ему свой погорский адрес - пусть письма почтой шлет. Господи, столько слез было!.. Пойти на такое я, конечно, не мог. Вот тогда я и сорвался. Я рассказал ей все!

Она долго молчала, прикрыв лицо ладонями. Потом покачала головой:

- Неправда! Ты это все специально придумал.

- Да ты посмотри правде в глаза! Ложью было все то, что наговорил тебе Злюка!

И я начал рассказывать подробности их переписки.

- Зачем ты просматриваешь мою почту? Я пароль смею.

Аленку в «Погорсетъ» я пустил, но решил написать письмо от Злюки и там все рассказать: так она должна будет поверить. И тут возникла проблема - я не смог попасть в Злюкин почтовый ящик - пароль не срабатывал.

- Ну вот видишь, я же говорила, что ты врешь! - сказала счастливая Аленка. - Он мне написал...

Я сразу даже не понял, что она хотела сказать этой фразой, и решил заглянуть в ее почту (почтовый ящик ей делал я, а потому пароль я знал). Там оказалось множество моих - Злюкиных - старых писем. И пять новых. От Злюки!

Я ИХ НЕ ПИСАЛ!..

Серега замолчал, опустил голову.

- Ты думаешь, что это «ИНО»? - спросил Саня.

- Да ни хрена я не думаю. Я разрешил ей приходить сюда. Если она счастлива, пусть трахается со своим компьютерным идиотом. Да и... - он выругался. - Надо водки взять. Бухать сегодня будем!

Рассказ Сереги на Саню произвел большое впечатление, но от Каролины не спас. Мозги ведь не переделаешь. Серега все же разрешил ему проникнуть в «Интернет» - пусть делает, что хочет. Саня в тот вечер несколько часов просидел в «диване», ждал Каролину, но так и остался одинок. Письма тоже к ней не уходили - «Нет связи».

- Это же платный сайт, - заметил Серега. - Может, потому и не срабатывает?!

- Но ведь раньше все было нормально, - говорил Саня. - Может, она на меня обиделась?..

- Да она ведь... Короче, думай, что хочешь.

И Саня выдумал. Не знаю, какова там у них была цена за услуги, но Саня попросил меня дать взаймы сотку. Тут уж я не сдержался и высказал ему все, что думал по этому поводу. Денег ему не дал:

- Нет, и точка!

Пару дней я его не видел. На третий он пришел и попросил пятьдесят. Деньги у меня были. Я и больше мог бы одолжить, даже подарить, но для этого...

- Саня, прекращай ерундой заниматься. Тут скоро концерт в клубе намечается. Говорят, «Крах» играть будет.

- У меня денег нет.

- Я тебе одолжу.

Он пристально посмотрел на меня.

- Нет, Санек, даже не проси. На это не дам!

- Купи тогда у меня гитару.

- Совсем свихнулся? Ты что?

- По дешевке!

И я одолжил ему сотку. Вдруг правда продаст гитару - или в криминал какой-нибудь влезет. Друг все-таки. Саня, счастливый, умчался к своей Каролине. Долго что-то с деньгами мучил, и все же в «ИНО» он попал.

- Черт возьми! Ее здесь нет!..

Саня был вне себя от злости и отчаянья. Мы просмотрели все фотографии, искали через «поиск» - Каролины нигде не было.

- Может, ошибка какая?.. Может, комп тупит?

Ошибки никакой в компьютере не было, как не было в «ИНО» Каролины. Только на следующий день, когда мы пришли к Сереге, тот сказал, что нашел причину.

- Я тут читал про эти игрушки... Ну в смысле, про «ИНО». В общем, такие программы, как Каролина, существуют каждая в единственном экземпляре. И каждая автономна. То есть сама по себе.

- Это как? - посмотрел на него Саня.

- Ну как бы тебе объяснить... Каждая такая программа уникальна. Ее нельзя ни скопировать, ни скачать - если, конечно, она сама этого не захочет. Ее можно заставить, пригрозить, что ли. Каждый такой файл - это как личность. Блин, не могу тебе простым языком все это объяснить. Ну вот, например, ты - идешь куда хочешь, тебя нельзя копировать... Вот так и она, только в компе. И еще: эта программа может находиться только в конкретном месте или системе. Она не может, например, одновременно быть

на двух дисках. Ну, ты понял?

- Немного да.

- Кстати, о Каролине. Я ж тебе самую важную новость не сказал. Тут на одной страничке писали... Вот, читай!

Я тоже взглянул на экран через Санино плечо... Вот это новость! Каролина... Там даже фотография ее была. В общем, она сбежала!

- Она теперь может быть где угодно: в любом компьютере или даже во всей системе. Они их удерживали какими-то вирусами - так и заставляли на себя работать. А твоей красоте удалось от этой дряни избавиться. Они ее ищут. Боятся, что кто-нибудь ее перехватит и раскроет тайну ее электронных мозгов.

- А вдруг, ее уже кто-нибудь... - забеспокоился Саня.

- Может, и так. Откуда мы можем знать?

Саня приходил в «Погорсеть» каждый вечер. Постоянно проверял почту, пропадал в «Царстве грез» - ждал. Появилась она только через две недели... Для МОПСА и КАРОЛИНЫ это можно назвать величайшей радостью и катастрофой.

Мы пришли к Сереге, как обычно, вечером, и у входа в «Погорсеть» повстречали высокого мужчину с дипломатом и в черном костюме. Он мне почему-то сразу показался странным, но тогда я подумал, что это один из служащих, задержавшихся допоздна. Но когда мы вошли в здание, меня тронул за плечо Серега и кивнул головой: «Погоди». Мы остались в коридоре, а Саня, как обычно, пошел к компьютеру.

- Что случилось? - спросил я, увидев обеспокоенное выражение лица у Сереги. И почему-то вдруг подумал, что тут каким-то образом замешан тот господин с дипломатом. Так и оказалось.

- Он за Каролиной пришел.

- То есть как? - не понял я.

- А вот так! Помнишь, я рассказывал о том, что она может быть где угодно? Так вот, она у нас в системе. Сегодня Саня поговорит со своей Каролиной, а ее...

- Да, но как они... - я запнулся, вдруг осознав всю ситуацию. - Ты им сказал?!

Серега молча опустил голову.

- Это же... Да как ты мог? - я почувствовал тут, что внутри у меня все начинает закипать. - Это же предательство!

- Короче, Витек, я тут думал...

- Да что ты думал!.. Ты че такой черт? Я Саньке скажу!

- Стой! - закричал Серега, пытаюсь меня удержать. Я оттолкнул его: «Да пошел ты!..» В кабинете я увидел радостного Саньку:

- Витек, есть! Она вернулась! Смотри!..

- Саня... - начал я и быстро рассказал ему все. Тот побледнел, глаза его расширились, и он быстро начал что-то набирать на клавиатуре.

- Ее же надо предупредить!.. Да е...

И вот все закончилось. Он еще долго сидел у компьютера, смотрел на экран.

- Как же это?..

Потом встал и пошел к двери. Я даже не стал его удерживать. В комнату в этот момент входил Серега, улыбался. Саня оттолкнул его молча и ушел.

- Витек, тема!.. - сказал Серега.

Я отвернулся. Мне его видеть не хотелось. Он подошел и протянул диск:

- Тут Каролина!

- В смысле?

- В прямом, - гордо объявил он. - Я специально связался с «INO», рассказал им план поимки Каролины. Они ее блокировали и вычисляли везде. Потому она и не показывалась. Но поймать не могли. Вот я и предложил им вариант. Они согласились, открыли ей доступ, а я ее скачал. Она сама согласилась! Они-то думают, что стерли ее, а она тут! Я в «диван» вошел под именем «ZLOY». Никто даже не догадался. Ты ж не захотел меня слушать. Чуть не испортил все.

- Так надо срочно Саньке сказать, - засуетился я, и мне стало как-то неловко перед Серегой. Как я мог о нем подумать, что он предаст дружбу. Я побежал к выходу, на пороге встретил того, в костюме, зло ему ухмыльнулся и выскочил на улицу.

Саня лежал на бетонированной дорожке у клумбы. Кровь темным зловещим пятном растеклась по земле. На третьем этаже было распахнуто окно.

- Господи Боже! - голосила какая-то старушка. - Чего ж это он так, бедненький!..

Вскоре приехала «скорая помощь»...

Я вернулся в кабинет. Серега сидел молча у компьютера. Говорить ни о чем не хотелось. Саня был мертв. На столе лежал диск, а в нем... Серега вставил его в машину. На экране файл:

КАРОЛИНА.INO

«ВВОД»

Чистый экран.

СЕРГЕЙ: Привет, Каролина. Слышишь меня? Как дела?

Пауза. Я уже начал было беспокоиться, но...

КАРОЛИНА: Сергей, лучше некуда!

МОПС: Серега, мы тут не скучаем!

Мы долго смотрели на экран, не в силах поверить. Потом я написал:

ВИТЯ: Саня, это ты?

МОПС: Витек, а ты сомневаешься?

Мы разговаривали весь вечер, но так и не могли до конца поверить в чудо. В том, что это был Саня, сомнений никаких не оставалось. Ощущение такое, будто он сейчас сидит в соседнем кабинете и дурачит нас, как Злюка Nerpy.

СЕРГЕЙ: Ну, вы заходите как-нибудь.

ВИТЕК: Саня, не забывай!

МОПС: Конечно, корифаны.

СЕРГЕЙ: Будьте счастливы!

Серега открыл доступ в «Интернет».

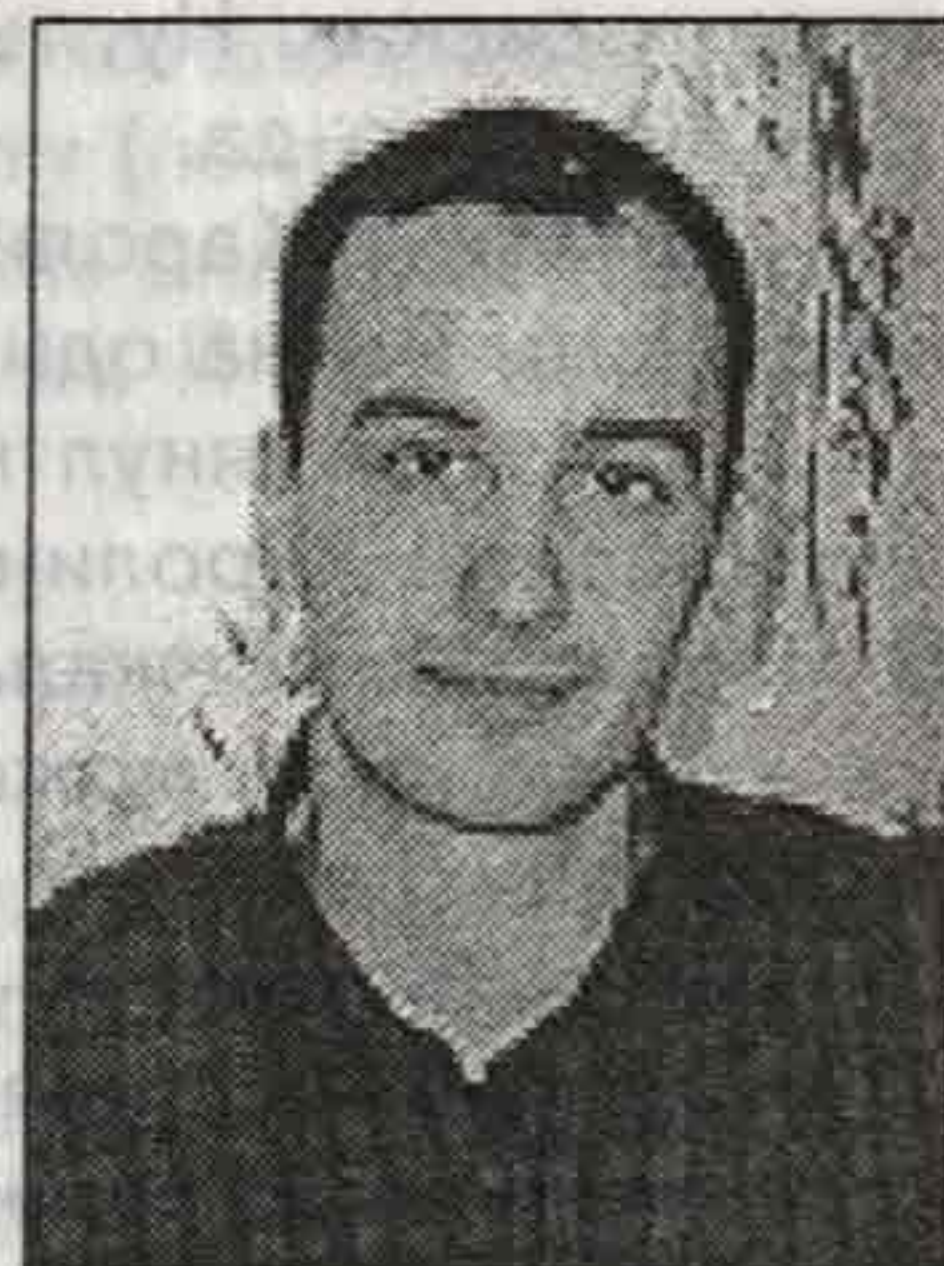
Злюка: Ты тоже не грузись.

И они ушли в бескрайние просторы «Интернета».

Антон Геут

Написал Антон стихов, принес. Читаем - не то. Нет - так, в общем-то, грамотные. Но - не то... Редакцию альманаха иногда одолевает привередливость. Тогда Антон написал рассказов - несколько штук. Читаем: мать честная... То! (см. «Приамурье» за 1997 и 1998 годы).

Сейчас автор живет в Хабаровске. Ему 24 года. Глядишь, еще чего-нибудь напишет. Только, Антон, вот что: на такую тему, как в «Завитке», - чтоб в первый и последний раз! У нас приличное издание, а не какое-нибудь там продвинутое.

Рассказ

ЗАВИТОК

Худое гибкое тело, грудь небольшая, ноги хорошей формы. Запястья почти ломкие, пальцы музыкальные. Некрупные, чистые линии лица, нос прямой. Прическа каре, волосы темные, почти черные. Глаза закрыты.

Не торопите события - это еще не морг - это совмещенный санузел обычной двухкомнатной хрущевки. Девушка стоит перед зеркалом с закрытыми глазами и медленно говорит:

- Этого не может быть...

Она открыла свои, немного восточные, глаза и посмотрела на свое отражение. Смотрела с новым интересом. Ее глаза поражают, они как бы сливают все отдельные детали ее самой и воплощают в образ, который способен будоражить воображение любого человека.

Она еще раз повторила:

- Этого не может быть... - и медленно стала осматривать себя в зеркале.

Это тело, если внимательно прислушаться к себе, вызвало желание его смять: оно было хрупким и в то же время что-то таило в себе. Но она еще не знала этого точно, только чувствовала. Ее звали Ира.

Она вздрогнула: в зеркале отражался дверной проем санузла - и в нем мелькнула женская нога, обнаженная, сексуальная и похожая на ее собственную.

- Этого не может быть!..

Она отрешенно смотрела, как в дверях появилась ее - Ирины - точная копия. Которой и принадлежала нога. Копия была одета лишь в белую мужскую рубашку и вошла в дверной проем откровенно по-кошачьи. Сказала:

- Я тоже еще полностью увериться не могу...

Ира, все так же глядя в зеркало, ответила:

- И тебя тоже зовут Ира...

- Угу, - легко засмеялась Копия и переступила через порог. Обняла сзади застывшую у зеркала Иру, посмотрела в зеркало и сказала:

- Этого не может быть...

- Этот сумасшедший Паша назвал нас астральными сестрами, он писал, что сходство пошло дальше внешней стороны. Это правда, что он попросил тебя записать свое впечатление от его рассказов?

- Да. Как только мы познакомились, он постоянно приглядывался ко мне. Теперь я понимаю, что он просто сдерживался, чтобы не сказать: «чур меня». Он всегда меня угадывал. Когда я приходила в гости, он уже знал, что это я за дверью. Он знал, чего я хочу, иногда раньше меня. И сразу стал задавать вопросы...

- Какие?..

- Разные, например, как часто я следую своим желанием.

- И что ты ответила?

- Почти никогда. Как правило, не имею возможности, - пожалала плечами Ира.

- А я почти всегда, - весело заметила Копия. - Молодец Паша!

Паша говорил, что она едет на встречу с собой, но, несмотря на предупреждения, Ира была поражена. Они приехали в этот большой, совершенно ей незнакомый город в середине погожего осеннего дня. Паша был угрюм и сосредоточен, объяснял это излишней криминальностью города. Ира сразу вспомнила родителей. Они были очень против этой поездки. Возможно, из-за этого «очень» она и поехала. Она любила родителей, но Паша предложил поехать вместе походя, и она поняла, что он не верит даже в возможность такого путешествия. И - поехала. Ее огорчало, что Паша это понял: он был скепичен. Ей двадцать три.

Паша успокоился, только подойдя к железной двери одной из квартир пятого этажа кирпичного дома. Он не замечал, что она видит его чувства, и она была довольна этим. Здесь, перед дверью, он вспомнил об эффектах и ввел ее в квартиру, попросив опустить голову. Ира решила быть терпеливой - и слушала, не поднимая голову, приветствия, поцелуи и сбивчивые, но энергичные обвинения в том, что бросил. Женский голос действительно напоминал...

Паша сказал:

- Ир, ты что? Поднимай голову!

Ира чувствовала стеснение, и вся эта затея ей представилась глупой. Она хотела поздороваться, но встретилась взглядом с ней...

...В тишине прихожей ненужно прозвучал голос Павла:

- Мне некогда, девчонки, - жена ждет. - Он вышел, улыбаясь.

Они решили поужинать. На кухне были только обыкновенный умывальник с краном и подоконная ниша для продуктов. В углу стоял бумажный мешок с крупами и макаронами в отдельных пакетах. Рядом с ним, на полу, ближе к умывальнику - кучка грязной посуды. В нише под окном с одной стороны лежало немного продуктов, с другой - составлена чистая посуда. Посуды мало: кастрюля, сковорода, еще маленькая кастрюля, три глубоких фарфоровых тарелки, два блюда и три чашки для чая. Были еще стаканы, четыре штуки, - они вместе с початой бутылкой какого-то ликера стояли на подоконнике. Там же стояла одноконфорочная электрическая плитка, обильно покрытая остатками пищи и от этого несколько бесформенная.

Уже стемнело - остальная квартира спряталась за ярким светом кухни, больше нигде свет не включали. Потолок на кухне был свежепобелен, обои новые, неназойливо светлые, и пол перекрашен недавно и чист.

- Это не моя квартира. Ее недавно купила мама одной моей старой знакомой. А Юлька побоялась одна жить,

нашла меня и уговорила... Я сначала боялась эксцессов всяких... Переспала с ней когда-то, дурочка, а она вдруг любовью воспылала, преследовать меня вздумала, руки наложить грозилась... Да нет, - как рукой... Носится тут со своими... Лежит сейчас в больнице: не хотела к врачу идти, когда надо было. Не знаю, что за бредни у нее в голове, насчет этого ее Саши, но кончилось тем, что сама нахимичила с беременностью, и теперь болячка может остаться на всю жизнь. Дуры-бабы! Так что осталась я одна надолго, относительно, конечно. Хорошо, что ты приехала - одна я долго не могу.

Они подогрели то, что осталось от дорожной еды у Иры, запивали чаем, обильно разбавленным ликером. Необычность вкусового ощущения компенсировала для Иры всю эту ситуацию. Они все более осваивались, все более понимали друг друга. Ира чувствовала, что Копия излишне откровенна, но и, казалось, понимала почему.

Этот ужин кружил голову. Они одинаково сидели за столом, одинаково держали руки, одинаково наклонялись - их движения отражались. Они уже допивали чай, когда Копия сказала:

- Шоколадки хочется... - сказала, слегка протягивая слова, и они вздохнули - немного в голос, похоже на вздох кутенка. Они вздохнули одновременно и совершенно одинаково, удивленно посмотрелись, словно в зеркало, и надолго замолчали.

- Ира-а, - крадучись начала Копия, - а что тебе Паша про меня рассказывал?

- Ты была Музой...

Копия досадливо дернула плечом, и Ира замолчала. Она сама не знала, почему сказала именно это. Копия медленно спросила:

- Так, значит, он просил тебя записать, что думаешь о его рассказах? - Ира кивнула, и Копия продолжила: - И ты сравнила его слова с пружинками, готовыми развернуться, и призналась в слезах после прочтения ... не особо связанных с рассказом? И повторила несколько раз: «пиши, пиши»? И ...

Ира прервала:

- А правда ...

- Что это уже было? Правда...

Пока Копия устраивала постели: Ире на диване в зале, себе на полу в другой комнате, - Ира вымыла посуду. Потом по очереди умылись. Говорили мало. Ира чувствовала простое, но сильное утомление. И странное напряжение. Может быть, потому, что свет в комнатах так и не включили - обходились светом из кухни. Они ограничивались бытовыми фразами: где что лежит и куда что класть. Легли спать.

Полной темноты не было. Ира ворочала в постели воспоминания дня. На миг вспомнилось, как Копия посмотрела в окно и сказала почти озабоченно: «Полнолуние сегодня...» - затем оглядела Иру и отвернулась.

Беспокойные сны. Ползающий по комнате лунный свет. Ползающий, терпкий, жаждущий. Она отдернула руку и резко открыла глаза, она задыхалась. Казалось, прошло уже много времени с момента, когда они легли. В кухне горел свет. «Она там...»

- Ты что не спишь?

- Да как-то...

Она стояла в дверях кухни и рассматривала Ее - у окна. Копия накинула на себя одеяло, накинула на спину - придерживая оба конца на груди одной рукой так, что была видна вся, она была в трусиках. Ира резко отвела взгляд. Пожалела, что сама не завернулась в одеяло, а накинула крупно вязанную кофточку из нежной шерсти. Теперь ее откровенно разглядывали.

- Я еще днем хотела сказать, какая хорошенькая у тебя эта кофточка, - Копия подошла и потрогала шерсть, - дарит прикосновение... Ладно, пойдем спать.

- Пошли, - Ира пошла в зал, но там она прошла мимо дивана к широкому окну и встала рядом с чем-то темным и громоздким. Оказалось - телевизор. Она слышала, как в комнату вошла Копия. Копия остановилась, глядя на

силуэт у окна. Затем прислонилась к стене и закрыла глаза. Трепет тишины.

- Подними руки... Чувствуешь, как... - голос стал меняться, - как грудь натягивает эту шерсть?

Ира стояла у окна с поднятыми руками. Мгновение истомы было страшно бесконечным. Вдруг на грудь легли руки из-за спины, пальцы нежно нашли через шерсть кофты острые соски.

Измученный вздох.

Конечно, они совсем разные.

Ира проснулась немного поздно для себя: тринадцать минут десятого. Ира проснулась сразу и тут же нашла глазами будильник - по привычке отслеживать время. Будильник стоял на подоконнике и тикал. Она отвела глаза от часов и, приподнявшись на локте, осмотрела Копию. Конечно же, они совсем разные!

Та, другая, спала, разметавшись рядом - на их диване. В ее позе были насыщенность и удовлетворение. Она лежала настолько женственная, что, казалось, диван обнимает ее, неуклюже путаясь в простынях и одеялах и немного ревнуя к подушке. Ее волосы везде были намного темнее, каре - длиннее, подбородок - крупнее. Губы и вправду, как скопированные, но мышцы рта заметно более развиты. Ее тело не было ломким. Ира вытянула свою левую ногу вдоль ее, высунувшейся из-под одеяла, ноги: они были разными. Ее формы были закончены и притягивали к себе не только взгляд. «И пахнем мы по-разному!» - подумала Ира, коснувшись губами ее бедра. Коснулась и резко отстранилась, встала с постели и пошла в ванную. Так она будет называть этот безобразный санузел.

Потом она зашла на кухню и выпила стакан холодного чая, задумалась о завтраке, махнула рукой и вышла в комнату. Ира никогда раньше не видела таких оголенных квартир. В зале стояли только - у одной из стен диван, и телевизор - в углу у окна. Телевизор был большой и, видимо, когда работал, подчинял себе все пространство комнаты. Сейчас он притаился - добродушный и выключенный - в своем углу. В соседней, смежной комнате, куда заглянула Ира, был только небольших размеров платяной шкаф с провисшей левой дверцей. Напротив него под окном, на полу, вплотную к батарее отопления, лежала неубранная постель Копии. Иру поразило, что между полом и простыней было лишь тонкое одеяло.

Постель на полу выглядела сиротливо. Над ней на подоконнике не менее сиротливо лежали зеркало, губная помада и пудреница, два письма и тетрадь. Из-под тетради выглядывали ручка и записная книжка. Ира на цыпочках вернулась обратно в большую комнату - «зал».

Она боялась разбудить Копию, сейчас ей этого не хотелось. Ира присмотрелась к обоям: они были светлее, чем на кухне, и создавали ощущение чистоты и тепла. Можно рассматривать рисунок - цветочки всех оттенков розового, рассматривать «полепесточно», как сказала с удовольствием Копия вчера, показывая квартиру.

С дивана слышались шорох и легкое постанывание. Копия перевернулась, и теперь видны были отчетливо выступившая лопатка и дуга позвоночника. И вся квартира, эта комната, телевизор, стены в обоях - все обратили на нее свое внимание. Ира подошла вплотную к дивану, постояла, вглядываясь в эту спину, и легла рядом. Подумала: эта квартира - наше обрамление, как рама у картины.

Или ваза у цветов.

Ира проснулась от лязга железной двери. Она лежала на диване одна, накрытая одеялом. Одеяло заботливо подоткнуто, а из коридора слышались слова приветствия. Пришла какая-то девушка. Ира повернулась и села на диване, обняв колени руками и скрестив лодыжки под одеялом, в которое плотно завернулась. Лицо скрыли волосы, и она только кивнула, когда Копия проводила гостью в кухню. Копия сказала громко:

- Ты уже проснулась? К нам в гости Света пришла. Свет, - это Ира.

- Я на минуточку...

Света не понравилась. Она присматривалась как-то грязно. Ира решила остаться в постели и слушала кухонный разговор, глядя в окно.

- Прикинь: Томка - дура - залетела от Юрки...

- Да ты че!.. Ты же не горячий чай пьешь? Тогда держи, - услышался звон чайных ложек.

- Хватит, хватит, - куда ты мне столько сахара! И так как корова. Да! Залетела... Приручала его, приручала, и на тебе - сорвалась. Нажрались в «Саппоро», и он ее, естественно, в постель. О чем она думала? Теперь он кричит, что ему на х... ничего не надо. Пусть, что хочет, делает или идет куда...

- Свинья Юра!

- Вот и я говорю: свинья. А пацаны наши угорают, цепляют его. Он бесится. Она ревет. Сват, кстати, хмурый ходит. На тебя хмурый. Пацаны от него шкеряются по углам да по делам. Говорит, обижаешь ты его.

Ира поняла, что тема сменилась, только по реакции Копии:

- Обижается, говоришь, - интонации разговора явно менялись. - Пусть обижается - там ему и место...

- Говорит, путаешься с кем-то, и он этого не перенесет, мол, и самца этого завалит. Это мне Пестрый передавал, я сама не слышала, - скороговоркой уточнила Света. - Он вроде как подпил и грозил всех «друзей этих гребаных» - его слова - подтянуть...

- Пусть этот козел не беспокоится. Мои друзья и без него смерти ищут. А пугать меня не надо!

- Да я что? - почти обиделся голос Светы, - так, к слову пришлось, чтоб ты знала, если что, откуда ветер дует... Да и пойду я: у меня стрелка здесь - с Мишей - на углу. Он всегда ворчит, когда меня ждать приходится, что бензин горит.

- Как у тебя с ним?

- Да черт его знает, - хрипло рассмеялась Света, выходя из кухни и оборачиваясь к идущей за ней Копии. - Бензин жалеет... Та еще свинья. Но тачка у него - ништяк.

Она обувалась в прихожей, вернее, рядом с ней. За чем-то вытащила обувь почти в комнату и обувалась, поглядывая на Иру. Копия улыбалась губами над ее согнутой спиной. Света разогнулась, покрасневшая, и показала пальцы левой руки, все в кольцах:

- Кольцо вот вчера мне подарил. Выпросила... Ну ладно, я пошла. Что пацанам-то сказать? Придешь - нет? Сегодня все собираются: удачу праздновать. Все будут...

- Нет, не могу. Человеку надо помочь по городу сориентироваться.

Дверь лязгнула, знаменуя конец вторжения. Копия вышла из прихожей, улыбнулась и бросилась на колени к дивану, к ногам Иры:

- Ты так завернулась... А мне совсем не холодно. Не обращай внимания на Светку, она глупая...

Ира поежилась и накрыла одеялом голову, оставив только глаза. Копия спокойно приняла взгляд из амбразуры:

- Можно подумать, я не пойму, что ее специально послали. Босс, видите ли, не доволен, - она помолчала и спросила: - Значит, Паша сказал, что я была Музой? Была...

- Порушила многим и многое, - сказала Ира - глухо из-за одеяла.

- Просто они оказывались лицом к лицу со своей слабостью. Но это случай совсем из другой оперы. В смысле - не из творческих людей этот ... Сват. Я с ним познакомилась еще в нашем с Пашей маленьком городе. Пашку уже знала, кстати. А этот ... Вова, с которым я случайно познакомилась в кабаке, оказалось, отвечает за наш город. Ну, это значит...

- Я знаю, что криминал, - прервала объяснения Ира.

- Вот. Месяца два он меня пичкал и баловал, поил и

холил. Одно его расстраивало: маленький был. Подопьет - танцевать просится. Представляешь, как смешно? Стервы ихние - блатные - ух, меня не любили. Сучки.

Но забавно было быть «девочкой Самого». Понятно, что не надолго. Только, оказалось, я это лучше понимала. Один раз они из-за меня, твари, мальчика приезжего избили в ресторане. Я, видите ли, соскучилась в очередной раз и пошла с народом общаться. А он танцевал так классно. В общем, проревелась, протрезвелась и ушла от них. Бабы говорили, повезло, что отпустил.

Оказалось, пожалел потом. Повезло же мне встретить его здесь! Только люди растут со временем, теперь он этот город держит. И почему-то решил, что для меня это аргумент.

А у меня заскок пошел. Я, конечно, побаловалась и здесь немножко, когда поняла, что влияние имею. Да и дела кой-какие были. К тому же все его «поползновение» в постель легко было устранять. Бр-р, представить этого не могу. Остальные тоже поутихли, ну я и резвилась. Да недавно один молодой там решил повеселить меня байками, и рассказал хит сезона, как они говорят. Нашли по объявлениям в газете квартиру, где видеокamera продают за штуку баксов - тысячу долларов, понимаешь? И, как обычно, просветили эту квартиру - бабушка с внучкой-старшеклассницей, почти всегда одни. Под ночь прямо в том же подъезде надели маски, и вдвоем с обрезками встали перед дверью этой квартиры. Позвонили: открывает дверь бабушка, смотрит на них и говорит: «Вам кого?». А они молодые еще - стоят и молчат, тормозят, короче. Бабушка тихо начинает дверь закрывать. Один из пацанов врубается и вежливо говорит: «Мы насчет видеокamеры», и бьет ее прикладом в лицо. Бабка падает перед дверью, и все опять застывают. Появляется внучка и говорит лежащей бабушке: «Меньше двери будешь открывать, дура». И закрывает дверь перед носом у грабителей! В масках и с обрезками!

Копия засмеялась, но быстро перестала:

- Вот и тогда мне стало смешно, а потом ... нет. Ведь очень просто оказаться по ту сторону двери, что и та бабушка. Получается, что, веселясь с ними, я открываю дверь своей квартиры.

Копия загорячилась:

- Вот и Ольга, подруга моя давняя, - она с ними не связана - говорит, что это у меня временно. Конечно, ко мне никто не полезет, да тут и брать-то нечего. Но ведь получается, что я открываю не только свои двери перед ними, я открываю много дверей! Я, конечно, сука, но как-то не хочется быть плохой, неприятно. А тут еще эти взрывы везде, терроризм. Знаешь, мне кажется, я много знаю о том, где берутся такие люди.

Ну ладно, что-то меня понесло. Ольга права, и мне просто стало с ними скучно, - она деланно засмеялась и запустила руки под одеяло. Ира чувствовала, как ее руки пробиваются к ней, и они нашли, нашли и прикоснулись. Сначала перебрали пальчики ног, потом заскользили к бедрам. Ира вздрогнула.

- Ты нежная и горячая, - сказала Копия. Ира заметалась где-то внутри, произвольно пискнула в одеяло, и все взорвалось: одеяла, диваны, бастионы, квартиры, города и проблемы.

Они проснулись вечером, почти одновременно. Ира осторожно высвободилась из объятий Копии и встала. Сразу почувствовала, как неуютно и холодно в остальном от их постели мире. Она подобрала разбросанную на полу одежду и отнесла в ванную. Там накинула на голое тело свою шерстяную кофточку. Кофточка позволила примириться с враждебным к ее теплу пространством.

Она вышла в зал и зачем-то включила телевизор. В комнате отчетливо прозвучали слова:

- В результате взрывов в Москве погибло... - Копия неожиданно чихнула в постели, - ... человек...

Ира нашла, наконец-то, как сделать тише.

- Сколько погибло? - проснувшимся голосом спросила Копия.

- Я не расслышала.

Копия подняла голову и посмотрела на экран:

- Не могу на это смотреть, особенно, когда люди плачут. Это сильнее, чем тела, правда? - спросила, уже отвернувшись от телевизора, - выключи, пожалуйста. Нет, - лучше - переключи.

Ира переключила. На втором канале шли мультфильмы. Копия встала на ноги прямо на постели и потянулась, все более выгибаясь. Резко повернулась к Ире:

- Не засматривайся, все равно ты лучше, - улыбнулась и спросила, - тебя за твои глаза как-нибудь дразнили?

- Туркменкой, мы там жили долго.

- А меня - нанайкой, я ж с Нижнего Амура. Вот что значит география. Любишь Вишневого? Я - очень. «О, как внезапно кончился диван!..» - процитировала она и торжественно сошла на пол, - пойду помоюсь.

Ира уже досмотрела новости, когда Копия вышла из ванной. Копия вытирала на ходу волосы большим махровым полотенцем - коричневым, с каким-то рисунком. Сквозь волосы она спросила:

- Ты пойдешь мыться?

- Пойду, а что?

- Сходим потом в магазин? А то кушать хочется, а в доме нет ничего.

- А тут есть поблизости магазин, где сладости есть?

- Ага, они сейчас везде есть. Давай мойся, потом просохнем и сбегает, пока не сильно темно.

Ира помылась, они высушили волосы и пошли в магазин, который оказался в соседнем доме. Там были пьяный дядька и продавец, явно утомленный его обществом. Девчонки решили развлечься. Копия подошла к прилавку с одной стороны дядьки и попросила его подвинуться. Тот подвинулся, собираясь что-то сказать, но подошедшая с другой стороны Ира сказала слегка раздраженно:

- Я же попросила вас подвинуться, а вы еще и напираете!

Дядька резко обернулся, потом снова посмотрел на Копию, потряс головой и оттолкнулся от прилавка. Медленно пошел к выходу, пробормотав нечто вроде «допился».

Продавец, довольный такой выходкой, охотно выставлял «сестричкам» все, что они просили. А они решили, что понятие «завтра» слишком обременительно, чтобы не мешать чистой радости, и набрали три больших пакета всяких вкусностей. Настроение было хорошее, и даже продавец шутил не слишком грязно.

Они вернулись домой и закатали себе ужин на полу перед телевизором. Но на экран внимания почти не обращали, слишком заняты были друг другом. Наелись, напились вина, перемазались шоколадом, начали его слизывать...

Им было хорошо эту ночь и все следующие сутки.

Очередным утром дверь залязгала снова.

В зал мужским шагом быстро вошла коротко стриженная светловолосая девушка с жестко очерченным подбородком, одетая в джинсы и кожаную куртку, что - все вместе - скрывало талию и крупнито плечи. За ней шла смущенная Копия. На незнакомке не было косметики и украшений, но ее глаза и кисти рук поражали своей женственностью. Она взмахнула рукой в сторону Иры и почти грубо сказала:

- Икина, ты почему опять на работу не ходишь? Опять любовь? Ты и так на волоске в этом магазине висишь. Забыла, какие штрафы за несоблюдение необходимой документации менты берут? И не только менты... У тебя же прописки нет, тебя выкинуть с работы - пара пустяков. Даже предлога искать не надо!

Ира снова оказалась одна против всех. Она проснулась от звука открывающейся двери и сидела теперь на диване, укрывшись одеялом.

Копия вспыхнула:

- Все равно тот мент - «помощничек» - от меня уже не отстанет. Полковникам надо помогать вести их семейный быт и поддерживать в них уверенность в своей потенции.

Незнакомка безнадежно махнула рукой:

- Тебе, как всегда, везет...

- Ну, на добрых и бескорыстных дядечек, - Копия сказала это язвительно и повернулась к Ире, - но иногда мне потрясающе везет на людей!

- А им на тебя? - усмехнулась незнакомка. - Ира, ты хоть познакомь, что ли.

- А что знакомить? Она - это я, а я - это она. А эту классную даму зовут Ольга, по отчеству не надо, очень я попрошу, - сказала она Ире.

- Если я правильно поняла этот бред, тебя тоже зовут Ира?

Ира кивнула.

- Фамилии, надеюсь, разные?

Ира снова ограничилась кивком.

Ольга вдруг резко приблизилась и наклонилась, всматриваясь в ее лицо:

- Черт! А я, курица слепая, сразу и не заметила. Вы же, как однояйцовые... Икина, ну почему с тобой всегда случаются такие вещи?!

Копия выглядела самодовольной.

Ольга осмотрелась и спросила:

- А где этот - спасенный который? Я сперва на него подумала, ты же говорила, что приехать должен.

- Ты что! Он же с женой...

- До сих пор с той же? Это два года уже? Вправду спасся, что ли?

Копия засмеялась:

- Не пугай ребенка, тем более, что Ира и приехала сюда с ним.

- А-аа, - Ольга резко оборвала себя, - пошли, пару слов скажу.

Не обращая внимания на торопливый шепот в коридоре, Ира встала и оделась. Пошла на кухню. До нее долетела фраза Ольги: «...деньги-то хоть у тебя есть?». Ира вошла в кухню и поставила нагреваться чайник. Плитка стояла на полу, Ира села рядом с ней, озябнув, и стала смотреть в окно. Небо в стеклах было бледным. Больше ничего не видно - пятый этаж.

Громыкнул засов двери. В тишину кухни вошла Копия. Она села рядом, обхватив руками свои колени:

- Не обижайся, Ир. Мы с Ольгой знаем друг друга очень давно. Когда-то целый год прожили вместе. Она очень талантливая. Сейчас, наверное, можно сказать, что была: запустила себя. Я очень люблю ее стихи, ранние, естественно. Во многом ей нет даже равных. Если б ты видела, что она читает! Философия, поэзия, классика, какие-то технические вещи, знает музыку. Так она всем этим еще и владеет! Как начнет кого-нибудь из имен ругать! Я помню, у нее кризис очередной прошел, и она натащила домой всяких палочек, хвой, листочков, камушков каких-то, даже битого стекла, и сделала из этого мусора такой коллаж, что дух захватывало. Получилась настоящая картина. Причем с эффектом объема, с точно подобранными цветами, и все это как-то покрыла, лаком, что ли. Я часами сидела - рассматривала эту вещь! - Копия вздохнула, - сожгла она и это, когда решила, что не будет больше творить. До сих пор не могу ей простить этих самосожжений. Сейчас работает в этом городе бухгалтером и подчищает свои дела. Хочет уйти из жизни. Одна трудность - надо, чтобы ее мать не поняла, что это самоубийство. Вот и работает над деталями.

Чайник под рукой Иры заворчал. Копия спросила с вызовом:

- А почему ты не реагируешь на страшное намерение - суицид?

- Я думаю об этом каждые три месяца.

- Ты тоже?... Мне цыганка сказала просто так, бесплатно, что я буду долго жить. Как страшно, что впереди еще целая жизнь, да?

- Не зна...

Дверь загрохотала под чьей-то ногой.

- Кого еще черт принес?! - Копия вскочила и побежала открывать.

Ире захотелось вжаться в угол. Она пересилила себя

и вышла в зал, включила телевизор. Она не видела, что показывает экран, и слышала не то, что в нем говорилось. Из коридора голос Копии:

- Саша, я занята сейчас, Приходи потом.

В дверь снова уверенно постучали. Копия отозвалась уже раздраженно:

- Ну, че надо?! Что принес? Ух, ты!

Гулко стукнул засов, и дверь открылась. В коридор что-то внесли, прошелестели пакетом. Копия захлопала в ладоши и закричала:

- Сашка, ну, ты даешь!

Послышалось что-то обиженно мужское с нотками самодовольства. Копия снова воскликнула:

- И диски принес?! - утвердительно зашелестел полиэтиленовый пакет. - Ну ты даешь! Дай, я тебя поцелую. Ну прости меня - суку. Не могу я сегодня тебя пустить, - она перешла на шепот, хорошо, впрочем, различимый, - ... да, у меня гости ...нет, нельзя ... она ребенок еще совсем, в институте учится: китайский и английский изучает. В Интернете работает, маму с папой любит. Она таких рож, как у тебя, и не видела, наверное, так что и нечего пугать. Ну, прости меня, тварь такую, не могу тебя пустить. Так, что за руки?! - шутливо, но твердо поднялся голос Копии. - Иди, иди. Что? Поцеловать - только один раз. Когда? Не знаю - позже, позже... Чао.

Дверь закрылась.

- Ира, иди помоги! - Копия волокла из прихожей огромный черный ящик. Ящик оказался музыкальным центром с пристегнутыми к нему колонками, - возьми там пакет, там целая куча дисков. Я давно уже жаловалась, что музыки хочется, но от Сашки не ожидала!

Ира сказала «здорово», сходила за пакетом и поставила его рядом с центром, который уже стоял в дальнем от окна углу - рядом с розеткой. Копия торопливо подключала аппарат.

- Я знаю этот центр. Он у Сашки и стоял дома в счет чьих-то долгов. Саша меня научил, как с ним... - она закусила палец и стала нажимать кнопки на центре.

- Я пойду, помоюсь, - Ира выключила телевизор. Она ушла в ванную.

Когда она вышла, Копия сидела на полу, рядом с центром. Вокруг нее рассыпью лежали компакт-диски, часть которых еще выглядывала из разворошенного пакета. Она была возбуждена.

- Не хотела без тебя включать. Смотри, - она показала помятую бумажку, - он выполнил весь мой заказ, все, что я хоть раз упомянула! Как он запомнил?! Но внизу, конечно, приписал - вдруг я не замечу - что он это сделал. Ладно... Смотри, что тут есть! Вот с этого мы начнем, - Копия взяла в руки сборник саундтреков фильмов Квентина Тарантино, - третья тема... Ты смотрела «Криминальное чтиво»?

- Конечно, - ответила Ира. Она замерзла, выйдя из ванной, поэтому сразу оделась в джинсы и водолазку, плотно облегающие тело. Копия оторвалась от центра и смотрела, как Ира садилась на диван - на дальний его конец.

- Ух, ты какая... - сказала она, непонятно, что имея в виду. И включила музыку. Тут же выключила:

- Помнишь, когда они вернулись из кабака: он наколотый, она на кокаине, еще и оба накуренные, да еще и после танцев...

- Помню.

- И она перед смертью-то своей клинической, тему врубает на бобиннике, пока он в туалете себя уговаривал ее не трогать... - Копия снова нажала на «плей», вскочила и затанцевала, подчиняясь музыке и глубокому мужскому вокалу. Сначала напряжение крылось где-то внутри, и было просто красиво. Резкое бешенство звуков и ритма сорвало с места и Иру, и они, не видя друг друга, ушли в танец. Они исходили в своих движениях и не помнили их. Это превратилось в танец пугающего откровения: исходила боль.

Песня кончилась, и в наступившей тишине вдруг щелк-

нул телевизор. На экране появились одутловатые лица, и лысеющий мужчина внушительно сказал:

- В молодежи сейчас все больше истерии. Это можно об...

В комнате заорала гитара - пошла следующая на диске композиция. В руках у Копии оказались сразу два пульта дистанционного управления: сначала она выключила звук у телевизора, затем отключила центр. Растерянно села прямо на пол:

- Черт. Я его запрограммировала на кино хорошее, а он, - она дернула ногой в сторону телевизора, - истины изрекать вздумал.

Жирный продолжал открывать рот на экране.

- Да еще такими мерзкими ртами, - Ира передернула плечами и взяла с телевизора газету с программой передач на неделю. Ира еще бурно дышала и чувствовала себя несколько удивленной своим недавним неистовством.

- Это не тот канал.

- А-а...

Еще немного посмотрели на экран.

- Не изрекает, а изрыгает, - сказала Ира.

- Угм, - согласилась Копия.

Смотреть кино на другом канале не хотелось. Они помолчали, затем Ира выключила телевизор, тоже села на пол и спросила:

- Ира, тебя по-другому можно как-нибудь звать?

- Брет.

- Почему? - удивилась Ира.

- В тринадцать лет я попала в модельный бизнес. Жила тогда на западе России. Эта тема тогда только поднималась у нас. В нашем агентстве сразу было трое девчонок, я - самая молодая. Брюнетка - отсюда и «Брет». Еще были блондинка и шатенка, соответственно - «Блонди» и «Черри». Нас довольно хорошо покупали. На полиэтиленовых пакетах. Естественно, все быстро закончилось для наивной девочки. Хамские руки сломали первые чувства и так далее. Вернулась на Дальний Восток, и никто почти не знает об этом. Даже мать, - Копия нахмурилась, потом улыбнулась, - но Паше я рассказала об этом, потому что он меня поразил: пришел однажды в восхищении - прочел «Фиесту» Хемингуэя и сказал, что у него жесткие ассоциации главной героини со мной. Ты читала?

- Читала. Он не все сказал.

- ?!

- Еще ассоциации: себя самого с главным героем.

- Это он тебе сказал? У нас и вправду отношения были... сразу не скажешь.

- И не надо, - Ира улыбнулась и сказала, садясь рядом с Копией, - я буду звать тебя «Брет», так же звали ее в «Фиесте»?

Копия нахмурилась.

Ире надоело сидеть на полу, и она пересела на диван, потом легла, потянувшись:

- Брет, а ты гоняла когда-нибудь бесов по кровати?

Копия встала на колени рядом с ней и положила свои руки на ее грудь. Ответила, слегка улыбаясь:

- Я же гадаю... И часто угадываю. Только это сил много забирает, и тебе я гадать не буду.

Ира чувствовала ее пальцы на своей груди.

- Но ты все равно меня не любишь, - сказала Копия, и в дверь кто-то осторожно громыхнул.

- Тс-с, - прижала палец к губам Копия и на носочках побежала к двери. Ира вздохнула и накрыла одеялом резко остывшую грудь. Через минуту Копия перебежала на кухню, хлопнула форточка.

- Это Сережка был, - сказала она, выйдя через минуту.

- Я в форточку посмотрела, - она протянула Ире наполовину развернутую плитку шоколада, - будешь? Сашка положил в пакет с дисками. Прямо не знаю, что с ним делать?

- С шоколадом?

- С Сашей! Шоколад-то мы съедим, хотя и не следовало бы. Но хочется же. Себя жальче, - Копия засмеялась и снова встала на колени рядом с диваном. - Ты как к жалости относишься? Ведь так приятно, когда тебя жалеют,

даже если сам себя. Ты как вообще сама себя? Ладно, ладно - не поднимай брови, вопрос снимается.

- А Сергей - это кто? - спросила Ира.

- О, это интеллигенция. После вуза работает в школе - историю и еще что-то преподает, молодой перспективный кадр какой-то там социалистической партии, очень много знает, очень. Но слабенький совсем, даже неприятно - как размазня (по характеру). Жизнь ему основательно переломали еще в детстве, но мне от этого не легче. Все проблемы он решает через истерику, собственно, это определяющая черта его поведения. Думает, что ведет себя раскованно, а сам ходячий «комплекс». Он и ищет себе «сильную половину», чтобы в кулаке его держала. Иногда с ним неприятно. Может предложить себя, например, в сексуальные рабы или заняться прилюдным анализом своих, и не только сексуальных же, проблем. Проблем, как ты понимаешь, у него много. А я не люблю работать в этом плане, я люблю получать удовольствие, а не помогать его получать. Вообще для меня секс, наверное, высшая ценность, и, когда такие вот личности потливо и сопливо пытаются проникнуть, я... - лицо Копии исказилось отвращением, - не думай только, что я проститутка, просто я честна с собой. А с Сережкой часто очень интересно, главное направить его в нужное русло - очень управляемый он, даже удобно. Недавно, кстати, пришел с крещения (его бабки от какой-то болезни отказывались лечить, пока не крещенный), столько рассказал про обряд! Я так смеялась! Поп этот, толстый до несуразности, обдавал их таким перегаром, что у некоторых закружилась голова. Поп сразу объявил, что это «Дух Господень» и произнес такую речь, что Сережка от смеха и возмущения, когда рассказывал, говорить даже не мог одно время. Он вообще заикается. Так его аж застопорило. Он по религии подкован - они курс в университете проходили. Ну, поп этот там такое выдавал!..

- Таинство-то все равно свершилось, - Ира поморщилась, - а остальное - это личные уже недостатки священника. Он соблазняет свою же паству.

- Как, ты в это веришь?!

- Что значит веришь? Я это знаю. Кажется.

- Но ведь во всех учебниках, даже самых элементарных, написано, что это придумано, чтобы легче было управлять, чтобы платили, чтобы... - Копия вскочила, она была очень взволнована. Они смотрели в глаза друг другу. Ира тоже чувствовала себя неуверенно, низкий потолок хрущевки над головой Брет показался ей еще ниже. Она сказала:

- Этому есть основания, но суть не меняется.

Копия села на диван рядом с Ирой.

- И все равно - я давняя и осознанная атеистка, - она положила свою голову Ире на живот. Но Ира встала:

- Подожди, мне надо...

Она пошла в туалет.

Сидя там, она услышала сначала непонятный шорох, затем дверь в туалет задергалась снизу.

- Ира, открой... - в щель под дверью протиснулись пальцы Копии.

Ира посмотрела на задвижку двери - она была надежной, потом снова посмотрела вниз. Так странно было видеть эти пальцы. Появился почти мистический страх.

- Зачем?

- Открой, я хочу видеть, я хочу видеть тебя всю. Всегда. Открой!

Из лихорадочных мыслей вырвались слова:

- Нет! Это разрушит все, не надо. И... я в ванну сейчас поеду...

Снова шорох, и звуки пропали. Ире стало неприятно до физического ощущения грязи. «А это из какого кино?» Она решила действительно помыться.

В квартире играло что-то похожее на блюз. Копия лежала вытянувшись на диване, ее руки копошились ниже живота. Она подняла голову и сказала почти зло:

- Мне плохо, помоги...

Теперь Ире казалось, что Копия терзает себя этими руками, и она бросилась к ним.

Смеркалось. В пустой и темной квартире звучали нетерпеливые и гневные слова:

- Не так... Нет! Да. Нет, не так... А-ах, не умеешь!

Ира очень устала. Она старалась. Она не заметила, как уснула.

Она проснулась уже в полной темноте. Прислушалась и вспомнила, что ее разбудил звук закрывающейся двери. Копии рядом не было. Ира встала и, завернувшись в одеяло, обошла молчаливую квартиру. Свет не зажигала. Копии нигде не было, стало неуютно, но Ира пожала плечами и легла спать.

Копия вернулась только следующей ночью. Все это время, проснувшись утром в пустой квартире, Ира провела в прогулках по комнатам. Она испытывала даже облегчение от одиночества. Заметив это, она удивилась такой редкости: радоваться одиночеству - главному ужасу их жизни. Отбросив эти мысли, Ира приступила к осмотру книг, которые стояли стопками на дне платяного шкафа, - единственной мебели второй, маленькой комнаты. Фантастика - в основном С.Кинг, два зашерканных и толстых сборника детективов, Фрейд - издательство «Школьная библиотека» - толстая и тоненькая книги, Ницше. Ира вспомнила, что Копия говорила про Ницше. Оля принесла. Еще там были учебники. Смысл их названий Ира поняла, когда полистала тетради, лежавшие тут же запылившейся стопкой. Копия тоже училась в институте, она говорила об этом. Училась на инженера речного транспорта заочно и бросила перед дипломом.

На подоконнике в той же комнате лежали нераспечатанные письма. Копия повертела в руках одно из них: из родного города Копии, судя по фамилии отправителя, от ее матери. Взяла другое - то же самое. Копия нехотя рассказывала, что мама хотела сдать ее в психдиспансер, чтобы выписать из квартиры, в результате чего появилась бы возможность квартиру эту продать. И что Копия срочно уехала из города, намеренно не выписываясь и отказываясь от любого контакта с матерью. Этого Ира представить себе не могла и не верила особо. Сейчас вот наткнулась на письма. Осторожно положила их обратно на подоконник и вышла из этой комнаты.

Она все больше чувствовала, что ждет. Это было хуже. Она решила посчитать лепестки цветов на обоях, но быстро отметила закономерность их расположения и поймала себя на том, что вычисляет это количество уже арифметически. Бросила.

Есть она не хотела и не заходила на кухню совсем. Взяла в маленькой комнате детективы и села сжигать время. Изредка включала телевизор - посмотреть «Новости». Этот несуразно большой телевизор хозяйка квартиры купила ради Копии и устроила целое событие из этого. Копия не представляла жизни без телевизора, она призналась Ире, что день его покупки стал настоящим праздником для нее. Теперь у телевизора появился соперник - музыкальный центр. В их борьбе за пространство комнаты Ира взяла сторону телевизора. Она не включала музыки.

Когда стемнело, Ира включила везде свет и отключила звук у телевизора. Теперь она просто сверяла по нему время.

Ожидание.

Оказалось, что за железной дверью и стенами существует хорошо слышимый мир. Не читалось. Глядя в немой экран, Ира слушала звуки чужой жизни. Спать тоже не хотелось.

В дверь что-то зашлепало и длинно зашаркало. Ира открыла - на площадке стояла, покачиваясь, Копия.

- Заходи...

- Уху, - на высокой ноте ответила Копия и осталась на месте.

Ира вышла и, обняв, подтолкнула к дверному проему. Снизу донеслись приближающиеся шаги. Копия не ожи-

данно обмякла и стала непомерно тяжелой. Она неумолимо падала. Ира смогла только придать направление, и они упали в прихожую. Ира больно ударила ногу. Она встала, заперла дверь и заплакала, прислонившись лбом к ее холодному металлу.

Потом она очень долго тащила Копию в зал, раздевала ее и укладывала на диван. Остывшее тело Копии впрочем оказалось неуклюже. Кровь отлила от его поверхности, и было ощущение, что это чуть липкое тело со странным животным запахом мертво. Самым безжизненным было лицо. Ира стала переворачивать ее с одного бока на другой и застыла не в силах отвести взгляд: белая пупырчатая кожа на лобке словно извергала из себя тонкие и скользкие змеи - волосы, цвет ее губ не был обычно-сочным, он - почти синий. Отвращение.

Она постелила себе в маленькой комнатке на полу у батареи. Уснула сразу.

Так же быстро проснулась. Разбудил звук льющейся воды в ванной. Ира встала, оделась и вышла в зал. Постель на диване пуста и беспорядочно разворошена. Ира отвернулась и подошла к окну. Напротив их дома замерзала на осеннем ветру такая же пятиэтажка.

Судя по всему, время уже к обеду, однако Ира чувствовала себя уставшей, словно не спала, и руки еще чувствовали тяжесть холодного тела. Казалось, что все произошло только что.

Сзади прошлепали шаги, и задорный голос Копии сказал:

- Ой, ты уже встала? Вот я вчера попила-а, - она растянула последний слог, - ничего не помню. Только, как козла этого жирного и вонючего пинала ногами, помню. Кажется, между ног попала удачно и в глаз. Пяткой! Только... - голос стал чуть озабоченнее, - это же Сват был! И кто-то там еще был, все видел. Во позорнулся! Злой, небось, теперь. И как это я живая оттуда убралась? - голос вновь стал жизнерадостным. - Так ему и надо: напоил маленькую девочку, и что она должна почувствовать, трезвее в большой постели под зловонными поцелуями?! Меня силой! Ка... - она чихнула, - совсем не помню, как домой добралась, кто привез, кому в ноги кланяться. Ты не видела?

- Нет, ты одна перед дверью стояла, - Ира не оборачивалась.

- Ира-а, - протянула Копия, - я честно думала, что сразу вернусь, ты бы еще не проснулась...

Ира не ответила. На улице ветер швырял листву то в одну сторону, то в другую. Прямо под их окном стояло тоненькое деревце. На его мечущихся ветвях еще держалось чуть больше десятка желтых листочков. Они именно держались под ударами ветра.

Копия сзади звучно вздохнула. Потом вскрикнула:

- Я же забыла: когда уходила из дому, из двери вытащила записку, оказалось, от Паши - уехал он с женой по делам куда-то.

Ира резко развернулась. Копия виновато сказала:

- Я ее потеряла. Он написал, что срочно, очень извиняется, что бросил тебя, но, мол, иначе нельзя.

Ира снова повернулась к окну. Деревце под окном вдруг согнулось, и листья сорвались все до одного, словно стайка, взлетели вверх на потоке воздуха. И ветер швырнул их вниз.

- Свинья все-таки Пашка, - мог бы и зайти, мы же все время дома были, - сказала расстроено Копия.

- А во сколько мой поезд отходит сегодня?

- Часа через два, он каждый день ходит. Но ты ведь не уедешь сегодня?!

- Родители беспокоятся...

- Давай позвоним...

- ...да и на учебу не грех выйти...

Копия больше ничего не говорила, только смотрела, как Ира торопливо собирала вещи. Она приехала сюда ненадолго, но совершенно забыла об этом, поэтому вещи ее оказывались в самых разных местах. Ира потратила

все деньги еще в тот поход в магазин, но на билет обратный у нее было заранее отложено по совету Паши. На купе должно хватить, поездку плацкартой она себе не представляла. Только одевшись, она посмотрела на Копию. Та стояла посреди комнаты с полотенцем в руках, и появилось ощущение, что потолок опускается на нее. Раздавит. Ира отвернулась, взяла сумку с вещами и сказала в тишину:

- До встречи...

И вышла.

Копия догнала ее минуты через четыре. Они шли, наклоняясь против ветра. Копия крикнула:

- И родители твои для тебя, как одно целое?

Ира посмотрела удивленно, но кивнула. Копия смотрела на ее сумку. Ира вспомнила, что рассказывала ей, как мама, будучи против ее поездки, купила все же сумку в дорогу.

- Хорошая сумка, - сказала Копия, - давай нести помогу.

Они дошли до вокзала и встали в очередь. Смотрели друг на друга. Подошел выпивший мужчина и долго стоял рядом, рассматривая. Откашлялся и сказал басом:

- Девочки, перед вами стоит художник с не самой маленькой буквы, и он вам говорит, - он досадливо отмахнулся от женщины в пуховом платке. - Не, я не стою в очереди, не знаю, кто последний... Та-а вот... и он вам говорит: такая пара, как вы, достойна кисти. Кажется, несмотря на одежду, что совершенно одинаковые, а на самом деле такие разные! О-о, старого художника не проведешь.

Они ничего не ответили. Художник был пьян, поэтому воспринимал мир как данность - он отошел. Они молчали и смотрели. После речи художника на них стали обращать внимание.

Подошла очередь, и Ира купила купейный билет - «последний», сказала кассир. Копия развернулась и пошла к выходу.

- Ира! - позвала Ира. Та не обернулась.

Она была очень пьяна. Ее голова лежала на чем-то твердом, уходящем коричневыми полосами в бесконечность. Бесконечность клубилась, освещенная сверху желтым светом. Голова сотрясалась, - кто-то тяжело ходил рядом. Гулко прозвучал мужской голос:

- Сват, это Граф. Здесь она. Пьяная на полу лежит. Понял. Понял. Будет чисто, Сват, - мое слово! Я перезвоню...

Раздался писк, опять шаги. Опять голос - тот же:

- Колян, Толстый, че вы там, на кухне, не видали? Сюда идите!

Еще шаги.

- Сват сказал - на карьере... Хорошо, что эта падаль нажралась, - доведем без проблем. Так. У нас еще час есть. Ну, кто любитель на бесплатное? Пока не остыла... Большая рука перевернула ее.

- Дочка, дочка, проснись, - Ира вырвалась из кошмара, ухватившись за чью-то руку. Это оказалась полная и миловидная проводница их вагона. Она выглядела встревоженной:

- Я слышу, кто-то кричит в вагоне, оказалось - в этом купе. Так истошно! Вспомнила, что ты одна пока едешь, ну и открыла дверь своим ключом. Перепугала больно. Сон страшный?

Ира кивнула и посмотрела благодарно.

- Сейчас я тебе чая горячего принесу... бесплатно, - прервала она возражения.

Принесла. Так, над этим стаканом, Ира и просидела до утра. Утром поезд прибыл в ее город. Она сходила - отдала стакан, еще раз поблагодарила проводницу и, под ее сочувственным взглядом, спустилась на перрон.

Среди обычной вокзальной суеты к ней сразу подошел молодой человек в кожанке и вязаной шапочке:

- Машина нужна? До дому доехать? - спросил почти грубо, но Ира не обратила внимания. Она вдруг поняла, что без денег, а до дома еще добраться надо. Еще она почувствовала голод, но это ерунда. Молодой человек не отходил. Ира сказала:

- Знаете, у меня совершенно нет денег. Так что вряд ли...

Парень отошел. Но не далеко. И, пропуская мимо потенциальных клиентов, стал разглядывать ее. В этой девушке что-то было. В этой хрупкой грациозности, заметной, несмотря на теплую одежду, скрывалось что-то такое, что вызывало желание смять, подмять и владеть. Но он снова напоролся на глаза, и встречу первому чувству поднялось другое - всматриваться, всматриваться.

Он подошел к ней снова. Люди уже разошлись, а она так и стояла на том же месте. Ее глаза не беспокоились. Они спокойно и вопросительно посмотрели. Он смутился:

- Вам куда ехать-то?

• - На Загорскую... Но у меня нет денег, я уже гово...

- Поехали - нам по пути, все равно здесь мне уже нечего ловить...

Они ехали молча. Она сидела рядом, стиснув руки на

коленях и низко опустив голову. Капюшон ее плаща был откинут, но волосы, покачиваясь, скрывали лицо. Он косился на них и чувствовал, что ему нечего сказать этой девушке. Мучительно молчал. И она сказала ему «спасибо», когда выходила из машины у своего дома.

Утро рабочего дня - родители на работе. Ира первым делом залезла на кухню и наелась за все последние дни так, что с трудом дошла до ванной. Долго лежала в горячей воде, лениво вспоминая, какие завтра занятия. Потом наблюдала, как стекала вода с руки, поднимая ее из ванны. Вспомнила без особых эмоций, как они с Копией сидели вот так же в ванне друг напротив друга, переплетаясь ногами. Копия гладила ее своей горячей рукой и вдруг спросила:

- Ир...

- М-р?

- А как ты назовешь этот виток своей жизни? Потом.

Ира не ответила, ей было слишком хорошо, чтобы задумываться.

Сейчас она медленно завилла на палец локон у виска. Заметила свое движение и хмыкнула.

Так и назовет - «завиток».

Яна Неизвестная

Яна живет в Николаевске-на-Амуре. У них там рыба есть, а вот альманаха «Приамурье» - нет. Поэтому она решила напечататься у нас. Ну что ж, соседка, мы не против. Стихи хорошие.

Наверное, так мне и надо
За искренность вычурных фраз,
За то, что хотела быть рядом
Несчетное множество раз.

За то, что счастливое «рада!»
Над миром взлетало, звеня...
Наверное, так мне и надо,
Что ты не поверил в меня.

Выскажись весь,
Я помолчу.
Этот поток
Мне по плечу.

Знаю: цена
Этой лавины -
Целая жизнь
Без половины.

... И было поздно.
И вечер жег огни.
Она к тебе стояла слишком близко.
Я опустила голову так низко,
Чтоб вам казалось, будто вы одни...
И было поздно...

Научите меня не ждать,
Не надеяться и не верить.
Чтобы, руки сложив, устать
Слушать каждый постскрипtum двери.

Понапутать и правду, и ложь,
А часы - забыть и не сверить,
Чтоб, когда ты однажды придешь,
Рассмеяться и не поверить...

Моя кровь - вода,
Мое сердце - лед.
Я опять одна,
И никто не придет.

Мой зрачок - любовь,
Мои губы - пламя.
Я свою тоску
Опишу стихами.

Мои мысли - мир,
Моя плоть - душа...
Лишь осенний лист
Падает шурша...

Мне хочется в осень веселых кудрей -
Пушистых кудрей золотистого цвета,
Похожих на отблески «бабьего лета» -
На взрыв листопада с печальных ветвей...

Солнце камнем в распахнутый день
Мальчишкой взьерошенным брошено было.
Девочка-утро вспорхнула игриво,
Но вечер-мужчина поймал ее тень.

ОЖИДАНИЕ

Деревья испугались.
Они решили, что наступила осень,
И начали желтеть.
Не забывай меня.

Ночь - изумрудный цветок,
Полоса отчужденья.
Это лишь солнца залог,
Неба виденья.

Радугой чаша полна -
Это из детства,
Это лишь капля вина
Из малолетства.

Но обрывается нить.
И все с начала.
Снова приходится плыть
Лодкой к причалу...

Знаешь, я не трусиха,
Я даже не верю в поверья.
Просто в квартире тихо,
Просто шумят деревья.

Я люблю оранжевое с белым:
Апельсины на искрящемся снегу,
Человечка, нарисованного мелом,
И размякшую в тарелке курагу.

Идеальные, накрашенные ногти
И котенка с мордочкой смешной,
На столе расставленные локти,
Чемодан со всякой ерундой.

Вечер со свечами и снежинками,
Им во след летящие года,
И слова с наивными глупинками.
И глаза с искристыми снежинками...
... Вот бы знать, что будет так всегда!

Желтая музыка среди зимы -
Листья на старой березе.
Их впопыхах не заметили мы,
Когда наступили морозы.

Давай с тобой зажжем одну свечу,
Нальем чайку и тихо поболтаем.
Твоя ладонь отдаст тепло плечу.
Что будет дальше, мы с тобой не знаем.

Наверно, будем долго-долго жить,
Растить детей и радоваться чуду.
И может быть, и очень может быть,
Что, как теперь, тебя любить я буду.

Но я пока об этом помолчу.
Об этом мы с тобою врозь мечтаем.
Давай сейчас зажжем одну свечу,
Нальем чайку и просто поболтаем.

Вот оно как: мужчину убить
Вовсе не больно, а даже приятно.
Кто-то мне скажет: невероятно
После такого женщиной быть.

Мне просто хочется тепла -
Не долгих встреч,
А солнечного лета,
Где молчаливым продолжением ответа -
Рубашка, ниспадающая с плеч...
За это я б полжизни отдала.

ПРОСТО ТАК

- Ты умрешь?
- Умру.
- А зачем?
- Просто так.
- Ну, от этого лишь погибает дурак.

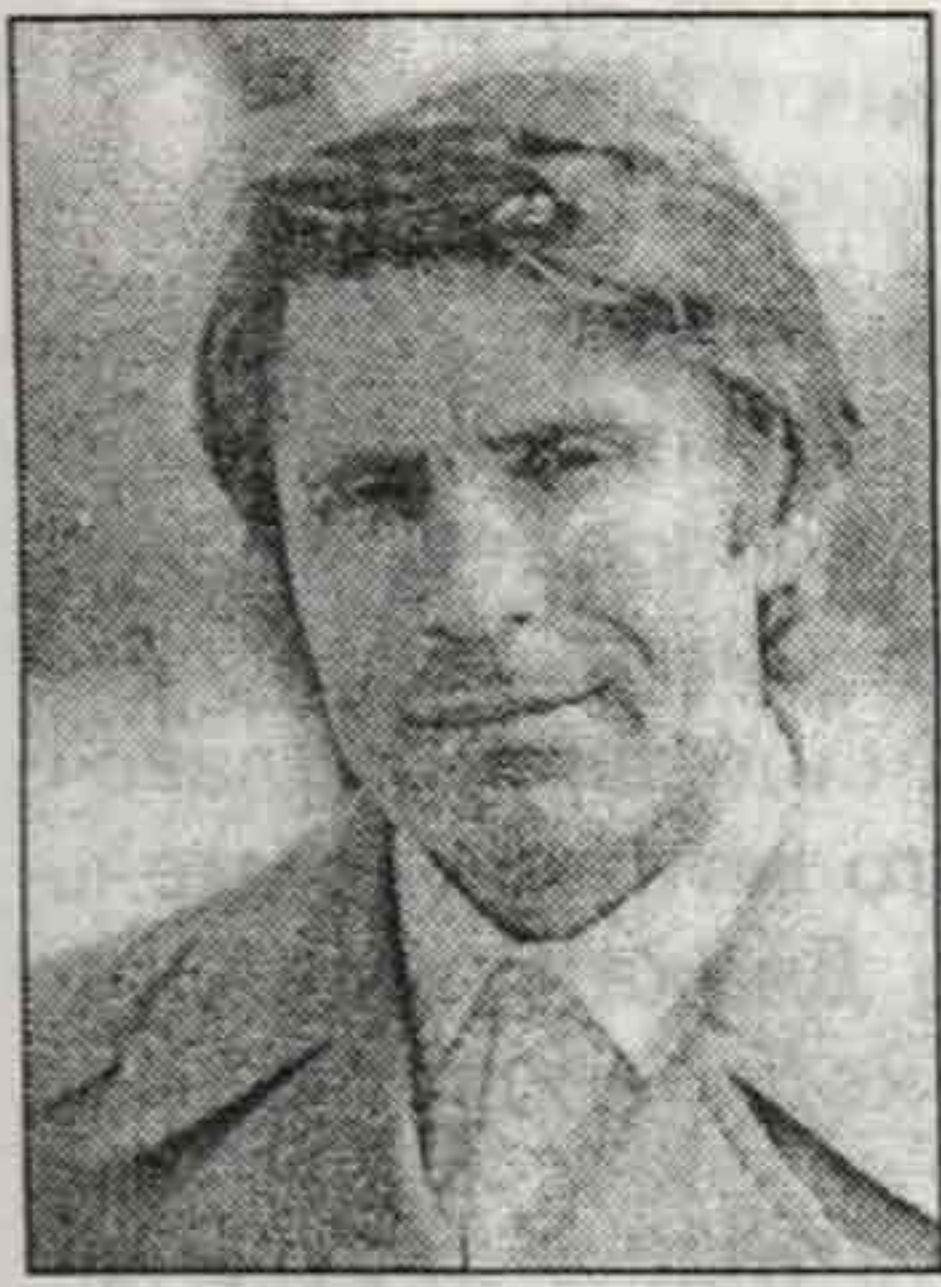
- Значит, я дура.
- Ну не скажи.
- Тогда дверь закрой, ключ на стол положи.
И зажги мне свечу.
- А зачем?
- Просто так...

И часы на стене отозвались: «Тик-так».

- А ты знаешь,
Давай с тобой вместе умрем.
- Нет, постой.
Давай лучше мы поживем.

- Чтобы жизнь наша стала, как стертый пятак?
- Знаешь, а давай поживем просто так...

Нужно быть очень умным,
чтоб сыграть дурака.
Чтобы быть современным,
нужно быстро идти в ногу с веком.
Нужно быть мертвецом,
чтоб понять, что такое жизнь.
Чтоб понять, что такое любовь,
нужно быть человеком.

Николай Лошманов

Вот уже три года минуло со дня кончины прекрасного композитора Николая Алексеевича Лошманова. Это был человек невероятной жизненной энергии, обладавший столькими талантами, что их вполне хватило бы не одному. Сотни песен оставил он после себя, но сегодня речь не о его музыке. В кругу друзей он блистал остроумными пародиями и эпиграммами. Не случайно амурские писатели в память о своем товарище выпустили в 1997 году книжку его избранных стихотворений названного жанра — «Дружеские подначки». К слову, желающие могут приобрести ее в Амурской писательской организации (ул. Ленина, 181).

Но, оказывается, он еще и пробовал писать художественную прозу.

В моем личном архиве хранится письмо композитора, а в нем рукопись, исписанная беглым почерком с помарками и авторской правкой. По сути, это черновик, однако, перечитывая его сейчас снова, я слышу голос друга. Отсюда и иное восприятие, нежели раньше, при его жизни, когда казалось, что он еще напишет что-то новое, сам и отредактирует.

Заголовков рассказов Николай Алексеевич придумать не успел, обозначив лишь жанр — «Три коротких детских рассказа для взрослых». Я взял на себя смелость дать название этим рассказам.

Игорь ИГНАТЕНКО.

ДИМКИНЫ ИСТОРИИ

(Детские рассказы для взрослых)

Таинственная дырка...

С Димкой вечно что-нибудь случается. Вот вчера поехали они с дядей Толей мыть машину. Дядя Толя заехал на машине прямо в речку, разулся, закатал штанины до колен, достал из багажника тряпки и сказал Димке, чтобы он тоже вылезал из машины, потому что будет мыть дверцу.

Если честно, то Димке ужасно хотелось мыть колеса, но мыть дверцу тоже было интересно. Он старательно тер ее мокрой тряпкой, и веселые солнечные зайчики играли на никелированной ручке и в каплях воды на стекле. Брюки его вымокли, но Димке было приятно, потому что даже строгая тетя Соня не будет его ругать. Еще бы! Ведь он занимался серьезным мужским делом.

Дальше случилось самое интересное. К речке вдруг подъехала милицмейская машина. Она была ярко-желтая, с черной полосой вдоль кабины. Из машины вылез милиционер, подошел к берегу, вежливо козырнул и сказал дяде Толе, чтобы он быстро вытащил из воды свое корыто.

Димка хорошо помнил, что никакого корыта в машине не было, и ему стало любопытно, откуда дядя Толя его возьмет, чтобы затем вытащить на берег.

Дядя Толя почему-то рассердился и сказал милицио-

неру, чтобы он вел себя повежливей. Тогда милиционер тоже рассердился и сказал громко, что из-за таких чистюль, как дядя Толя, вся рыба в речке передохла. И что теперь-то он обязательно сделает дяде Толе дырку.

Димке страшно интересно было увидеть дядю Толю с дыркой. Он даже представил себе на минуту, как здорово было бы заглянуть в нее, словно в замочную скважину в двери на даче.

Но дело принимало оборот явно нешуточный. Милиционер достал из кармана какую-то блестящую штучку и попросил у дяди Толи документы. Дядя явно испугался этой штучки, потому что его перекосило, словно у него зуб вырвали. Он подошел к машине, достал из пиджака свой потертый бумажник, в котором, как говорил дядя Толя своему соседу, у него всегда лежала какая-то таинственная заначка. Достал документы и протянул их милиционеру. Потом они обменялись еще какими-то словами, после чего милиционер опять вежливо козырнул и уехал.

Димка внимательно рассматривал дядю Толю, пытаясь увидеть дырку, которую милиционер обещал на нем сделать, но ничего, кроме татуировки на груди и руках, не заметил.

Димка разочарованно вздохнул и полез в машину.

...не менее таинственные рога...

Будучи неистощимым на выдумки фантазером, Димка целыми днями представлял себя то летчиком, то моряком, то космонавтом. Но больше всего на свете Димке хотелось быть взрослым, как студент Володька, живший на соседней даче. А еще хотелось Димке, чтобы бойкая тетя Катя, которая торгует у ларька мороженым, сказала бы ему, как Володьке: «Митька! Че ж ты на Светке не женишься? Смотри, девка она шустрая! Сохнет, сохнет, а потом такие рога тебе наставит...».

Димке ужасно интересно было представлять себя женатым на голенастой, рыжеволосой Светке, у которой ноги всегда были в цыпках. Но самым заветным его желанием было иметь эти замечательные рога, про которые

говорила Володьке тетя Катя. Вот должно быть здорово! Идешь по улице, на голове не шляпа, а рога! Все на тебя оглядываются.

Одно ему было непонятно. Почему, если эти таинственные рога существуют, их никто не носит? Стесняются что ли?

Вечером, когда все собрались за столом ужинать, Димка спросил об этом у дяди Толи. Дядя почему-то поперхнулся чаем, покраснел и обещал Димке врезать ложкою по лбу, а тетя Соня громко смеялась.

«Странные эти люди, взрослые! Никогда на интересный вопрос не ответят», — подумал Димка.

...и уж вовсе непонятные пила и муха

Уже два дня распирало Димку любопытство. Ему ужасно хотелось увидеть пилу, которой, как пожаловался дядя Толя, играя во дворе в домино с мужиками, его постоянно пилит тетя Соня. И муху, под которой, по мнению тети Сони, постоянно находится сосед дядя Федя.

Пилы он так и не нашел, хотя и перевернул все вверх дном на чердаке и в сарайчике. А когда тетя Соня спросила, что он ищет, и Димка подробно рассказал об интересующем его предмете, то тетя Соня почему-то уже не смеялась, как тогда вечером, когда он дядю Толю про рога спрашивал.

Больше того, в обед она пригласила дядю Толю на кухню и, хотя дверь была закрыта, Димка слышал, как она что-то громко-громко ему говорила, а дядя Толя смущенно оправдывался перед ней. Совсем как Димка дома перед бабушкой, после очередной своей шкоды. Из кухни

дядя Толя вышел злой и взъерошенный, как их кот Васька после ночных набегов, и сказал Димке, что ни на какую рыбалку он с ним сегодня вечером не поедет. «И чего это он рассердился?» — недоумевал Димка.

С мухой вышло еще хуже. Когда сидевший на лавочке дядя Федя спросил Димку, что это он так внимательно рассматривает у него на лысине, Димка ответил, что ищет муху, под которой постоянно ходит дядя Федя. А узнал он это от тети Сони.

Дядя Федя зло выругался, вlepил Димке подзатыльник и послал его куда-то так далеко, что потом даже дядя Толя не мог объяснить. Затем он пошел к тете Соне, и у них был ох какой разговор, после чего тетя Соня сказала, что, пожалуй, будет лучше, если Димка поедет домой к маме.

Александр Бобошко

Александр Бобошко родился в 1953 году в Райчихинске, окончил Хабаровский институт культуры. Член Союза писателей России, автор пяти сборников стихов и песен, лауреат дальневосточных бардовских фестивалей. Живет в Благовещенске, работает художником-оформителем. Если он вдруг придет к вам на день рождения, то предупреждаем: он все скомкает. Вместо того, чтобы пить, вы будете петь. Хором. Без гитары его никто не видел.

* * *

Осень опять на пороге,
хотя еще август вовсю.
И улетать приближаются сроки
птицам на юг,
подалеже от холода, снега и вьюг.

Так умудрилась природа
(в решенье тверда, как гранит):
если пернатым грозит непогода,
смертью грозит, -
природа крылатых на юге хранит.

Птицы парят в поднебесье,
не зная запретных границ.
Будущий день птицам точно известен.
Рад я за птиц.
Хотел бы я с ними по небу нестись.

Я обречен среди снега
уйти, не дождавшись весны,
туда, где нет солнца и синего неба, -
в вечные сны.
Необледеневшие здесь не нужны.

Осень опять на пороге...
Хотя еще август вовсю.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Я сейчас спокоен, а тогда я
был слегка не в форме... Ну и ну!
Рассказала женщина седая
новость невеселую одну.

Я узнал, оторопев немножко,
что скончался пару лет назад
человек с фамилией Бобошко,
с именем к тому же Александр.

И меня от этой вести в дрожь как
бросило - и холод по спине.
Это я ведь - Александр Бобошко!
... Речь, однако, шла не обо мне.

Оказалось, в области Амурской
есть поселок. Там и родился
мальчик. Разумеется, не русский:
родова из Украины вся.

На Востоке Дальнем (хоть по свету
родичей швыряло без конца)
никого из родственников нету
у меня по линии отца.

Это знаю точно. Гнезд не вили
здесь мои родные. Потому
это значит, я однофамилец,
тезка я умершему тому.

Говорят ученые без фикций,
говорят всерьез, доценты сплошь:
родственники все ж однофамильцы, -
очень-очень дальние, но все ж...

Значит, был еще один. Досадно.
Двое - это сила, мощь, накал!
Жалко, что Бобошко Александра
первого при жизни я не знал.

Не для приключения и смеха
я его, конечно бы, нашел.
Я без приглашенья бы приехал
и, волнуясь, в дом к нему б вошел:

«Извините за мое вторжение,
между нами - разницы стена.
Но у нас такие совпадения:
тезки - фамилия одна!

Может быть, и отчество совпало?
Просто чудо было бы тогда!»
(Отчества рассказчица не знала:
дескать, и не знала никогда.

Говорила, был он хромоножка,
оттого и не был на войне.)
Жили по соседству два Бобошко.
Я ему - никто, никто он мне.

Кем он был, каким - узнать, конечно,
я бы мог, в поселок мчась стрелой.
Там его ровесники поспешно
друг за другом в мир идут иной.

Мне бы с уцелевшими беседу
жаркую скорее завязать!

.....

Никуда, я знаю, не поеду.
Никого не буду я искать.

Эта жизнь меня замордовала.
В грязь лицом, в развалины, в обрыв.
Одного Бобошко уж не стало,
а второй - он внешне только жив.

Старший уж закончил путь свой тяжкий,
и никто не властвует над ним.
Младший бьется в клетке мелкой пташкой -
старший величаво недвижим.

Он спокойно дремлет под березкой,
обретая заслуженный покой,
никогда не встретившийся тезка
с редкостной фамилией такой.

Ну да ладно, сильно не печалюсь.
Мы друг друга все-таки найдем.
Раз на этом свете не встречались -
доведется, может быть, на том.

.....

Вот и жизни пройдена дорожка.
Рядышком, не в дальней стороне,
умер Александр, к тому ж Бобошко...
В этот раз шла речь не обо мне.

Как устану совсем от шумихи
телеящика, брани, газет, -
брошу все и поеду в Райчихинск,
где я жил до семнадцати лет.

Ощувив себя снова не старым,
я пройду, как идут на парад,
по горбатым кривым тротуарам,
что сбивали лет сорок назад.

Узнаю я любое место,
Куда бы там ни кинул взгляд.
И песни юности и детства
в душе моей тогда, конечно, прозвучат:

«А у нас во дворе есть девчонка одна.
Между шумных подруг неприметна она,
Никому из ребят неприметна она...»

Тополь был невысокий и тонкий.
Погрузнел, очень вырос... А там,
помню, я целовался с девчонкой.
Тут с приятелем выпил сто грамм.

Здесь в кино шел я не без опаски.
Хоть и в кассе купил я билет -
не пустили на фильм итальянский
с ярлыком «до шестнадцати лет».

Узнаю я любое место.
Здесь был роддом, а здесь - детсад.
И песни юности и детства
в душе моей теперь, конечно, прозвучат:

«Где-то вдали догорает закат,
и фонари ярче горят.
И не дают они людям сбиться с пути,
мои ночные друзья фонари».

А когда я поеду обратно
в повседневную горечь и шум,
обернусь я назад многократно
и украдкой рукой помашу.

Пронесутся в сознании вихрем
голоса дорогих мне людей.
... До свиданья, мой город Райчихинск,
не в пример мне, душой молодежи!

Нет ничего дороже места,
где был рожден, и жил, и рос.
А песни юности и детства -
я знаю их. Но жаль не полностью.
Вразброс.

В прошлом году отмечалось 200-летие Пушкина. Амурские литераторы подготовили к этому событию ряд публикаций - статей, стихов. Некоторые из них были напечатаны в газете «Глагол» - приложении к «Амурской правде». К сожалению, в прошлом году выпуск нашего альманаха не состоялся, но, хоть и с запозданием, мы решили опубликовать пушкинскую подборку - чтобы сохранить память о праздновании юбилея великого поэта.

Игорь Игнатенко

«НАПРАСНО Я БЕГУ К СИОНСКИМ ВЫСОТАМ ...»

Было это тридцать девять лет назад... Я учился в ту пору на втором курсе Благовещенского пединститута. Шли зимние каникулы, и я поехал к себе домой в Тамбовку отдохнуть и подкормиться на деревенских харчишках. На душе было тяжело: совсем недавно отец отвез мать в Москву в онкологическую клинику - безнадежно больную. Дом наш словно бы опустел.

В отсутствие матери за домом присматривали наши соседи Соповы, поскольку отец частенько бывал в командировках по району. Вот и на сей раз я не застал его, а в доме хозяйничала старшая из соседских дочерей - Валентина. Порядком продрогнув в дороге на попутке, я принялся отогреваться у топящейся печки. Валентина тем временем накрывала на стол. Отведав разваренной картошки, заправленной обжаренным салом с луком, напившись вдосталь чаю с шиповником, мы принялись толковать о студенческом житье-бытье.

Надо сказать, что соседка моя тоже училась в городе, в сельхозтехникуме на агронома, и нам было о чем поговорить. Постепенно мы перешли к поэзии, так как мне хотелось прочитать свои новые стихи. Но взять да и начать их читать просто так было неловко. И я решил прибегнуть к авторитету Пушкина. Снял с книжной полки только что полученный по подписке второй том собрания сочинений Александра Сергеевича, раскрыл наугад. Открылась страница 643, наверху стояла дата - 1836. Я продекламировал:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

«А я не напрасно...» - тихо, словно бы про себя, обронила Валентина. Тогда-то я и узнал горькую правду о том, как ее собрались исключить из техникума. Тамошние настырные комсомольцы проведали о религиозности семьи Соповых, учинили судилище над однокурсницей и по наущению комитетчиков потребовали выгнать девушку. Это ее-то, учившуюся в школе на круглые пятерки, побывавшую в Артеке, надежду и опору больной матери и вечного труженика отца, трех младших братьев и сестры! Да и в техникуме она была отличницей, обещала со временем стать прекрасным специалистом...

Долго в тот январский вечер говорили мы о Пушкине, о Боге, о жизни и смерти, о сионских высотах, где по библейскому преданию находится земля обетованная, рай, и куда стремилась всей душой моя восемнадцатилетняя соседка...

Минули годы... Многих поэтов узнал я за это время, полюбил и запомнил наизусть строки их стихов. Но Пушкин стоит особняком. И не потому, что нас так тому учили в школе, затем в институте. Его трудно с кем-то сравнивать, он космически велик и в каждую пору жизни дает нам если и не ответы на трудные вопросы бытия, то хотя бы путь к их пониманию. Все эти годы во мне созревало сочувствие к Пушкину. Роковым образом так случилось, что вскоре после описанного в начале статьи случая умер-

ла моя мать - тридцативосьмилетней, почти в пушкинском возрасте. И столько уже лет прошло...

Что это, провидение Господне? Случайное совпадение? Не знаю... Но сегодня мне кажется все чаще и чаще, что никакой мистики во всей этой истории нет. И когда церковники пытаются уверить нас в промысле Божиим, мне становится горько и холодно, как в ту зиму, когда умерла мама. Она была при рождении крещена своей глубоко верующей матерью. Я помню бабушку Марию, ее вечерние молитвы. Они были чуть слышны из бабушкиной комнатки, но я догадывался: она просит Бога за всех нас. Если бы эти молитвы дошли по адресу!

Пушкину исполнилось 200 лет. Понимаю, что фраза звучит неточно с бытовой стороны: правильнее было бы сказать - со дня рождения. Но это как раз тот случай, когда человек обретает права духовного бессмертия. Все дело заключается лишь в нас живущих, в нашей памяти.

Наверное, осознание этого феномена пришло к Пушкину именно тогда, когда он горько воскликнул: «Напрасно я бегу...» В тот год он создал свой «нерукотворный памятник», своеобразное поэтическое завещание. Неискушенному уму стихотворение это может показаться, банально говоря, нескромным. Но дело в том, что создание подобных «памятников» было к тому времени укоренившейся литературной традицией. Достаточно вспомнить Ломоносова и его перевод оды Горация «К Мельпомене»:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззатный род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи эольски,
И первому звенеть алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, Муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

1747 г.

Нет никаких сомнений в том, что Ломоносов вослед за Горацием заслужил право на подобное самоутверждение. Отдадим, однако, должное его скромности, ибо все-таки не «памятник», а - «знак бессмертия».

Державин спустя почти столетия был менее сдержан в переводе, не стал указывать на первоисточник. Наверное, Гавриил Романович мог это себе позволить. Но не об этом сейчас речь, а о том, как он это сказал. «Старик Державин», приметивший юного Пушкина на экзамене в Лицее, отказывается от античной системы образов, стремясь быть максимально понятным соотечественниками.

И вот настала пора, когда «перо покоя просит», вслед за Горацием, Ломоносовым и Державиным приняться и Пушкину за сооружение своего литературного монумента. Впрочем, разве он не был создан к тому времени всей совокупностью его произведений!? Александр Сергеевич взял на себя труд тройного перевода - с латыни, старославянского и допушкинского русского языка, позаимствовав заодно у Горация и эпитафия («я воздвиг себе памятник» - с латинского).

В чем заключалась гениальность Пушкина? Прежде всего в его историзме, колоссальной образованности и начитанности. А еще, говоря современным языком, в умении самопрограммироваться. Возможно, причиной тому и генетика, на Руси полукровки отличались талантами. Комбинации хромосом причудливы! И смешными выглядят потуги иных толкователей Пушкина свести дело к единому знаменателю. Дошло до того, что нынешние служители христианского культа усмотрели в произведениях Пушкина не только несомненное влияние весьма ощутимой в стилистике 19-го века церковной риторики, но и прямой промысел Божий. Это они-то, потомки доносчиков на Пушкина царю, виновники его ссылки! Религия с ее постулатами покорности, терпения, всепрощения, слепой веры - и Пушкин. Не вяжется все это.

Мне четыре года назад пришлось написать статью на подобную тему. Желających прочитать ее могу отослать к газете «Амурская правда». Похоже, что соблазн призвать Пушкина под знамена христианства не отпускает «святую» братию. Ну да Бог с ними! Они профессионалы и делают положенное им дело. А вот куда понесло учителей-словесников общеобразовательной современной русской школы? Получив в наше либеральное время возможность прочесть Библию, впали иные неопиты от христианства во искушение и соблазн. Потянуло их поупражняться в применении цитат из Ветхого и Нового Заветов к тем или иным реалиям быта и Бытия. Уверен, что с равным успехом они прибегли бы, создайся сходная с нынешней ситуация, к Талмуду или Корану.

Да, Пушкин высоко ценил текст Евангелия как собрание человеческой мудрости, иначе и быть не могло. В не меньшей степени он ценил сочинения великого атеиста Вольтера, чью библиотеку он изучил от корки до корки, благо царь разрешил к ней доступ. И знал, конечно же, меткое замечание Вольтера: «Если бы Бога не существовало, его надо было бы придумать». Вера - дело интимное. Вряд ли бы живой Пушкин допустил ревнителей церковности в свою душу. К священникам он относился определенно: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною!» («Сказка о попе и о работнике его Балде»).

Евангелие вдохновило Пушкину немало строк и даже целые стихотворения. Всего один лишь пример. Вспомните:

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.

Склонись ко мне главою нежной,
И да почиет безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

1825 г.

Интересно заглянуть в первоисточник, давший вдохновение поэту. Итак, Ветхий Завет, Песнь песней Соломона, два первых стиха главы первой: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина. От благовония мастей твоих имя твое, как разлитое мирро; поэтому девицы любят тебя». Как не восхититься взволнованным диалогом царя Соломона и стерегущей его виноградники «черной, но красивой» Суламитой!

Причудливы пути влияния и проявления его в произведениях разных поэтов. Лично меня «Песнь...» подвигла на создание стихотворения, эпитафиям к которому я

взял стих 5 главы 2 этого шедевра любовной лирики: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви». Но Муза повела меня несколько иначе, чем можно было бы ожидать.

Кто мне скажет, когда я смогу
Отovarить талон на спиртное,
На крупу, маргарин и иное?
Но эпоха в ответ ни гу-гу...

Подкреплюсь жидковатым чайком,
Что под статью прошлогоднему сену.
До чего ж либеральные цены -
Пустьят по миру враз голяком.

Освежусь из бачка огурцом,
Что на даче лелеял все лето.
Таковы вот замашки поэта:
Еле жив, а глядит молодцом.

Но когда скovyрнусь с хилых ног,
Упаду, промычав: «Мать Россия...»
Скажет новый Пророк и Мессия:
«От любви, знать, мужик изнемог».

1991 г.

Посылая 1 декабря 1823 из южной ссылки А. И. Тургеневу письмо со стихотворением «Свободы сеятель пустынный...», Пушкин так характеризует это произведение: «Я... написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа». И это вовсе не ерничество, как может показаться на первый взгляд, а реальный взгляд на историю, отображенную в книгах Библии.

За три месяца до своей трагической гибели Пушкин пишет Чаадаеву: «...Нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу» (Собр. соч., том 10, стр. 309, 1962 г.). Не уверен, что с пушкинских времен духовенство сильно прогрессировало, если для укрепления символа веры прибегает к любым ухищрениям, в том числе и спекуляции на авторитете Пушкина. Тот посмеялся бы Александр Сергеевич, предвосхищавший время, когда «у позорного столба кишкой последнего попа последнего царя удавим»!

Священнослужителям лестно за давностью дней отпустить Пушкину грехи. А не они ли сами его подвигли на грех лжесвидетельства, когда он на Верховной комиссии, куда был вызван по доносу петербургского митрополита, вынужден был отречься от авторства «Гавриилиады»? Николай I простил Пушкину этот «грех», навязав ему тем самым долг чести. Цена же этого долга, как показала история, - сама жизнь. В конечном счете, не Дантес убил Пушкина, а те, кто позволил ему это совершить. Тут для нас тайны нет.

Апологеты «христианизации» Пушкина напирают на то обстоятельство, что де незадолго до гибели в творчестве поэта усилились евангельские мотивы. Простим им это «открытие». Они намекают так, словно бы им исповедовался Александр Сергеевич на смертном одре, раскаиваясь в вольномыслии и богохульстве молодых лет. Но обратимся не к домыслам, а к самому Пушкину. В стихотворении «Воспоминание» (1828) он словно бы отвечает грядущим непрошенным пастырям:

...И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Мужественность этого поэтического и человеческого поступка (что у иных «мастеров пера» не всегда одно и то же) - потрясает. Чтобы острее ощутить всю силу этих строк, вспомним отчаянное восклицание Блока: «Молчите, проклятые книги! Я вас не писал никогда».

В подобной ситуации Есенин был гораздо ближе к Пушкину, когда в маленькой поэме «Черный человек» нарисовал беспощадно самого себя: «Черный человек водит пальцем по мерзкой книге и, гнусая надо мной, как над усопшим монах, читает мне жизнь какого-то прохвоста и забулдыги, нагоняя на душу тоску и страх». И все-таки величественнее всех именно это пушкинское: «строк печальных не смываю»!

Он был безнравственным?

Не верьте слухам!

Бессчетно влюбчивым?

Так ну и что же!

Ведь чем заоблачней

Вершины духа,

Тем глубже пропасти

У их подножий.

Прошу прощения за цитирование самого себя. В конце концов это не «адвокатские» стихи, а всего лишь некая попытка приблизиться к пониманию Пушкина. Что и толковать - задача заманчивая, недостижимая, но постоянно стоящая перед нами. Есть у меня и другие строки, навеянные Пушкиным («Желание», «За честь свою он поднял пистолет...», «Баллада о ноже», к примеру). В них я далек от мысли «прихорашивать» образ поэта или же греться в лучах его славы (помните у Гоголя: «С Пушкиным на дружеской ноге...»). Оставим эту тщету самолюбивым эпигонам. А вот учиться у Пушкина незачем в любом возрасте и на любой ступени общественного положения.

И еще почти мистическая история. Я имею обыкновение на сон грядущий вспоминать наизусть какие-нибудь

любимые стихи. Чаще всего они звучат как своеобразная молитва, ибо что такое лирическое стихотворение, как не молитва, обращенная к Провидению с просьбой умиротворить, дать отдохновение?

В тот вечер перед сном я прочитал «Храни меня, мой талисман...», посвященный Пушкиным графине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. И заснул, успокоенный крепко. А ночью, в половине четвертого меня разбудила жена: «Вставай, в доме пожар!» Как оказалось, горел подвал нашего дома, подожженный наркоманами.

Квартира была полна едкого дыма, не проснись вовремя жена, промешкай мы еще четверть часа, и все мы - супруга, дочка, внучка и я - погибли бы, как случилось в этот же день в Самаре, где заживо сгорели более шестидесяти сотрудников местного УВД. «Мой талисман» оберег наши жизни. И никто меня не разубедит, что это не Пушкин спас всех нас в ту страшную ночь. Я уже не говорю о том, что Пушкин спасает нас постоянно от узкомыслия и догматизма, от ханжества и лицемерия, от нищеты духа, к которой так призывают толкователи религиозных текстов. Но довольно об этом!

P.S. Недавно мне позвонила та самая моя соседка, с которой мы читали тридцать девять лет назад второй том стихотворений Пушкина. «Неужели это ты, Валентина!» - не удержался я от восклицания почти пушкинского («Ужель та самая Татьяна!»). Да, это была она. Мы встретились, вспомнили наше деревенское отрочество и юность, поэтические мечтания и суровую прозу жизни.

Из техникума Валентину исключили. Работала в Тамбовском КБО швеей, встретила единовеца и вышла замуж. Родила и воспитала одиннадцать детей. Она по-прежнему «бежит к сионским высотам».

Олег Маслов

ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ?

Не надо Пушкина принимать в партию. Ни в какую. Он - поэт, и этим все сказано. Но то, чего при жизни не сделал он сам, на протяжении вот уже более полутора столетий с завидным упорством пытаются сделать его потомки, представляя поэта то декабристом, то монархистом, то атеистом, а то и христианским проповедником. И у всех ведь находятся доводы, подтверждающие, что он является единомышленником тех, кто их выдвигает. Но стоит вникнуть в его творчество, сопоставить некоторые факты биографии, как ясно видишь, что он сам отвергает приписываемые ему политические и религиозные пристрастия. Увлечения и заблуждения, конечно, были, но, как истинный поэт, он всегда умел подняться над ними.

Да, в ранней юности Александр Пушкин вращался в кругу вернувшихся из Европы молодых офицеров, проникся их республиканскими настроениями и написал несколько вольнолюбивых и довольно дерзких по тем временам стихотворений.

Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья,

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

За эти стихи самовластье и сослало его сначала в южную, а потом в северную ссылку. В Михайловском его навел на лицейский друг, будущий декабрист Иван Пущин. Они о чем-то говорили (теперь-то уж нетрудно догадаться о чем), возможно, Пушкин что-то поддерживал, что-то обещал. Но вот получен роковой сигнал о готовящемся декабрьском выступлении. Пушкин собрался в путь, сел в

сани и поехал, но ... передумал и вернулся. Почему - попался, заяц дорогу перебежал? Да, полноте, - хоть он и был суеверным человеком, но не настолько, чтобы из-за каких-то примет изменить серьезное намеренье. Может, страх одолел? Тоже отпадает - другой великий поэт абсолютно точно назвал его «невольником чести», который ради ее защиты встал под дуло пистолета. Тогда что же все-таки заставило его вернуться? Это как раз тот случай, когда Поэт взял верх над обывателем. Дело в том, что к тому времени А. С. Пушкин написал «Бориса Годунова» и пережил, продумал, прочувствовал весь трагизм царубийства и незаконного захвата власти, воочию увидев какие беды это принесло в прошлом его народу. Именно это помогло ему государственно взглянуть на грядущее событие, которое готовили его друзья в Петербурге, и, понимая его историческую аморальность и преступность, найти в себе силы отказаться от личного участия в нем.

Всю жизнь величайший поэт России создавал в своих произведениях образ величайшего Государя своей страны, каковым был для него Петр I.

То академик, то герой,

То мореплаватель, то плотник,

Он всеобъемлющей рукой

На троне вечный был работник.

Равняться на него поэт призывал и современного ему императора Николая:

Семейным сходством будь же горд;

Во всем будь пращуру подобен:

Как он, неутомим и тверд,

И памятью, как он, незлобен.

В стихотворениях, поэмах, прозаических произведениях Пушкина Петр - великий реформатор, выведший Россию из тьмы невежества к свету просвещения и сделавший ее великой мировой державой. Но вот выходит в свет «Медный всадник» - лучшая по написанию и, пожалуй, сложнейшая по замыслу поэма, в основе которой конфликт между «державцем полумира» и обыкновенным «маленьким» человеком. Последний погибает в неравной борьбе, но и автор, и читатель отнюдь не на стороне кумира на бронзовом коне. Вот вам и монархист!

С детских лет мне внушали, что Пушкина убил царизм, с которым он всю сознательную жизнь вел непримиримую борьбу. Так ли это? Да, по большому счету рукою Дантеса его убил высший свет, «стоящие у трона свободы, гения и славы палачи». Что же касается самого трона, то факты говорят о том, что Николай I относился к А.С. Пушкину очень хорошо, и у поэта не было повода не только враждебно относиться к нему, но и быть неблагодарным.

В первые месяцы царствования он вызволяет его из ссылки и избавляет от официальной цензуры: «Я позволяю вам жить, где хотите, пиши и пиши, я буду твоим цензором». (Записки декабриста Н.И. Лорера). После женитьбы и переезда в Петербург Пушкин писал П.А. Плетневу: «Кстати, скажу тебе новость: царь взял меня в службу - но не в канцелярию или придворную, или военную - нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: «Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни», буквально. Ей-богу, он очень со мною мил». «За эту службу-синекуру в Государственном Архиве Пушкину назначили 5000 рублей в год (в то время как Карамзин получал пенсию 2000 рублей в год, Жуковский - 4000, Крылов - 1500, Гнедич - 300). «Я всем сердцем привязан к государю», - сказал Пушкин». (М. Дубинин, «Родина», № 11, 1990 г.).

А еще раньше, в 1828 году, царь в буквальном смысле спас Пушкина от суда святейшего Синода, грозившего ему лишением дворянского звания и пожизненной ссылкой в Сибирь. В руки петербургского митрополита Серафима попала рукопись «Гавриилиады», и специальная комиссия начала искать автора этого творения. Когда положение стало безвыходным, «Пушкину дали бумаги, и он у самого губернатора написал письмо к царю. Вследствие этого письма государь прислал приказ прекратить преследование, ибо он сам знает, кто виновник этих стихов». (П.В. Нащокин в книге В. Вересаева «Пушкин в жизни»). А ведь стихи-то были Пушкина, и невозможно представить, чтобы он назвал царю какое-то другое имя.

Пушкин всю жизнь прожил при стесненных «меркантильных обстоятельствах» (так он называл свои денежные дела). В последние годы жизни они стали безысходными, что и явилось фоном разыгравшейся трагедии.

После дуэли, ночью на 28 января, явился лейб-медик Арендт и привез Пушкину письмо от Николая I. Царь писал: «Любезный друг Александр Сергеевич! Если судьба нас уже более в сем мире не сведет, то прими мое последнее и совершенное прощение и последний совет: умереть христианином. Что касается до жены и детей твоих, то можешь быть спокоен, я беру на себя устроить их судьбу».

Государь повелел: 1) Заплатить долги. 2) Заложенное имение отца очистить от долга. 3) Вдове пенсии и дочерям по замужеству. 4) Сыновей в пажи и по 1500 рублей на воспитание каждого по вступлении на службу. 5) Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6) Единовременно 1000 рублей. (М. Дубинин «Родина», 11, 1990 г.).

И ведь он сдержал свое слово! Все это обошлось казне около 500000 рублей. К тому же подписка на посмертное издание (казной) сочинений Пушкина в пользу вдовы и детей дала 262000 рублей валового дохода. Найдите в мировой истории подобный пример отношения царя к поэту при жизни и после смерти последнего!

В преддверии 200-летия со дня рождения началась новая пушкиниана. В отличие от прежних времен нынче

нет идейно-политического прессинга, но зато все чаще делаются попытки представить творчество Пушкина в библейском толковании. Так, А. Савельев в своей статье, напечатанной 12 февраля 1999 года в приложении к «Амурской правде» «Золотые купола», приводит следующее утверждение В. Непомнящего: «Вся структура его произведений, вся система ценностей - это настоящая христианская система; если внимательно его прочитать, без предубеждения, мы это увидим». А сам автор предложил прочитать «Памятник» А.С. Пушкина в евангельском контексте.

Что ж, автор прав в том, что «судьба любого гениального произведения такова, что его смысл практически неисчерпаем». Можно прочитать его и так. А можно, без предубеждений, вспомнить о стихотворении Горация «К Мельпомене», которое спустя восемнадцать столетий впервые перевел на русский язык М.В. Ломоносов («Я знак бессмертия себе воздвигнул...»), после чего Г.Р. Державин на его основе создал свой «Памятник». И вот тогда А.С. Пушкин, как бы подражая Державину и подводя итог своей жизни, «перевел» это стихотворение с державинского языка на пушкинский. Прочтите то и другое для сравнения.

Гавриил ДЕРЖАВИН

ПАМЯТНИК

Я памятник воздвиг себе чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! - весь я не умру; но часть моя большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слого
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело свое зарей бессмертия венчай.

Александр ПУШКИН

* * *

Eregi monumentum

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит -
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык -
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.
Велению Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Да, А.С. Пушкин, как человек своего времени, был православным христианином, но не настолько, чтобы его поэтическую систему можно было назвать христианской. Давайте вспомним еще раз, что он автор «Гавриилиады»

СТИХИ АМУРСКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ А. С. ПУШКИНУ

Олег Маслов

Я помню чудное мгновенье...

А. С. Пушкин

И мне не позабыть мгновенье,
Которое воспел поэт, -
Оно пришло, как озаренье,
В мои ребячьи девять лет:

Я с удивлением заметил,
Что среди всех есть ты одна,
И день свиданием стал светел,
И ночь - разлукою темна.

Я был готов смотреть часами,
Забывшись, на твои черты,
Как на изменчивое пламя
Непостижимой красоты.

Но встречи были так мгновенны -
Их прерывал звонок, как рок,
И целый час до перемены
Вновь длился тягостный урок.

А ты всегда меня встречала,
Как равнодушная луна,
И даже не подозревала,
Что жизнь моя тобой полна.

Но легче было умереть мне,
Чем пред тобой открыться в том...
Я прозябал, увы, лишь в третьем,
А ты была - уже в шестом.

Инга Соколова

Храни меня, мой талисман...

А. Пушкин

Я не знаю, что тебе сказать,
На душе так тихо и просторно.
Как пустыня голубая гладь
Глаз твоих, глубинна и озерна!

Я не знаю, что тебе сказать,
Я простила боль мою, все муки.
Я боюсь промолвить и солгать,
Я боюсь покинуть твои руки.

и десятков родственников ей по духу стихотворений. Поэтому и в этом плане не надо делать его «своим», пусть он навсегда останется нашим.

Пушкин - Поэт, и не надо ему никем быть больше. На примере крупных русских писателей мы не раз убеждались, что как только кто-то из них ударяется в политику или религию, он сразу же теряет в своем качестве как писатель. А один из величайших поэтов нашего столетия так наступил на горло собственной песне, что вместо нее в свет вышли только сто томов его партийных книжек. А ведь какой был талантище!

Пушкин избежал при жизни этой участи, оттого и после смерти остался величайшим поэтом России.

Игорь Игнатенко

ПУШКИН

За честь свою он поднял пистолет,
Себя на смерть тем самым обрекая,
И умер, никого не упрекая,
Во цвете сил, во славе зрелых лет.

Подумайте! Ну, разве не арап!?
Сподобленный стать светочем России,
Ее пророком и ее мессией,
За честь жены скончаться был он рад.

И вышло так, что спас свою он честь,
И честь жены, и честь своей Отчизны,
Но горький ропот давней укоризны
Нам не отвести, как траурную весть.

И до сих пор в метельных феврялях
Мне чудится напутствие поэта...
Он был певцом любви, восторга, света,
И потому погиб, а не зачах.

И потому он ищет продолженья
В родимом слове, в перелисте книг.
Что смерть Поэта? - это только миг.
Его явленье - вечности служенье.

Александр Бобошко

ПРО СЕБЯ СКАЖУ

Без поэзии - тоска. Без поэтов скучно мне.
Я и сам Пегаса в мыло часто загонял.
...Я на днях статью прочел о великом Пушкине.
Ничего там нового, правда, не узнал.

Азбучные истины мной и так изучены.
Мол, давил на Пушкина жизни тяжкий пресс.
Цензоры - неистовы. И долги замучили.
Был поэт ревнив. Его донимал Дантес.

За границу он хотел. «Стоп!» - жандармы-стервы.
Бенкендорфу лично он далеко не мил.
И обласкан не был он Николаем Первым.
И тираж стихов его лишь в три тыщи был.

Гений - Пушкин! Равных нет - не ищи и не свищи...
Про другое думаю, высказать спешу.
Было ли когда легко хоть кому из пишущих?
Про других не буду я. Про себя скажу:

В трудовой я рос семье. Был чуть-чуть психованный,
Ибо начал чувствовать - с нянечкой беда.
Не было подобия Арины Родионовны.
Да и вовсе не было няньки никогда.

От Елены - бабушки от моей - Григорьевны
Я ни разу в общем-то сказок не слышал.
Вот и не развился я методом ускоренным,
И мальцом себя в стихах пробовать не стал.

Эх, не навевала мне бабушка сюжетики.
Редко улыбалась нам. Грыз проклятый зоб,
Загрызал... Бессильными оказались медики,
И легла серьезная бабушка во гроб.

...Моя мама в юности на балы не ездила.
Летом с хворостиною уток стерегла.
Не светило яркое ей имен созвездие
В темноте медвежьего дальнего угла.

И отец, однако, мой не был вхож в салоны,
С публикой богемною не встречался он.
Если и в салоне был мой батяня - оный
Только «пассажирам» лишь зваться мог салон.

...Я пришел в редакцию. Был редактор бледен.
Говорили, что старик очень сильно пил.
Так или не этак, но «нас он не заметил,
В гроб сходя», лишь выругал, не благословил.

Я просил вернуть тетрадь со стихами. Долго
Он ее искал. Найдя, морщился, зевал.
Массу общих слов сказал - и ни слова толком.
Понял я: тетрадь мою он не открывал.

А насчет лица: с ним тоже не везло мне.
Впрочем, если б даже вдруг был лицом открыт,
Ходу не дали бы все ж той моей персоне.
Папа мой не из бластных и не знаменит.

...Помню школу. Курс ее, мягко скажем, спорен.
На уроках знали мы скуку, маету.
«Лишний» нас не волновал человек - Печорин.
Не ценили Чацкого ум и остроту.

Мы стихи, поэзию жутко ненавидели.
Девять глав «Онегина», целых девять - стресс!
Слава Богу, думали, что нашелся в Питере
С пистолетом умный дяденька Дантес.

Пушкин прожил тридцать семь. Сделал не на шутку!
Учишь - задыхаешься, словно в горле кость.
А до ста бы дотянул? Аж подумать жутко,
Сколько бы заучивать нам тогда пришлось!

Вызовут к доске - идешь потный и неловкий.
Не слова - мычание извлекаешь ты.
Пробубнишь, как пономарь, чертовы рифмовки.
Не забыть, не сбиться бы - вот мои мечты!

Я поэтов не любил, я поэтов хаял.
Стыдно мне сейчас про то людям рассказать.
Просто удивительно, как пришел к стихам я.
Стал читать и сам теперь пробую писать.

Ну, а где пишу? Весь день я кручусь в заботах, но
Если время выдалось, - вечером пишу.
Но - отдача малая. Мне бы в отпуск, в Болдино.
Дайте ссылку в Болдино лет на пять, прошу!

Дома телевизор, треп, все такое прочее,
Что присуще каждой вообще семье.
Можно бы, конечно, сочинять и ночью -
Только днем, не выспавшись, как работать мне?
Если бы, устав от дел, я домой пришел,
А меня слуга раздел, - было б хорошо!

Глядь на стол, а там - балык, с ягодой вареник.
Мне слуга анисовой двести грамм налил.
Я часок вздремнул, в журнал еду «Современник»,
Где роман последний свой нынче поместил.

Пру в редакцию, как прет, извините, трактор.
В дверь стучать не надо там из последних сил.

Хорошо писать, когда сам себе редактор.
Хорошо писать, когда сам себе кассир.

Я старался бы с пути не сойти на йоту.
Лира - вот мой первый друг. Больше никого.
А какой-нибудь Дантес пакостил бы - к черту!
Слишком много чести, чтоб замечать его.

И меня не любит власть. Власть себя лишь любит.
Лживых льстивых рифмачей обожает царь.
Я по улице иду. Вдруг подходят люди.
«Пишешь честно, - говорят, - так и дальше шпарь!»

Шпарю... Меньше, чем хочу. Стих не для прокормки.
Книжку тонкую издал. Сотня - весь тираж.
Вновь поденщиной займусь. Жить без хлебной корки
Не умею, и купить надо карандаш...

А порой так хочется: на плечо - гитару,
И на двести лет назад в стольный град рвануть.
Там на тройке пронестись с девочками к «Яру»,
Да на бал одним глазком хоть разок взглянуть.

Да найти бы тот салон, хорошо, конечно, -
(Душ почувствовать родство, счастья миг вкусить) -
Где стихи читает он, сам земной и грешный,
Средь поэтов - божество, лучший на Руси...

Настя Карловская

г. Благовещенск,
школа № 5.

* * *

Среди поэтов, в мире славных
(Нам всех не сосчитать имен),
Стоишь в рядах ты самых главных
Средь тех, кто Богом одарен.

Когда в минуты вдохновенья
От темной ночи до утра
Лились, как быстрое течение,
Твои стихи из-под пера,

Уж предсказали строки эти,
Что ты отныне во главе
Средь всех поэтов в белом свете
С венком златым на голове.

И вот сбылось то гаданье,
К сердцам людей ты ближе стал,
И, подчиняясь предсказанью,
Уж занял первый пьедестал.

Ведь любят все твои творенья
И почитают: и стар, и мал.
Опять все ищут для прочтенья
Лишь то, что Пушкин написал.

И вот, стихи кончая эти,
Всевышних праведных отцов
Благодарю, что на планете
В России - лучший из творцов.

Валентин Рассадин

Поэты бывают двух профилей: безвредные и вредные. А Валентин Рассадин - двуликий Янус. Одно лицо у него вполне лирическое и даже гражданственное, а другое строит гримасы и передразнивает братьев-стихотворцев. Нынче он повернут к нам своим вредным лицом.

Пародии

УСТАЛЫЙ БАРД

Я устал от людской суеты...
Надоели гирлянды афиш...
Опостылел сервисный уют...
А с жизнью всё не так...
С любовью жить на свете просто жуть...

Г. Шумейко

Я устал от людской суеты,
не резвятся по струнам персты.
Я устал, я смертельно устал,
я едва размыкаю уста,
чтоб под звуки унылой струны
простонать вам о муках страны.
Бесшабашных моих откровений
будет помнить гряда поколений.
Все на свете мне страшно обрыдло,
подвернись кто, начистил бы рыло.
Супротивники есть: коммуняки,
демократы — давно уже бяки.
Но устал я, устал, как собака,
хлопотать-то с идейною дракой.
Я с бандурой по миру бреду
и творю в стихотворном бреду.
Надоели гирлянды афиш,
где не я, а откормленный шиш.
Опостылел сервисный уют,
где поклонницы спать не дают.
К ним с любовью — киношная жуть,
без любви — так совсем обожрут.
Словом, с жизнью все как-то не так.
Всем ее продают на пятак,
а вот славному барду Шумейко
запродали всего на копейку.
Опостылела жизнь-маета:
всё не так, всё не тем занята.
И взаправду, ну что за житье:
рассветает — я вновь за вытье.

ПРИШЛА ВЕСНЬ

Весна! Исчезновенье снега...
С утра теплынь, а ночью стужь...

С. Федотов

Весна! Капель играет туш.
Но это днем, а ночью стужь
и вместо луж сплошная твердь.
Но это в общем-то не беда.
Ведь мы весною, черт возьми,
опять становимся детьми
и голосим: «Поглядь-ка, мамь,
весна вприпрыжку прет и впрямь!»
С ней неразлучная надежда —
и в пряслах лезет жердь на жердь.

Пришла весна! А проще — веснь,
и набухает в сердце песнь.
Долой все хворости и старь,
вспомнянь, как, выкинув букварь,
весной далекой по углам
играли сладко в пам и мам.
Неувядаемая игра!
Сильней монет, древнее гирь.
И пусть плывет по небу тучь,
ты шибко горько не канючь
и верь — пройдет ночная стужь.

МУЖСКОЕ ЛЕТО

Позади — кипенья яблонь,
Впереди — грядет жнивье,
Через месяц — лето бабье,
А пока оно — мое...

Дайте косу поострее,
Размахнусь на целый свет —
В мире нет меня смелее...

А ведь это - всё от лета,
Всё от летнего тепла...

О. Маслов

Есть у женщин бабье лето.
Ох, уж это мне бабье!
Как же это? Что же это?
А мужское где? Моё?

Громогласно протестую!
И не только на словах,
раз мужские напрямую
ущемляются права.

Я заброшу медицину
и поэта ремесло,
сяду в личную машину
и поеду на село.

Отыщу лужок пышнее,
где сочнее мурава —
лето праздновать мужское,
утверждать свои права.

Я возьму косу острее,
размахнусь на целый свет —
в мире нет меня смелее,
да и мужественней нет.

Медицинская наука,
сердце больше не тревожь.
Жизнь — она такая штука:
и не хочешь, да заржешь...

Истекло мужское лето,
голова опять светла.
Понимаю — блажь вся эта
приключилась от тепла.

Николай Рудковский

Николай Рудковский родился в 1960 году. В 1994-м закончил заочно Дальневосточный госуниверситет (по журналистике). Руководит пресс-службой областного управления по налогам и сборам. Много печатается в областных газетах. Особая страсть - прошлое Приамурья. «Старая мельница» опубликовала немало его очерков на эту тему.

Компромат: проживая в свое время во Львове, Рудковский Н.П. активно сотрудничал в газетах «Львовская правда» и «Вільна Україна». И чего это вдруг лицо украинской национальности в Амурскую область такое влюбленное?

Очерк

Страницы прошлого

КРУГ ЖИЗНИ

К девяностым годам минувшего века Благовещенск начал приобретать черты торгово-промышленного города и культурного центра. В это время формируются органы городского самоуправления, открываются новые школы, возводятся новые храмы. Среди них - Шадринский собор на Большой (Ленина) улице, между Семинарской (Политехнической) и Ремесленной (Чайковского), а также кладбищенская Вознесенская церковь на Вознесенской площади (угол Вознесенской (Красноармейской) и Никольской (Комсомольской) улиц).

На углу Иркутской (Горького) и Ремесленной (Чайковского) была построена первая в Приамурье Михайлово-Архангельская церковно-приходская школа.

О том, что Благовещенск становился купеческим городом, говорил тот факт, что здесь было открыто отделение торгового дома «И.Я. Чурин и К°». Чуриным в 1895 - 1897 годах построено здание главного магазина и конторы на Торговой площади (ул.Б. Хмельницкого). Купец А.Е. Лукьянов на Набережной Амура (Краснофлотская) построил центральную гостиницу «Россия», по благоустройству и комфорту считающуюся лучшей в городе.

И все же город, насчитывающий в 1890 году 20475 жителей, по-прежнему оставался деревянным. Из 2061 жилого дома и 157 магазинов и лавок кирпичных строений, к примеру, в Благовещенске насчитывалось соответственно лишь 16 и 9. А церквей к тому времени здесь было уже восемь.

ДВЕ СЕМЬИ

Напротив Вознесенской церкви в одном из больших деревянных домов за массивными воротами жила купеческая семья Матвиенко. Глава ее - Иван, человек уже преклонных лет, чьи корни с Дона, положил здесь начало собственному торговому делу, которое затем продолжили трое его сыновей. Торговали на Чуриной площади, где в так называемых «холодных» рядах имели несколько лавок. Основной товар - соленая красная рыба, балык,

Мать Григория — Анила Матвиенко с младшими детьми и невесткой Матреной.

икра, овчинные шубы, валенки и т.п. Занимались также скупкой и перепродажей золота. На том и разбогатели. Причем довольно быстро. Когда сыновья один за другим женились, отец выделил каждому из них свою долю наследства. К тому времени Матвиенко уже владели паем в паровой компании наравне с такими купцами, как Опарин и др. Старший из сыновей - Данила Иванович - имел мельницу на берегу Зеи, в районе нынешнего Первомайского парка.

Другой сын - Лаврентий, который построил себе дом на Графской (Калинина) улице, имел восьмерых детей: четыре девочки и столько же пацанов. Девки, подрастая, хлопот особых не доставляли, а вот с парнями было тяжелее. Хотя и работающие были, тут уж ничего не попишешь, и красавцы - как на подбор, но и погулять любили. Благо, что в деньгах отец их никогда не ограничивал. Молоды были, кровь горяча, вот и искали себе приключений. Как-то Григорий, один из его сыновей, вместе со своими друзьями прогуливался вдоль по Графской. А навстречу по дороге, вяло понукая лошаденку, какой-то мужик вез на подводе стог сена. Тут один из Гришкиных сотоварищей возьми да и скажи с подначкой: «Гришань, а слабо тебе сено поджечь?» Тот в ответ как взвывается: «Что?! Мне

слабо?!» И воз через мгновение ока запылился под хохот его дружков и яростные крики возчика, пытающегося сдержать рвущую вожжи из рук, несущуюся по улице обезумевшую от огня лошадь. А вокруг - деревянные дома. Не ровен час - и до пожара недалеко... Вот такой вот характер был у парнишки. Шальной, необузданный, дерзкий.

А чуть смеркнется на дворе, он вместе со своей компанией устраивал вечеринки у кого-нибудь дома. Сегодня, к примеру, у Матвиенко, завтра - в другом месте. Ведь ни клубов, ни танцплощадок, тем более баров, тогда для молодежи не было. Гармошка, балалайка да нестройный хор подвыпивших парняг оглашали тишину благовещенских ночных улочек. Кстати, и девчата с ближайшей округи заходили «на огонек». Танцевали. Знакомились. На одной из таких вечеринки Гришка встретился взглядом с миловидной девушкой - Матреной Борисовой. И дрогнуло молодецкое сердечко под невинным взором глаз цветася василькового неба...

Борисовы в Благовещенск, население которого к тому времени перевалило уже за тридцать четыре тысячи, попали в 1902 году. Уроженцы Воронежской области, половину пути, от самого Байкала до Амура, они прошли практически пешком. Лишь изредка им удавалось воспользоваться попутной подводой. Ведь нужно было платить, а денег у них было негусто. Рисковали, конечно, сорвавшись с обжитого угла. Ведь неизвестно, что там за край, какие люди. Но, по слухам, свободных земель в Приамурье было непочатый край, да и золотишко, опять же, манило своим блеском. Вот и шел сюда народ. Кто с семьей, кто группами, а некоторые смельчаки - и в одиночку. Кто осел на земельке да приголубил ее плугом, глядишь - через пару лет уже начинал становиться крепким хозяином, обзаведясь необходимым сельхозинвентарем да рабочей скотиной. А посему многие из переселенцев уже и не помышляли о возвращении в покинутые края. Приамурье им стало домом родным. Ведь, что ни говори, не та мать, что родила, а та - что вырастила. Ну а те, кому не по нутру было крестьянское подворье, подавались в золотопромышленные артели либо оседали в областном центре, занявшись каким-нибудь ремеслом или торговлей...

Первую свою ночь на амурской земле Борисовы провели под лодкой на берегу Амура. Ведь ни родных, ни близких в радиусе нескольких тысяч верст у них не было. Одна лишь неизвестность в перспективе. Что делать? Как быть дальше? Глава семейства Василий, вздыхая, всю ночь крепко сжимал в руках кошелек, в котором остался всего-навсего один лишь серебряный рубль. А наутро, поцеловав всех своих родных, осененный крестным знаменем, он, взяв лодку, отправился в путь - на ту сторону Амура, в Сахалян. Что ни говори, а русский рубль в те времена стоил многого, не то что нынче. У китайцев Василий даже на эти деньги достаточно купил овощей, с чем и вернулся. Продав товар, он сделал еще несколько ходок на китайскую сторону. Вот так, мало-помалу, начав с рубля, Борисовы, сколотив небольшое состояние, сняли небольшой домик. Сыновья его вскоре устроились на работу бакенщиками, а сам он потихоньку стал приторговывать разнообразным товаром на Сенном базаре. Жена его также не оставалась без дела, внося свою лепту в общую копилку. Трудовой люд, уходя на работу, чтобы, как говорится, душа не болела за своих малолетних чад (где они сейчас? А, может, что случилось?), оставлял детей у этой женщины. А плата в день за каждого ребенка - двадцать копеек. Ну чем не нынешний детский садик?!

Все заработанные деньги, до копейки, стекались к Василию - главному казначею семейства. Иначе его никак и не назовешь. Оно и верно. Деньги в одних руках - это, фигурально выражаясь, рубль, у нескольких человек - лишь копейки. Копейка к копейке, рубль к рублю, и вскоре с легкой руки главы семейства Борисовы взяли в аренду участок земли вблизи Вознесенской церкви, где и построили дом. Потом открыли небольшую лавчонку, где торговали разнообразной овощной и другой продукцией.

А Благовещенск к тому времени рос, мужал как численностью населения, так и в архитектурном отношении.

На Набережной Амура в 1908 году завершено было строительство городских торговых рядов «Мавритания». Здание предназначалось для торговли продовольственными товарами (совр. лабораторный корпус АмурКНИИ ДВНЦ Российской Академии наук). На Большой (Ленина) улице по сей день радует глаз здание тогдашнего универсального магазина и конторы Благовещенского отделения торгового дома «Кунст и Альберс» (ныне областной краеведческий музей имени Новикова-Даурского). В городе, в связи с сооружением Амурской железной дороги, в 1908 году начато строительство здания железнодорожного вокзала.

ГРИГОРИЙ И МОТРЕ

Встретившись как две звездочки на ясном небосклоне, не омраченном тучами, и он, и она прониклись друг к другу взаимной симпатией, перешедшей вскорости в любовь. Но тучи не заставили себя долго ждать. И первый их предвестник - несовершеннолетие. Мотре в ту пору было пятнадцать с хвостиком, а Григорию - восемнадцать лет. Свадьба откладывалась на целый год, поскольку несовершеннолетие вступало в свою силу лишь по достижении шестнадцати лет. Что делать? Ждать? Но ведь можно... хотя бы попытаться приблизить этот срок. И молодые подали прошение архиерею. Дни тянулись за днями в томительном ожидании. Наконец ответ был получен. В виде исключения им разрешили сочетаться браком. Свадьбу сыграли без промедления в 1908 году, и влюбленные зажили своей жизнью в новом доме, подаренном им отцом Григория - Лаврентием Ивановичем. Последний дал также за сыном хорошую долю в наследстве и полагал, что тот, обзаведясь семьей, остепенится, бросит свои холостяцкие замашки. Надеялась на это и молодая жена. Но Григорий, кажется, и не помышлял об этом: продолжал пить и гулять с друзьями. Мог прийти домой посреди ночи и, громко оглашая окрестности стуком в дверь: «Мот-

Григорий и Матрена в день венчания.

ря! Открывай!», вместе с компанией ввалиться в сени. «Что есть - давай на стол!» Молодая хозяйка, с укоризной глядя на мужа, молча выставляла на стол четверти водки и закуски под нее: соленые грузди, рыбу, огурцы и т.п. Подвыпив, разгоряченные мужчины начинали спорить. Больше других бесновался Григорий. «Что, мне слабо попасть?!» И, выхватывая револьвер, начинал палить по фотокарточкам на стене...

Матрена тяжело переживала выходки мужа, однако, родным об этом ничего не говорила. В ту пору у нее уже был сын Андрей, а через год и три месяца, в 1910-м, родилась дочь, которую назвали Ираидой. Однако, как говорится, земля слухом полнится: Борисовы все же узнали о несносном поведении Григория и, придя в их дом со словами: «Мы тебе дочь дали не для того, чтоб ты издевался над ней!», забрали ее вместе с детьми с собой.

Григорий, извинившись, забросил свои дружеские попойки. Но ненадолго. И так повторялось неоднократно. Матрена Васильевна, устав от такой жизни, на время уехала в Хабаровск, оставив детей на попечение родителей. А муж ее продолжал вести разгульную жизнь в Благовещенске, промотав на этом «поприще» всю свою долю наследства. А потом застрелился, оставив предсмертное послание: «Любил всю жизнь жену и детей. И люблю до сих пор. Жизнь разбил сам и ей, и себе. Все пропил, все промотал. Ухожу из этой жизни...» Случилось это в 1914 году.

После этой трагедии Матрене стало совсем невозможно жить рядом с родными Григория Матвиенко, которые нет-нет, да и попрекнут ее при случае за самоубийство мужа. Хотя никакой вины за собой эта женщина не чувствовала, но совесть острым жалом все же покалывала где-то в глубине души. Ведь, несмотря на свои муки в супружестве, и она любила своего мужа... В 1921 году, оставив у родных дочь и забрав с собой сына, Матрена Васильевна уехала в Харбин.

ХАРБИН - ШАНХАЙ

- Когда мама уехала в Харбин, - рассказывает девяностолетняя Ираида Григорьевна Матвиенко, - я жила у ее родителей, училась во втором классе одной из благовещенских школ. Потом она приехала и забрала меня с собой. В Харбине я училась в украинской гимназии и прожила в этом городе три года. Затем возвратилась на родину. В 1925 году, когда мне было пятнадцать лет, мой дед заболел, и бабушка отправила меня к матери.

Что представлял собой Харбин в это время? Во-первых, здесь было очень много русскоязычного населения. Город был разделен на несколько своеобразных кварталов, поскольку строился постепенно. Первый из кварталов, в непосредственной близости от реки Сунгари, что впадает в Амур, назывался Пристань. Потом, с притоком эмигрантов, стали строить новый город, затем - поселки. Рядом с Харбином располагалась большая казачья станция.

С работой здесь было очень тяжело. Китайский труд был настолько дешевым, что, в буквальном смысле этого слова, забивал все. Всюду, где речь шла о грязной работе, были китайцы.

Мама работала прислугой у богатой англичанки. А мне в срочном порядке пришлось выучить разговорный английский, так как этот язык был весьма широко распространен в Китае, где к тому времени можно было встретить представителей многих национальностей...

Из Харбина, прожив там несколько лет, семья Матвиенко переехала в Тяньзин, затем, вместе с волной эмигрантов, - в Шанхай.

Матрена Васильевна вновь нанялась в прислуги, а ее дочь стала работать в баре, обслуживая за стойкой разношерстную публику. Ее основной задачей было развлекать разговорами клиентов, пока бармен-китаец выполнял их заказы. Общась с людьми, Ираида заводила но-

*Матрена Васильевна
с детьми Андреем
и Ираидой.*

*Ираида —
«полетчица»
русской
цирковой
труппы.
Шанхай,
30-е годы.*

*В шанхайском
переулочке.*

вые знакомства, порой даже весьма примечательные, особенно в среде музыкантов. Здесь она познакомилась с Вертинским - знаменитым певцом.

- Всегда окруженный друзьями, почитателями и поклонниками своего таланта, - продолжает она, - он частенько навещался в наше заведение, занимая один, а то и несколько столиков. Со мной всегда вежливо здоровался, мог перекинуться несколькими дружескими словами, но никогда с нескромными предложениями не подходил, за что я его очень уважала. Когда он сосватал себе грузинскую княжну, то одной из первых об этом событии узнала я со своей компаньоншей Леной. Причем лично от него самого.

...Шанхай уже в то время являлся крупным международным портом. Корабли приходили сюда со всего мира. Город, в буквальном смысле этого слова, кипел, как вода в котле. Кого тут только не было: и англичане, и французы, и немцы, и русские. Последние на свои средства при поддержке консульства построили клуб, где демонстрировались советские художественные киноленты. Была здесь и русская епархия, приют для малолетних, который обслуживали дамы-патронессы. Совсем как в дореволюционной России.

Среди эмигрантов много было богатых людей, которые впоследствии могли себе позволить уехать на постоянное местожительство во Францию, Англию или же в Америку. Но еще больше было тех, кто едва сводил концы с концами. Трудно было устроиться на работу женщине, но еще тяжелее - мужчинам. Чаще всего им приходилось заниматься хоть и доходным, но очень опасным бизнесом: покупали верблюжьих одеяла и везли их на продажу в провинции. А в пути их подстерегали разные неожиданности: могли просто ограбить, а в худшем случае - и убить.

Андрей тоже хотел было приобщиться к этому занятию, но мать, остерегаясь за жизнь сына, была против. Тогда он, выучившись шоферскому делу, стал, если удавалось устроиться, работать водителем, а то и механиком по ремонту автомобилей.

А Ираида одно время, познакомившись с семьей, члены которой выступали в русской цирковой труппе на трапециях (полетчики, как их здесь называли), попробовала свои силы и в этом нелегком деле. Проработала в цирке целый год, а потом, закончив русскую школу кройки и шитья, стала подрабатывать этим ремеслом. Выучившись вскоре и вышивке, что по тем временам было довольно таки престижным занятием, она поступила на работу в салон знаменитой на весь Шанхай мадам Гринхауз.

- Я часто спрашивала себя, - вспоминает эта уже убежденная сединой женщина, - как молодежь очутилась там одна, без родителей? Бежали в поисках лучшего? Спрашивается - чего? Ведь жизнь в Шанхае была трудная. Много погибло молодежи от наркомании. Героин не щадил никого. Те девушки, которые не боролись за свое существование, просто пропадали. А иным повезло - повыходили замуж за иностранцев и уехали вместе с ними. А в общем-то, здесь на девушек смотрели как на живой товар, который можно запросто купить. Вот, к примеру, была у меня одна знакомая. Чудесная женщина, добрейший по натуре человек. Муж ее бросил и уехал в Америку, а она осталась одна с маленьким мальчиком. Бог красотой ее не обидел, да и голос имела хороший. Исполняла песни в разных барах. Но денег на жизнь все равно не хватало. И чтоб растить сына, дать ему образование, она пожертвовала собой - стала содержанкой богатого американца.

О том, что жизнь в Шанхае была тяжелой, Ираида Григорьевна в разговоре повторяла неоднократно. Если, к примеру, китаец здесь мог довольствоваться чашкой риса, то русскому человеку необходим был хлеб. Немножко больше зарабатываешь, лучше поешь - уже хорошо.

К слову сказать, в среде русских эмигрантов, даже из богатых, мало кто держал прислугу в своих домах. Зато американцы, немцы, французы чувствовали себя хозяевами, работая в банках и ведя торговые дела. Летом в Шанхае температура порой доходила до 50 градусов, поэтому все иностранные конторы начинали работать с четырех часов пополудни.

- Тянуло ли меня назад, на родину? - словно переспрашивая, говорит Ираида Григорьевна. - Пожалуй, что да. Да вот только путь туда нам всем был заказан, граница закрыта. Лишь в 46-м, когда Сталин объявил репатриацию, мы смогли вернуться в родные места. Как сейчас помню: пришли в порт Шанхая пять больших кораблей из Находки, и все, кто изъявил желание вернуться, были перевезены в Советский Союз. А всего было пять рейсов. Незадолго до этого я вышла замуж и на родину возвращалась уже с десятилетней дочуркой. Со мной вместе уехали и мама, и брат Андрей. Таким образом, мы сделали своеобразный жизненный круг, вернувшись в Благовещенск, который своим внешним обликом мало чем отличался от его видов начала века, за исключением разрушенных в тридцатые годы церковей да переименованных названий многих улиц...

Уважаемые читатели! Мы чуть не забыли напомнить вам, что настоящим, 22-м номером наш альманах завершает 20-й век и 2-е тысячелетие. Сплошные «двойки», между прочим. И, как положено матерому двоечнику, альманах «Приамурье» никуда не переводится, а остается. На третье тысячелетие.

Литературно-художественный альманах «ПРИАМУРЬЕ», № 4 (22), 2000 год

© Амурская организация Союза писателей России (составление), 2000

Заказ № 1613. Тираж 500. ООО Издательская компания «РИО».

Отпечатано в типографии Государственного производственно-коммерческого издательства «Зея». 675000, Благовещенск, ул. Калинина, 10.

НОВАЯ ШЕНА	
50 р.	00 к.
Дата	№ к.б.

